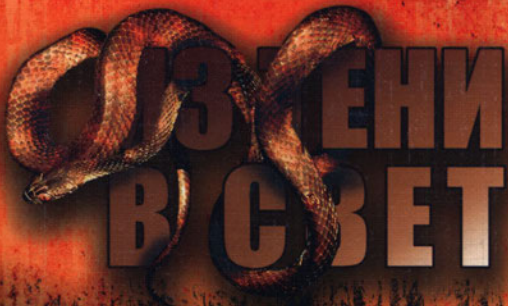

2014

А. Трапезников ИЗ ТЕНИ В СВЕТ А. Филиппов ОЧЕРЕДНОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Александр Трапезников

ИЗ ТЕНИ В СВЕТ

Алексей Филиппов

ОЧЕРЕДНОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

18+

Читайте в этом выпуске

Александр Трапезников ИЗ ТЕНИ В СВЕТ

В Институте биологии и генетики вскрыт сейф с документами, касающимися засекреченных исследований ученого. И сам он загадочно исчез, но давно. Есть предположение, что эти происшествия связаны между собой, и чем дальше продвигается следствие, тем больше зловещих фигур появляется в этой истории.

Алексей Филиппов ОЧЕРЕДНОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни, знаменитый философ и ученый-энциклопедист берется за расследование загадочного происшествия, ему предстоит выяснить, может ли укусить слепая змея? Его теребит-торопит султан. Но властителя волнует вовсе не гибель человека.

ISSN 1997-4108

9 771997 410776

14012>

Подписные индексы:

«ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ»

Агентство «РОСПЕЧАТЬ»

- 70814 – **ПОДВИГ**
(на 1 полугодие)
- 81161 – **КЕНТАВР**
(на 1 полугодие)
- 71174 – **ДЕТЕКТИВЫ СМ**
(на 1 полугодие)
- 47703 – **ПОДВИГ + ДЕТЕКТИВЫ СМ**
(на 1 полугодие)
- 81162 – **ПОДВИГ + ДЕТЕКТИВЫ СМ + КЕНТАВР**

«ПОЧТА РОССИИ»

Каталог российской прессы

- 10960 – **КЕНТАВР**
- 10961 – **ПОДВИГ**
- 10962 – **ДЕТЕКТИВЫ СМ**
- 44927 – **ПОДВИГ + ДЕТЕКТИВЫ СМ + КЕНТАВР**
- 99653 – **ПОДВИГ + ДЕТЕКТИВЫ СМ**

«ПРЕССА РОССИИ»

Объединенный каталог

- 45443 – **ПОДВИГ + ДЕТЕКТИВЫ СМ**
- 44784 – **ПОДВИГ + ДЕТЕКТИВЫ СМ + КЕНТАВР**

Александр Трапезников

ИЗ ТЕНИ В СВЕТ

Роман

Муромцев успел среагировать раньше, как только показалась рука с пистолетом. Мгновенно откинувшись на сиденье, он завалился вбок, оставив перед собой и стрелявшим бронированную дверцу. А потом из своего «глока», не поднимая головы, произвел через разлетевшееся вдребезги стекло ответные выстрелы навскидку, наугад.

Алексей Филиппов

ОЧЕРЕДНОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Рассказ

Человек нетвердой походкой вышел из-за лавки медника. Сделал шаг, второй... Споткнулся, едва не упал, еще шаг... Словно больного ребенка, прижимал он к груди левую руку. Еще шаг, и силы оставили его. Страдалец упал. Торговцы, тотчас же бросив свои дела, подбежали к упавшему незнакомцу. Тот что-то силился сказать, но язык не слушался его.

— Слепая змея, — выдохнул он. — Не осле...

DE
TEK
TURB

Издательская компания

Пиджит

Москва

№12, 2014

Александр Трапезников

ИЗ ТЕНИ В СВЕТ

Роман

Стр. 4

Алексей Филиппов

ОЧЕРЕДНОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Рассказ

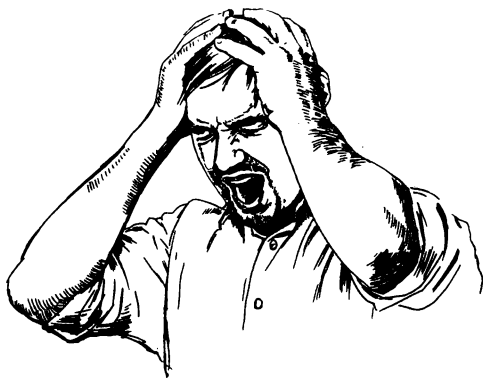
Стр. 262

Об авторах

Стр. 278

Издательская компания

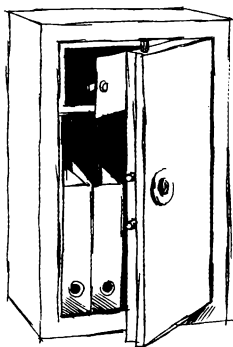
Пиджит

АЛЕКСАНДР ТРАПЕЗНИКОВ

ИЗ ТЕНИ В СВЕТ

РОМАН

ГЛАВА 1.

ПРОФЕССОР И ЕГО ЯЩЕРКИ

о крыше многоэтажного дома бежал человек. Его догоняли двое полицейских и еще один – в штатском. В вечерней Москве как раз начали звучать первые залпы праздничного салюта. Темное беззвездное небо с одинокой луной вдруг стало расцвечиваться фейерверками. Столица отмечала День народного единства. Народ на улицах ликовал и весело скоморошничал. В последние два года, осо-

бенно после воссоединения Крыма с Россией и восстания на Украине, радость была искренней и долгожданной

А погоня неумолимо приближалась. И деваться вроде бы было уже некуда. Человек достиг края крыши и остановился, тяжело дыша. Шагах в десяти от него замерли и полицейские. Чтобы не спугнуть и не спровоцировать на прыжок.

– Иди ко мне, бандерлог, – позвал штатский. – Цып-цып. Ты же не Тарзан, Коля.

– Ага, была охота срок мотать, – отозвался человек.

– А куда денешься?

– А вон туда, – и беглец указал вниз на улицу. – Только меня и видели.

– И тайну рептилий с собой унесешь? А мне гадать по-тому? Это не по-товарищески.

– Ты мне не товарищ, мент позорный.

– Отстал ты, Гринев, от времени. Тогда уж говори «пент», что ли. Полиция все же, – стал рассуждать штатский. – Или «полт». Пол Пот. Полтергейст. Полтора с «прицепом».

– Да какая разница? Гнида сучьим потрохом и останется. Гнилую натуру не переделать.

– Это вопрос спорный. Давай сядем рядом да поговорим ладком. Обсудим.

В это время двое других полицейских стали с разных сторон осторожно приближаться к «бандерлогу». Тот предостерегающе поднял руку.

– Еще одно движение в мою сторону и... Скажи им, Петр Данилович. Ты же меня знаешь, я могу. А на свою жизнь я уже давно болт забил. Какая мне разница: сегодня, завтра...

– Ты и на чужие его заколачивал, – произнес штатский. Но все же потребовал от своих коллег: – Назад, ребята. Он бешеный, с головой не дружит, может и сигануть без парашюта.

– А что же теперь делать будем? – спросил один из полицейских. – Так и стоять на ветру, пока не околеет?

– Да пусть прыгает, – добавил другой. – Нам только проще. Сам себе приговор и вынесет, без суда присяжных. А то мучиться с ним потом.

– Еще и опять сбежит, – согласился первый. – Гоняйся за этим зайцем по чердакам да крышам. Была охота!

– Он не заяц, он кот мартовский, – возразил второй. – Хотя нет, ноябрьский. Другие, вон, празднуют, а мы...

– Отставить разговорчики, – строго приказал Петр Данилович. – Будем ждать. Пока сам не замерзнет.

Он достал мобильный телефон и начал кому-то звонить. Потом стал говорить тихо, но все-таки достаточно для того, чтобы его слышал бегун.

– Василий Семенович, это Муромцев. Гриню почти взяли, да он на карнизе застрял, никак не отцепится... Прыгуна в воду изображает, только бассейн пустой. Думает, на Олимпийские игры пошлют... Нет, не торопим. А куда нам самим спешить?.. А если поторговаться?.. Ну, можно предложить «защиту свидетеля». И комфортные условия в Арктике, по «путевке комсомола»... Ладно. Есть ждать. Но вы только поскорее там. Самим холодно.

Он спрятал телефон в карман.

– Ты слышал, Николай? – обратился он к Гриневу.

Тот вдруг спросил:

– А если я открою «тайну рептилий»? Тогда что?

– Ты открой сперва, а потом льготный проезд на метро проси.

– И все же, Петр Данилович, какие у меня права появляться?

– Право обратиться к правозащитникам. В «Хельсинской группе» к твоему телу уже очередь выстроилась.

– Без шуток. А за Полярным кругом сам живи, мне он не подходит. Я белых медведей не переношу. Царапаются.

– А рептилий любишь?

– Ты на мой вопрос не ответил. Баш на баш.

– Ладно. Скорее всего, все равно сядешь, но уже ненадолго. А может, и условный получишь. Это суд решит. Пластическую операцию сделают, поселят где-нибудь, скажем, на военно-морской базе, будешь там жить, как Пентанджелло из «Крестного отца». Смотрел, поди?

– Ага. Да только тот потом плохо кончил, вены себе вскрыл.

– А чего ты хочешь? Без сопровождения тебя на Сейшелы отправить? По путевке комсомола «все включено» и шведский стол по утрам? Так там тебя быстрее твои дружки найдут.

– Тогда какая разница: когда и где? А тут разом. И весь вопрос.

– Ну, валяй, прыгай, птичка, лети, – кивнул Муромцев. – Ты только чуток погоди, будь другом, пока генерал не приедет. А то скажет еще, что это мы тебя и подтолкнули. Строгий выговор не хочется получать.

Полицейские вслушивались в их диалог и усмехались.

– Меня все равно достанут, хоть в тюрьме, хоть на базе ВМФ, – вновь пустился в разговор Гринева. – И как пить дать, удавят. С ними такие номера не проходят.

– Это как сказать.

– Как и ответить.

– Ладно, давай начистоту. Что ты о Профессоре знаешь? Это от него заказ шел?

При слове «Профессор» лицо латентного самоубийцы стало меняться. Губы дрогнули, в глазах мелькнул страх. Видно было, что он смертельно боялся этого человека. Возможно, еще больше, чем асфальтовой бездны под ногами.

– Чего молчишь? – спросил Муромцев. – Я угадал? Его «рептилии»? А про «голубую кровь» что слышал?

Бегун-прыгун начал пятиться. До пропасти оставалось полшага.

– Угадали, товарищ подполковник, – сказал первый полицейский. – Вон как его затрясло.

– А что это еще за новый профессор Мориарти такой в Москве объявился? – поинтересовался второй.

– У Грини спроси, он знает, – ответил Муромцев. – Долго еще, Никола, в глухонемого играть будешь? Мне, что, сурдопереводчика вызвать?

А Гринев сейчас и впрямь только беззвучно раскрывал рот, шевелил губами, пучил глаза, а слова застревали в горле. Да еще руками тряс, будто загораживался ими от незримого, но явно ощущаемого перед собой «Профессора».

– Чего это с ним? – спросил первый «пент-полт».

– Медвежья болезнь, – разъяснил напарник. – В Арктику его надо послать, к собратьям по разуму.

– Это которые царапаются и кусаются?

– Ну! Здесь он не жилец. Там и прописку ему оформим.

– До нового ледникового периода.

А Муромцев, оказавшись хорошим «переговорщиком», со знанием психологии самоубийц, умел тянуть время и отвлекать внимание, продолжил:

– Итак, начнем по порядку. В Подольске тебя разыскал твой старый дружок Чохов. Тоже большой специалист по сейфам. Мы его уже взяли. В Долгопрудном. Чох и назвал твою новую берлогу.

– С-сучился, гад! – процедил сквозь зубы Гринев.

– С корешем своим ты после будешь разбираться. Однако, думаю, до «резни бензопилой в Техасе» дело не

дойдет, поскольку оба вы теперь на нас работать станете. Если жить хочется. А это у вас, у тебя и Чоха, сейчас единственный шанс выжить. Потому как люди, которые вам заказали сейф в Институте биологии вскрыть, ребята действительно серьезные. Юмора не понимают. Кто из них имеет выход на Профессора?

– Все равно ничего не скажу, – заявил Гринев. – А то ведь могут даже из могилы выкопать и второй раз убить.

– Ну, это тебе уже не больно будет. Переживешь как-нибудь. Хотя, что я такое говорю? Мертвые-то дважды не живут. Так, по крайней мере, заведено. Или?.. Вот Профессор, кажется, иначе думает. Я прав, Гриня?

Тот лишь головой мотнул, а потом заорал:

– Не знаю я ничего!

– «Рептилии» и «голубая кровь» в одной связке? – жестко поставил вопрос Муромцев.

Ответа не последовало, но его и не требовалось – моторика лица выдавала.

– Опять в самую точку попали, Петр Данилович, – сказал первый полицейский, а второй добавил:

– Ему уже и пятиться от страха некуда.

Николай действительно сейчас просто балансировал на самом краю крыши.

– Ты сам-то этого Мориарти вживую видел? – задал очередной вопрос Муромцев.

И это было последнее, что он успел спросить. Роковой шаг в пустоту был сделан. Гринев оступился, издал животный вопль и полетел вниз.

– Дурак! – произнес Муромцев. – А как все хорошо шло. Могли бы и еще поболтать. Тут бы и раскололся. Ну, ничего, мы этого зайца в верном направлении гнали.

А «Мориарти» и в самом деле был профессором, доктором биологических наук, членкорром Академии наук, лауреатом Государственной премии, и его даже в свое время выдвигали на Нобелевскую. Но, правда, давно, еще в советские времена, в восьмидесятые годы. Да и двигали-то его на эту шведскую заманку не отечественные институ-

ты, а какие-то зарубежные фонды. Потом, когда затея не удалась, из него пытались сделать активного диссидента, борца с тоталитарным режимом, но игры дураков Илья Гавриловичу Тортошину вскоре надоели.

От научных дел и исследований в области биологии, генетики и биофизики он не отдалился. Вел преподавательскую и исследовательскую деятельность. Жил уединенно, без жены и детей, их попросту не было. Наука, которой он всегда занимался без устали, съедала все свободное время. Да он и не знал, что это такое. Свободное время – удел маргиналов и глупцов. Если у вас его слишком много, вы – человек конченный. Типа медузы в банке со спиртом.

В конце девяностых Илья Гаврилович ушел с кафедры МГУ и из Института биологии и генетики, получал свою академическую пенсию, кормил голубей на балконе. Но голова работать продолжала. Причем еще активнее, чем прежде. Теперь ему никто не мешал. Через Интернет он тщательно собирал научные данные со всего света, анализировал, поддерживал связи с коллегами из мирового сообщества ученых. А потом, в нулевые годы, Тортошин и вовсе куда-то пропал. Словно испарился...

Где он обитал до 2015 года, никто не знал. Квартира на Мичуринском проспекте пустовала. Однако счета за нее кем-то регулярно оплачивались. А потом он вдруг вновь появился. Мелькнула его тень на одной из конференций в том же Институте биологии и вновь исчезла. Теперь уже, казалось, навсегда. Но вновь ошиблись. Такие люди, вернее, такие умы, никуда и никогда не пропадают. Даже после смерти. А Тортошин-то был живее всех живых, вроде дедушки Ленина. И выглядел гораздо моложе своих семидесяти.

Муромцев с ним был знаком поверхностно: слушал его лекции на факультете биологии МГУ, куда поступил в начале девяностых. Но не одолев второго курса, решил сменить профессию и перевелся в следующем году на юридический. В общем-то, правильно. Биолог бы из него вышел никакой, а сыщик и аналитик получился классный. О чем свидетельствовали звездочки на погонах.

Но почему вдруг профессор Тортошин вновь возник на его горизонте спустя двадцать пять лет? И теперь уже не как преподаватель в университете, а как «объект исследования»? Причем в самой серьезной форме. Более того, как средоточие преступных умыслов. Однако «умыслы», на юридическом языке, к противоправным действиям отношения не имеют. Эфирные эманации неподсудны. Ты можешь мысленно хоть весь мир сжечь, в тюрьму не посадят.

И тем не менее в юриспруденции, а тем более в оперативной практике, есть и такой термин, как «профилактическая работа с подозреваемым в злоправных умыслах». То есть человек только готовится совершить преступление, тщательно обдумывает все планы, а тут вдруг перед ним и возникает само Правосудие, хватая за руку. Останавливает перед последним роковым шагом. Хорошо это или плохо? Кому как.

Не лучше ли, если бы «объект» замочил, скажем, «субъекта», тогда и весь сказ, и все довольны. Кроме, разумеется, «замоченного». Но одним преступником уже меньше. Да и брать его можно прямо на месте злодеяния. Стоит только немного подождать, пока он топор на голову жертвы не опустит. Тут тебе и пресловутая «раскрываемость» повышается, и карьерный рост. Иногда так и происходит. Один отправляется по этапу, другой – вверх по служебной лестнице, третий – в морг.

Однако Муромцев придерживался иной точки зрения и практики в своей работе. Недаром он славился аналитическим складом ума и врожденной интуицией. А эти два качества позволяли ему вникать в преступные замыслы на стадии их развития и действовать, как врач-эпидемиолог перед грозящей пандемией. За что его и ценило руководство: Позволяло многое. Хотя и морщилось от своенравия и непредсказуемости подполковника Муромцева.

Конечно, Илья Гаврилович Тортошин никаким престарелым Раскольниковым не был и быть не мог. Масштаб совершенно не тот. Но вот насчет пандемии – верно. Только, может быть, за этим словом пряталось нечто большее, не-

виданное и неведанное. Такое, чему пока еще трудно было найти хоть какое-то разумное объяснение и название. А что именно – и предстояло выяснить Муромцеву.

...К скрытной деятельности Профессора его вольно или невольно вынудил обратиться старый приятель еще по биологическому факультету Алексей Федосеев. В свое время он был аспирантом у Тортошина, а позже и ассистентом в научных разработках. Чуть ли не близким доверенным лицом. Три недели назад они сидели в пабе на Смоленской, и Леша вдруг вроде бы невзначай спросил:

– Помнишь Илью Гавриловича?

– Профессора Мориарти, что ли? – тотчас же отозвался Петр, обладавший отменной памятью и молниеносной реакцией на любой вопрос. Тортошина и в те далекие годы студенты именно так и прозывали. Непонятно почему. Выглядел он вполне безобидно. Даже несколько карикатурно, с большой лысой головой и в очках с толстыми стеклами.

– Его, – кивнул Федосеев.

– А что с ним?

– Ничего. В том-то и дело, что «ничего». Не было его не видно, не слышно пятнадцать лет, а тут вдруг объявился на международной конференции в Институте биологии и генетики, где я работаю. И где сам он трудился долгие годы завлабом.

– И что с того?

– А то, что эта лаборатория имела статус сверхсекретной. Из нее даже листочка бумаги нельзя было вынести.

– Ну и что? – в четвертый раз, вроде бы равнодушно, спросил Петр. – Ваш Институт всегда был под особым контролем спецслужб. Да и сам изнутри наверняка был буквально нашпигован грушниками, кагэбэшниками и прочими «вежливыми людьми в черном». Включая, наверное, и «кротов».

Но он уже насторожился. Запахло жареным. Чутье его еще никогда не подводило. Алексей продолжил:

– «Кротов» мы всех поименно знали, им с превеликим удовольствием сливали дезу, целый спецотдел на это ра-

ботал. Но сейчас не о том. Зачем Тортошин, давно уже отошедший от всех исследований и экспериментов, вдруг появился на этой, в сущности, никчемной конференции? Второе. Он предложил мне вновь сотрудничать с ним. В частном порядке. Поскольку, как я знаю, никакой даже мало-мальски значимой в науке и реальной в практическом смысле фирмы за ним не стоит. Не говоря уж о корпорации.

– Ну, это можно и не афишировать. Все большое делается в тени.

– Допустим. Предположим, что Профессор по чьему-то заказу собирает кадры для продолжения своих исследований в области рептилий и голубой крови. Но почему не объявить конкурс, тендер, не привлечь государственные мощности? Так же гораздо проще, чем собирать с миру по нитке.

Муромцев насторожился еще больше при словах «рептилии» и «голубая кровь». Хотя они для него ничего особенного не значили, он совершенно не предполагал, чем вообще занимались Тортошин и Федосеев в своей лаборатории. Это была закрытая информация даже для работников его ведомства. По крайней мере, для таких, как он, ниже генеральского уровня. Вслух же произнес:

– Ты же сам сказал, что ваша лаборатория была засекреченной. Вот, наверное, Профессор и не стал срывать покров тайн и дальше. Подписка о неразглашении в таких случаях имеет очень длинный хвост. А кстати, лаборатория до сих пор жива?

– Влачит вялое существование. После ухода Тортошина все начало медленно разваливаться. Он был мозгом всего этого живого организма. Второй такой гигантский ум найти трудно. Да и невозможно, по правде говоря. Так что работа затормозилась.

– А что за «рептилии»? Да еще с царской «голубой кровью»?

Федосеев лишь уклончиво пожал плечами. Говорить ему на эту тему явно не хотелось. Муромцев «зашел» с другого бока:

– Ну, хорошо, а архивные данные, результаты исследований и прочие материалы где хранятся?

– Частично в самой лаборатории, частично в личном сейфе директора института в его кабинете. Копий нет, – добавил Алексей, опережая следующий вопрос Муромцева. И добавил: – И я вот думаю: не потому ли Илья Гаврилович и нарисовался на этой конференции, чтобы только пронюхать, насколько бережно хранятся его наработки? На месте ли они, или их уже пустили по ветру? То-то он все возле директора института юлил. Обхаживал. А знаешь, кто у нас теперь директором?

– И кто?

– Серега Фуфанов. Младшекурсник. Ты его должен помнить.

– Этот трепло и бабник? Нечего сказать, удачная креатура. Главное, креативная, в смысле, где бы полопать, потравить байки да в чужую постель завалиться. Других, что ли, не нашли?

– Нам его Минобрнауки навязал. Серега весьма удачно женился на сестре министра. Так что, сам понимаешь.

– Ладно, черт с ним, – Муромцев вновь сменил курс: – Неужели у Тортошина, возглавлявшего всю эту вашу тайную алхимию, ничего из собственных разработок в личном архиве нет, чтобы соваться на старое место работы. Даже записей? Быть такого не может.

– Может. Исследования – это километры бумаг, десятки килограмм пленок и тысячи файлов. В черновиках, конечно, у него дома что-то могло храниться. Хотя и это нам запрещалось. Да он вообще все всегда держал в голове. А из лаборатории, как и мы, ничего вынести не мог. Там знаешь какая была спецпроверка? Даже в ублюдочные девяностые годы. Тройная охрана и тройная сигнализация. Все лаборатории, не говоря уж о подземных, не имеют прямого выхода наружу. Воздух, выходящий из них, всегда прокаливался, а все отходы обеззараживались и сжигались. Это сейчас на выходе стоят суперсовременные сканеры, а тогда догола приходилось раздеваться, как в бане.

– Интересно бы было на вас взглянуть, – усмехнулся Петр. – Представляю, как вы толпитесь у проходной и жмётесь от холода, да еще без шаек и веников, чтобы прикрыть причинное место.

– Не шути, это обычная практика, когда речь идет о делах государственной важности. А секретные научные исследования – вроде того. Даже поболее. Никто не гарантирует, во что выльются. Может оказаться пшик, а могут сделать переворот не только в науке, но и изменить весь мир.

– Да знаю я, чего мне объяснять! – махнул рукой Муромцев.

– И вот что смешно, но и странно также. Во время августовского путча девяносто первого года – мне потом старожилы рассказывали – все наши лаборатории были в пожарном порядке опечатаны и взяты под усиленную охрану КГБ. Боялись, видно, как бы сотрудники в возбужденном сознании не родили мысль начать биологическую войну – «за» или «против» демократии. Не разберешь ведь... Но другой факт. Когда в девяностые все шло на продажу или попросту разворовывалось, от нефтегазового Самотлора и танкерного флота до писсуаров на Казанском вокзале, наш институт не то что не трогали, а продолжали с него пылинки сдувать. Ничего не растащили на сторону. Охраняли и оберегали пуще прежнего. А лабораторию Тортошина – тем паче.

– Может быть, у вас просто нечего было воровать или попросту забыли?

– Как же! – усмехнулся Федосеев. – Забудешь о нас... Нет, тут, думаю, дело в другом. То ли наверху действительно соображали, какую ценность представляют наши исследования, то ли... им подсказал кто: не трогать. Не касались ведь и других подобных «объектов» – в подмосковном Серпухове, в Питере, в Ктрове, в поселке Оболенск, которого до сих пор даже на карте нет. В Кольцове под Новосибирском. А были еще два вильнюсских научно-исследовательских института в сфере биологии, которые присоединили к нашей системе еще в СССР в целях кон-

спирации, никакого отношения к спецпроектам они не имели, это была чистой воды прикрытие. Но они сейчас под американцами. Закрывали испытательные полигоны, но исследовательские институты не трогали. Почему? Кто запретил?

– Имеешь в виду вашингтонский Госдеп?

– А черт его знает. Может, есть и повыше кто. Да по-серьезней.

Они некоторое время молчали. Беседа приобретала неожиданный оборот. Муромцев подумал, что Федосеев вовсе не случайно позвонил ему с утра и пригласил на встречу в этот паб.

– Наш институт все годы своего существования жил двойной жизнью, – продолжал сокурсник. – На научных конференциях и симпозиумах сотрудники бойко докладывали об успехах в области борьбы с вредителями сельских растений и грызунов, разрабатывали новые лекарства. А за закрытыми дверями во всех трех корпусах и подземных лабораториях в пробирках и чашках Пастера выводили штаммы сибирской язвы, чумы, туляремии и многих других болезней, принятых на вооружение в армии «потенциального противника». Именно на эти задания были нацелены все почти две тысячи научных кадров. Скажу тебе по секрету, у нас в глубоких подземных хранилищах до сих пор содержатся огромные емкости с чумой и холерой. Любой из них будет достаточно, чтобы эпидемия скосила всю Москву с Подмосковьем.

Федосеев замолчал, а Муромцев задумался: «К чему он это говорит?»

– Давай ближе к теме и конкретней. Зачем звал? – спросил, наконец, Петр.

– Хорошо, – кивнул Алексей. – Начнем с рептилий и голубой крови.

Разговор у них шел такой откровенный не только потому, что они были старыми приятелями, но еще и оттого, что оба служили в одной «конторе». Только Муромцев официально, в конкретной должности, а Федосеев – негласно

и без погон. Даже мельком виделись там, когда зарплату получали. И знали, что утечки информации на сторону не произойдет.

Три недели спустя. Один из полицейских подошел к краю крыши и заглянул вниз.

– Порядок, Петр Данилович, поздравляю! – сказал он, поворачиваясь. – Аккуратно на поролон приземлился. Ваши его уже заключают в дружеские объятия. Птичка в клетке.

– Теперь уж запоем, – добавил второй.

– Само собой, – согласился Муромцев. – Это называется: психологическая атака на возмущенный от страха разум. Важно только нужный момент выбрать. Когда человек балансирует между жизнью и смертью.

Темное небо продолжало расцвечиваться салютом. Народ праздновал, не зная, что это, возможно, последний день единения России. Все трое сели на бордюр и закурили.

– А что это за тайна рептилий такая? – спросил первый полицейский.

– Да и про голубую кровь интересно бы послушать, – дополнил другой.

– Не сейчас, ребята. Тема слишком сложная. Да и все пока только в разработке. Но могу сказать одно: ниточка ведет именно к Профессору.

– А что ж его самого не взять за жабры, чем за Гриней да Чохом этими гоняться? – поинтересовался первый.

– А ты его попробуй, найди. Он сам, как мировая загадка. Сфинкс, одно слово. Да если и возьмем, что толку? Предъявить-то нечего. Одни домыслы.

– А из-за чего тогда весь сыр-бор? – спросил второй.

– Закрытая информация, – коротко ответил Петр Данилович. – Но могу рассказать один смешной казус. Типа анекдота. Недавно, месяца три назад, в Бразилии в районе реки Амазонки ученые обнаружили новое, совершенно неизвестное науке существо. Похоже оно было на змею. Сантиметров двадцать. Но внешне напоминала и мужской

половой орган. Эта странная рептилия получила на латыни название *Atretochoana eiselti*. А в переводе на наш блатной язык что-то вроде «змея-пенис», или «гибкая змея». Причем все эксперты отмечают, что в действительности это никакая не рептилия, а безногое земноводное, ближайшими родственниками которого являются лягушки и саламандры. Но дело не в этом. Всего было найдено шесть штук. Одна «змея-пенис» погибла, наверное, от испуга, что ее продадут какой-нибудь нимфоманке, двух ученые оставили себе для исследований, а трех других отпустили на свободу. Занятно, что у нового вида отсутствуют глаза и легкие.

– Чем же оно дышит? – спросил один из полицейских.

– И видит как? – поинтересовался другой.

– Дышит кожей, а зрение не нужно, потому что появилось это существо из глубин земных недр. А там вечная темнота. Зачем глаза? На ощупь, братцы мои, на ощупь.

– А как размножается? – задал вопрос первый.

– Что глупости говоришь, оно же само – пенис! – засмеялся второй. – В этом деле глаза тоже особо не нужны.

– Но самое интересное, – продолжил Муромцев, явно иронизируя, – зачем оно вообще на свет вылезло? Видно, в мире в скором времени должно произойти что-то необычное. Сексуальная революция уже давно прошла, что же тогда грядет? Не знак ли это какой свыше? Вы как думаете?

– А может, эти пенисы просто у каких-то местных индейцев отвалились? И зажили своей жизнью, самостоятельно. А те потеряли, не заметили, а теперь ищут. Вернуть бы надо.

– Или это биологический мутант из какой-нибудь сверхсекретной лаборатории.

– Первая версия мне нравится больше, но вторая вернее, – кивнул Петр Данилович. – А вы не задумывались о том, почему в древних легендах и мифах так много всяких странных существ-гибридов? Вроде бы человек, но с головой льва, у того крылья растут, у этого хвост, кто-то с копытами, а другие чешуей покрыты.

– Сказки! – отмахнулся первый полицейский.

– Чего спяну не привидится, – добавил второй. – Древние люди тоже пить умели! Белая горячка от них и пошла.

– Как сказать... – усмехнулся Муромцев. Он достал из кармана куртки плоскую фляжку и предложил: – Глотнем, ребята? За сегодняшний День единения с профессором Мориарти?

Никто отказываться не стал.

– А поскольку мы с вами пьем армянский коньяк «Ной», то будет справедливо заметить вот еще что. На одном из старинных барельефов, сохранившихся в окрестностях озера Ван, изображены хорошо знакомые вам, надеюсь, Адам и Ева. Проходили, по крайней мере, когда-нибудь по оперативным сводкам.

– Это точно, – согласился один из них.

– Но этот, незначительный, на первый взгляд, армянский артефакт открывает беспредельные горизонты для полета фантазии. А почему? Да потому, что очень странно звучит на барельефе имя Евы – Ебац. Хотя, по-армянски, может быть, и не столь странно, – с сомнением в голосе добавил он. – Но, в любом случае, вряд ли это слово нужно переводить на русский и другие славянские языки. Да и имя Адам тесно связано в своем потайном значении со Змеем-Искусителем. То есть, в нашем понимании, с древнейшей крупной рептилией. По-русски, «змей» – это гад. А этимология слова «Адам» – «тот, который привязан к земле», сам из ее праха. Что это означает? Ну-ка, напрягите ум.

Полицейские старательно «напрягли», но лишь пожали плечами. Хотя им было интересно, по глазам читалось.

– Анализ герметической природы имен Адама и Евы символизируют хтонические силы Земли-Матери, или Жены-Земли, которые порабащают дух. Библейский запретный плод – это и есть сама планета Земля. А человек, обретя воплощенную форму, то есть меня с вами, погружается в жизнь на Земле и порабащается ею до смерти. Когда тело его вновь уходит в глину.

В это время с улицы из мегафона раздался властный генеральский голос:

– Муромцев! Спускайся! Долго еще там прохлаждаться будешь? Чего застрял? Мне, что ли, самому тебя вниз гнать? Кончай коньяк пить!..

Петр Данилович торопиться не стал, сначала мечтательно поглядел в салютующее им небо, потом произнес:

– Все видит. Сам приехал, как и обещал. Ну, ничего, доскажу мысль. И фляжку все-таки заодно прикончим. Так вот. В греческой мифологии эта концепция выражается в образе гигантов, исполинов, атлантов, нефилимов, которые являются символом связи человека с силами Земли. Но тут ведь вот такая штука. Первый человек Адам получит свое имя только после того, как отпадет от Бога и станет другом Змея, а тот – его покровителем. И здесь уже не столь важно, кто первым поддался искусительным речам Змея – Адам или Ева-Ебац? А ведь надо учесть еще и то, что, по одной из расхожих легенд, до этой замечательной девушки спутницей первочеловека была Лилит. А ее имя с древнееврейского переводится вообще как «Змея». Но что-то у них там не заладилось, это дело темное, и Лилит, как отработанный материал, самоликвидировалась. Тогда Главный Конструктор заменил ее на Ебац.

– Как любопытно, – высказался первый из полицейских.

– Что ты! – добавил второй.

– Ева является символом вечных ненасытных желаний человека, – сказал Муромцев, словно проводил вступительную лекцию к курсу «Рептилии и голубая кровь». – А что может точнее и откровенней характеризовать эти неумные желания, чем славянское слово «Ебац»? Оно как нельзя лучше означает это самое телесно-женское начало. Тут как бы изначально осквернен сам светлый замысел Создателя. То есть человек забывает о своем подобии Богу в вечных мелких и мелочных неутоленных желаниях и страстях.

Муромцев взглянул на часы.

– Минутка у нас еще есть, а то генерал совсем обидится. Я коротко. Есть и другой аспект этого мифа, на который мало кто обращает внимания. Из рая изгоняется и Змей, эта хитроумная рептилия – Люцифер. И после гре-

хопадения с Евой он становится падшим ангелом, несущим, по мнению иллюминатов*, свет и мудрость. С другой стороны, Ева, прикоснувшись первой к запретным плодам Древа Познания, будет «посвященной» в эти сакральные знания. По одной из версий, а мы с вами служители закона, поэтому обязаны рассматривать все гипотезы, для чистоты эксперимента она станет в какой-то степени андрогинном. Сольет в себе женское и мужское начало. А ряд мистических школ рассматривают андрогин, то есть биологический мутагенный гибрид, говоря современным языком; именно как слияние духовно-мужского и телесно-женского истока. Таким образом восстанавливается изначальный замысел Творца о целостности человека и подобии ему Творцу.

– Чего-то слишком сложно для нас, – почесал затылок один из полицейских.

– Ничего, со мной во всем разберетесь, – улыбнулся Петр Данилович. – Подытожу пока так: та древняя рептилия оказалась самой талантливой из всех учеников Бога и в конце концов бросила ему вызов. Поговаривают еще, что она захватила всю власть в современном мире. Я в это не очень-то верю, но, думаю, расследование надо продолжить.

Он поднялся с бордюра и вдруг добавил:

– А не хотели бы вы, ребята, со мной и дальше поработать?

– А то! – хором согласились оба полицейских. Добавив: – Весело же. – И занято.

Спустя два часа в кабинете генерал-лейтенанта спецотдела «Ф» Федеральной службы безопасности Сургутова, где присутствовало еще три полковника и один пожилой человек с палкой-костылем, который тот держал между колен и опирался на него подбородком, Муромцев докладывал об операции и излагал ход дальнейших действий. Когда он закончил, один из полковников сказал:

*Иллюминаты – в разное время и в разных обществах названия оккультно-философских орденов, братств, сект и т.п.

– И все-таки ты, Петр Данилович, перегнул палку. А если бы этот Гринев башку об асфальт разбил?

– Внизу надежно подстраховывали, – скупно отозвался Муромцев.

– Но этот каскадер у нас бы так или иначе заговорил. Если бы взяли по-тихому, без фокусов.

– Ничего, зато теперь уже никак не отвертится, – вмешался другой полковник. – Мне методы Муромцева нравятся, работает с огоньком. Гринев мог бы еще долго ваньку валять, от всего отрешиваться, а сейчас устроим ему очную ставку с Чоховым и поглядим, кто из них первым нас на Профессора выведет.

– Если они с ним вообще были в прямом контакте, – с сомнением добавил третий. – Думаю, там цепь посредников.

– А я вот так не считаю, – возразил Муромцев. – Гринев явно слышал что-то и про «голубую кровь», и про «рептилий», а при слове «Профессор» его прямо трясет от страха. А ведь он никакой не истероид. Но видели бы вы его лицо. Маска смерти. Не ошибусь, если скажу, что он Тортошина хорошо знает. Догадывается, на что тот способен. Вот это мне и было важно выяснить в первую очередь. Реакцию Гринева на ключевые слова.

– На квартире у Ильи Гавриловича побывали? – спросил первый полковник.

– А как же, и не один раз, – ответил Муромцев.

– Надеюсь, без шума?

– Ну, если только половица пару раз скрипнула. Но обыск ничего не дал. Никаких интересующих нас бумаг или электронных носителей нет. Как и тех, что были похищены из Института биологии.

– Всё кем-то до нас прибрано? – предположил второй.

– Возможно. Но мне кажется, что Тортошин попросту никогда не оставлял после себя ничего лишнего. Об этом мне и Федосеев говорил. Все держал в голове. Это самая надежная камера хранения. В своей квартире он, судя по всему, давно не живет. Если и появляется, то тайно.

– Невидимка, – усмехнулся Сургутов. – А что? Обычное явление в среде ученых.

– Но хоть что-нибудь интересное нашли? – спросил третий полковник. – Не может же быть, чтобы человек не оставлял за собой никаких следов.

– Нашли, – не сразу ответил Муромцев. – Только я и сам пока не уверен, имеет ли это отношение к делу. Может быть, просто хобби, причуды старика.

– А что именно?

– Так... Нефилимы, пирамиды, драконы, исчезнувшие цивилизации, потусторонние явления... Древность с мифами. Позвольте, Василий Семенович, я пока не стану освещать эту тему? – обратился Муромцев к генералу. – Я все эти заметки, вырезки, компьютерные распечатки на всякий случай изъял и сейчас изучаю.

– Когда кончишь, мне доложишь, – сказал генерал. – Я и сам про Атлантиду люблю на ночь почитать.

– Почитаете – не уснете, – отозвался Муромцев. – Сплошная дьявольщина и оккультизм. Но мне интересно: какое отношение имеют все эти нарезки к психологическому портрету Тортошина? Не сатанист же он, в самом деле? Не похоже. Но серой пахнет.

– Ну, мы и с дьяволом умеем управляться, он у нас уже давно на довольствии, – усмехнулся пожилой человек с костью.

– Тем более что это входит в круг наших прямых интересов, – заметил генерал. – Итак, продолжим.

– Наблюдение за квартирой установлено? – задал вопрос первый полковник.

– Разумеется. В доме напротив и в фургоне на улице. Смотрят, слушают. Да еще соседка по этажу, старушка одна, приглядывает. Наш кадр. Еще с советских времен.

– Надо искать Тортошина, других вариантов пока нет, – заявил второй. – Завтра же – нажать на Гринева и Чохова. И устроить им перекрестный допрос.

– Согласен, – добавил третий полковник. А первый только одобрительно кивнул.

– А вот это не получится, – мрачно произнес генерал, барабанивший по столу пальцами. – Один фигурант из дела выпал. С крыши падал Гринев, а разбился Чохов.

– Как прикажете вас понимать? – спросил второй полковник.

– Час назад мне сообщили, что Чох повесился в одиночной камере в Лефортово.

– Вот черт! – вырвалось у Муромцева.

– Распустил шерстяные носки, приладил удавку к батарее и в таком вот полусидячем положении затянул на шее петельку, – продолжил Сургутов. – Служебное расследование уже ведется.

– Странно это все как-то. И сложно, еще изловчиться надо, – заметил Муромцев. – Как же его упустили? Надзирателей, что ли, не хватает?

– Дурное дело не хитрое, – ответил генерал. – Захочешь умереть – умрешь.

– Или помощи у кого-нибудь попросишь, – отозвался на это человек с костылем.

– Разберемся. Заканчиваем совещание, – отрезал генерал.

Все сотрудники поднялись с мест, но Муромцев вдруг произнес, останавливая коллег:

– У меня к вам, Василий Семенович, одна просьба. Прикрепить к моей группе тех двух парней из линейного отделения, которые помогали брать Чохова и Гринева. Ребята смышленные, бойкие, да к тому же с юмором. А мне такие как раз по душе. Чего им всякую мелкоту на рынках ловить? Пора и за серьезное дело браться.

– Как зовут? – спросил генерал.

– Трынов и Капустин.

– Ладно, но только под твою личную ответственность. Ты у нас сам парень юморной и бойкий. И если бы не твоя смышленность, работать бы тебе не здесь, а в цирке.

– Так работа сложная, загадочная, – возразил Муромцев. – Ходим, как в потемках, тут простор для фантазии нужен. Полет шмеля, так сказать. С унылыми лицами не разобратся.

Первый полковник произнес:

– А действительно, не обернется ли все это в итоге неким фарсом? Нас же выставят на посмеище. Тем более если еще и журналисты пронюхают. Такой гвалт поднимут!

– А обернется, с Муромцева весь спрос будет, – ответил генерал. – Ему за все и отвечать. Он всю эту кашу заварил, ему ее и расхлебывать.

– Логично, – подтвердил второй полковник. А третий дополнил:

– Тогда предлагаю вообще отделить группу Муромцева от нашего ведомства и отправить в автономное плавание. Нет, помогать, конечно, будем, но негласно, без документального подтверждения.

– А лавры в случае успеха поделим поровну? – усмехнулся Муромцев.

– Не волнуйся, тебе для супчика хватит, один лавровый листочек оставим, – подытожил генерал Сургутов. – Все свободны. К вам, Афанасий Никитич, это не относится.

Пожилой человек с костылем остался сидеть. А он и не думал подниматься. Сам был вроде начальника.

Три недели назад.

– ...Я и сам всегда удивлялся, каким образом он такой огромный объем информации удерживал в голове? – продолжал Федосеев, попивая темное английское пиво. – Даже в лаборатории не вел никаких записей. Феноменальная память, творческие возможности – на грани фантастики. К нам в лабораторию каждую неделю завозили десятки рептилий. От безобидных ужигов до ядовитых медянок, от ящериц до игуан. Попадались и совсем экзотические: амфисбены, например. Черепахи, можно сказать, своим ходом шли, со всего света.

– А змеи к Тортошину, как к отцу родному, сами в карман ползли? А жабы на грудь прыгали? И что же вы с ними делали?

– Изучали, препарировали, – пожал плечами Алексей. – Все как обычно.

– Но смысл, цели? – спросил Муромцев.

– В двух словах не скажешь.

– В трех попробуй.

Федосеев вытащил из кармана две флешки.

– На, здесь я кое-что специально собрал для тебя. Для предварительного ознакомления. А более подробно – при следующей встрече. А сейчас давай пиво пить.

– Одно другому не мешает, – сказал Петр, пряча флешки в портмоне. – Значит, ты меня не случайно в паб позвал?

Алексей кивнул и добавил:

– И учти, я совершаю должностное преступление. Это все закрытая информация.

– Зачем же тогда светишься?

Ответа не последовало. Но Муромцев и без того понял: Федосеев чего-то опасается.

– Все так серьезно? – спросил он.

– Без комментариев. Сам все поймешь.

Они некоторое время молчали. Петр с самого начала заметил, что Алексей нервничал. Теперь ясно отчего. Хотя ни черта не ясно. Что-то, связанное с его работой, исследованиями. Но что именно?

– Я бы мог и своему непосредственному руководству доложить, – продолжил Федосеев, размышляя вслух. – Нет, не Фуфану, этот балбес сам ни в чем не разбирается. А своему куратору с Лубянки. Но, во-первых, прежний сменился. А на его место какого-то уродца посадили. которому все наши исследования до желтизны. Ну, а во-вторых, ты ведь тоже отчасти биолог, к тому же старый приятель.

– А кто сейчас заведует вашей лабораторией?

– Я.

– Ну понятно. Ты всегда слыл любимым учеником Тортошина. Кому же его не заменить кроме тебя?

– Любимчиков у него никогда не было. По-моему, ему вообще не знакомо это чувство. Как и все остальные. Это холодная, запрограммированная машина. Сам как рептилия. Идеальный аппарат для выдачи идей и проектов. И реализации их. Но таковым и должен быть настоящий ученый, вроде Бэкона. Или мыслитель, как Иммануил Кант, Ницше. Жаль, ему Нобелевку не дали. Я к тому, что после того как его прокатили с премией, а потом не дали еще одну, государственную, он затаил обиду на весь белый

свет. Прямо об этом, конечно, не говорил, не показывал, а я ведь почти всегда находился рядом и видел, что он от этого «поражения» все зубы сжевал. Потому что единственное качество, которое ему присуще, – это гордыня. Вкупе с тщеславием. Вот и ушел потом с кафедры и из института. А лабораторию на меня повесил. А чем занимался все эти годы – одному богу, нет, черту известно. Но думаю, чем-то темным.

Муромцев слушал очень внимательно. В голове у него уже вырисовывались некие «дорожные карты» по поводу Мориарти и его «рептильной» лаборатории. Пока что схематические.

– И друзей у Тортошина не было, – говорил меж тем Федосеев. – Врагов – да, масса, но, в основном, бездари и завистники. В научной среде это явление обычное. Подлинные ученые, специалисты-профессионалы его ценили. Уважали. Даже если им было что делить. Настоящий исследователь никогда не пойдет против своего собрата и коллеги по цеху, только порадуется за его успех. Это аксиома. А если пойдет, то он не ученый, а так, мелочь пузатая, рыба-прилипала, присосавшаяся к акуле. Типа Сереги.

– А Фуфан сел в директорское кресло уже после Тортошина?

– Да. Илья Гаврилович никогда бы не допустил, чтобы такого неуча прислали. Сам он к должностям не рвался, хотя ему много раз предлагали. Тортошину было важно руководить исследовательской лабораторией. И чтобы никто посторонний туда не лез. А авторитета для этого у него хватало. И прежний директор давал ему полный карт-бланш. Даже никаких ревизий и контрольных проверок на моей памяти никогда не было. Это потом уже Фуфан распустил хвост, началась всякая дерготня.

– Видимость бурной деятельности, – подсказал Петр.

– Вот-вот, – согласился Алексей. – Он ведь менеджер, не ученый, не организатор даже. Аккумулирует финансовые потоки и распределяет средства, гранты, только и всего. Занимается рекламой, созданием международного

имиджа Института, хотя это лишь во вред идет. Секреты надо держать за зубами. А у него во рту ничего не держится. Экономит, где не надо, зато устраивает пышные презентации и конференции. И себе уже успел новую квартиру прикупить и «лексус». Поговаривают, что даже землю под институтом продал. А весь первый этаж вообще в аренду турфирмам сдает. Это в секретном-то учреждении.

– Менеджеры с офисным планктоном и потопят Россию окончательно в пучине Мирового океана, – высказался Петр. – Не штатники, не масоны-иллюминаты, не олигархи в офшорах, не коррумпированные чиновники с властью предрержащими, не инопланетяне даже, а тупая армия собственных болтунов-менеджеров. Которым просто это словечко очень нравится, а что с ним делать – они не знают. Да и не хотят, если бы и догадывались.

– Верно мыслишь.

– Но ты все-таки был аспирантом у Тортошина, его ассистентом, значит, он тебя как-то выделял из остальных дипломников. Да и на курсе, насколько я помню, всегда нахваливал.

– Было, не отрицаю. Относился он ко мне с симпатией. Как и к Валентину Егоршину, помнишь?

– Как забыть? – расплылся в улыбке Муромцев. – Мы же с ним за одной девушкой ухаживали. За Ириной Будановой с химфака. До дуэли дело дошло. Я ему вызов послал, а он шпаги приготовил. Мы оба в фехтовальную секцию ходили.

– И кто победил?

– Он, – честно признался Петр. – Я же был только кандидатом в мастера, а Валька уже на студенческой Универсиаде выступал, призовые места хватал.

– Я и не знал, что вы оба были так влюблены в нее.

– Что ты! До потери пульса. По крайней мере, о себе могу сказать точно. Вот уж была красавица! Пепельные волосы, огромные с зеленым отливом глаза, а фигурка!..

Алексей усмехнулся.

– Извини. Накатило. Итак, из всей студенческой биомассы Илья Гаврилович выделял тебя и Вальку?

– Да. Но я все же добавлю кое-что, что тебя, наверное, расстроит еще больше. Через три года после окончания университета Ирина вышла замуж за Егоршина.

– Вот как? – чуть смутился Петр. – Повезло парню. Не зря дуэль выиграл. Все по-честному... А, ладно!.. Мужик он хороший. Или я не прав?

– Нет, все правильно. И умный, и порядочный. Один из самых талантливых на нашем курсе. Илья Гаврилович пустишек возле себя терпеть не мог.

Федосеев замолчал. Пауза затягивалась.

– Выкладывай уж, – потребовал Муромцев. – Что тебя смущает?

– Дело в том, – очнулся Алексей, – что Егоршин работал в нашей же лаборатории. Он пришел туда даже раньше меня. Я занимался больше рептилиями, а Валентин – голубой кровью. Но это один проект. Все взаимосвязано, только как бы разветвление от единого ствола. Там еще много чего намешано, что может показаться тебе совершенно невразумительным, и даже смешным.

– Мне уже смеяться хочется. И до тех пор, пока я не уясню себе, что ценного для всего человечества вы стремились извлечь из этих игуан, я не врублюсь. А когда я чего-то не понимаю, меня просто хохотать тянет. Синдром дауна.

– Ничего, скоро поймешь. Придешь домой, включишь компьютер, посмотришь флешки, там есть и видеофайл. А что будет неясно, позвонишь – встретимся. Пока скажу лишь, что проекты «Рептилии» и «Голубая кровь» – это не придумка Тортошина, он просто выловил их как рыбак на удочку из мировой пучины идей и гипотез. Оказался на берегу в нужное время и в нужном месте. Илья Гаврилович всегда был на переднем рубеже науки, ничего не пропускал.

– И попавшаяся на его крючок рыба оказалась весьма скользкой и зубастой?

– Примерно так, – кивнул Алексей. – Тема тянется из глубин веков. Едва ли не от сотворения мира. И во все времена к ней так или иначе обращались умные головы.

Тот же Ньютон, к примеру. А еще раньше – Пифагор, да и до него были, о которых мы, возможно, вообще ничего не знаем. Из микенской цивилизации. Из Элама или Шумера. Древнего Египта или Вавилона. Из Атлантиды. А в сравнительно близкие к нам времена – Тесла, Менделеев, Федоров, Вернадский. Физиолог Павлов. Да многие!.. Включая философов, писателей и богословов. Не говоря уж о конспирологических структурах, Аненербе и прочих.

– Но если это такая занятная штука, почему же о ней мало что знают? – задал вопрос Петр.

Федосеев пожал плечами.

– Не положено. Пускай и дальше продолжают спать и хрюкать. Но, если серьезно, то сведения об этом периодически в печать просачиваются. Правда, с желтым оттенком. Типа очередной сенсации, оказывающейся через пару дней «уткой». Да так даже и лучше. Спокойней работать.

– Так что Егоршин? – напомнил Муромцев, поскольку Алексей вновь приумолк, глядя куда-то сквозь собеседника.

– Да, Егоршин... Для него Илья Гаврилович всегда был кумиром, буквально примером для подражания. С каким восторгом он выслушивал его речи и указания! Бежал исполнять тотчас же. И отзывался о нем только в самом превосходном тоне.

– Идол, попросту говоря, – вынес вердикт Петр. – А для тебя?

– Я человек трезвомыслящий. И все негативные стороны Профессора замечал. На бога он не тянет. Гений, и только. А эта категория людей способна как на светлое, так и на самое дурное, черное. Причем порой одновременно. Вся человеческая история нас этому учит.

– Рад, что ты так думаешь. А то я уж начал в тебе сомневаться, когда ты тут пел осанну Мориарти.

– А я ведь и не отрицаю, что он – выдающаяся личность. Но это не мешает ему творить зло.

– Вот даже как? А какие у тебя конкретные доказательства?

– Интуиция, – коротко ответил Алексей. – И косвенно – сами проекты, над которыми мы работали. Их можно

развернуть в любую сторону. А еще Егоршин. Он ведь, насколько мне известно, не переставал встречаться с Тортошиным, даже когда тот ушел из лаборатории. Думаю, Илья Гаврилович нарочно оставил его там, в институте, чтобы иметь свои глаза и уши.

– Экий хитрец! – усмехнулся Муромцев. – Да и Валька хорош.

– Профессору были необходимы результаты лабораторных исследований, поскольку он продолжал работать над этой темой дома, хотя всем своим видом показывал, что ему все надоело и он отошел от дел. А Валентин, подозреваю, докладывал ему о каждом нашем шаге. От чистого сердца, добавлю.

– Заставь дурака богу молиться... – сказал на это Петр.

– Вот именно. Я его не виню. Но вот однажды, после той конференции, на которой вдруг возник как бы из небытия Тортошин, Валентин мне сказал такую фразу: «Что-то наш Профессор совсем в тупик забрел. Дальше – бездна. И меня за собой тянет. И всех нас». Буквально так и произнес, я запомнил.

– Интересно. Что бы это значило?

– Вот и мне интересно. А к тому времени я и сам стал задумываться над конечными результатами наших исследований. А когда понял, что к чему, то словно тоже вдруг оказался перед черной бездной. В последнем шаге от нее.

Федосеев посмотрел на часы и спохватился:

– Мне пора, у меня еще одна встреча.

– Свидание? Какая-нибудь молоденькая рептилия?

– Тебе бы все шутить.

Они попрощались. Муромцев отправился на службу, но о флешках подзабыл, вернее, в текучке дел отложил на потом. Вспомнил только через пять дней, когда ему позвонил сам Федосеев и сообщил две новости. Первая: из кабинета директора Института биологии и генетики пропали результаты исследований по проектам «Рептилии» и «Голубая кровь». Сейф был вскрыт ночью. Работали профессионалы.

Вторая: той же ночью покончил жизнь самоубийством Валентин Егоршин.

Все это дало повод Муромцеву пойти к генералу Сургутову и убедить того забрать оба дела по поводу кражи в институте и смерти одного из его ведущих сотрудников из следственных органов и прокуратуры в свое ведомство, связать их в единое и поручить расследование ему. А причина в том, что спецотдел «Ф», который долгие годы, еще с конца ельцинских времен, возглавлял Василий Семенович, как раз и занимался подобными «темными пятнами» – всяческими проявлениями сверхъестественного, непознанного; парапсихологией и другими загадочными свойствами отдельных людей и всего человечества как живого организма.

ГЛАВА 2. РЕПТИЛИИ И РЕПТИЛОИДЫ

Накануне ночью Муромцев ознакомился с большей частью содержимого флешек. Потом долго сидел, глядя в окно. Все это выглядело как-то слишком уж фантастично. Поэтому Муромцев решил не мешкать.

Он еще раз просмотрел все файлы. Они представляли собой обзорные обосновательные записки на тему: почему биологическая референс-лаборатория Тортошина должна была заниматься этими проектами под условными названиями «Рептилии» и «Голубая кровь» и почему обязана продолжить исследования после ухода профессора. Очевидно, Федосеев просто скопировал их содержание из некоторых служебных документов, а для удобства Муромцева подсократил, убрав всю научно-исследовательскую и официальную часть. И отредактировал, оставив только самое необходимое и собственные комментарии.

Встреча со старым приятелем состоялась в том же пабе через два дня.

– Что за галиматью ты мне подсунул? – спросил перво-наперво Муромцев после основательного глотка пива.

– Все темное и загадочное поначалу кажется нам связкой ненужных ключей, – отозвался Федосеев. – Но они отпирают те двери, мимо которых мы проходим в спешке и даже не замечаем их. Так что думай и анализируй. Вот, например, прикинь, почему, как только американские войска вошли в Багдад, а их танки заняли позиции около Национального музея Ирака, так тут же начался его грабеж? Грабили не штатники, но какие-то странно подготовленные «мародеры», ловко вскрывающие стальные двери хранилищ и хорошо знакомые с планом даже подземных запасников. Позже ошарашенные хранители с недоумением писали, что, несмотря на их крики о помощи, присутствующие при этом америкосы не сделали практически ничего, чтобы помешать преступникам. «Мародеры» опустошили величайшую сокровищницу мира.

– Ну и почему?

– Интересней всего то, что часть «мародеров» набивала мешки, а другие в это же самое время просто громили и уничтожали экспонаты не менее ценные. К примеру, бронзовой голове аккадского короля, которой исполнилось как минимум 4300 лет, выдолбили глаза, расплющили нос, обрезали уши! Все это было похоже на какую-то месть, за какие-то одним «мародерам» известные преступления перед ними, а может, и их предками... Ты не найдешь сейчас в Сети ни одного изображения Пацуцу, украденного из иракского музея. Но оно точно было. Было изображение, была ссылка на список пропавшего, в том числе и на Пацуцу. Учítывая, что музей был ограблен сразу, буквально в первые часы оккупации города, поневоле задумываешься... а в чем, собственно, была причина той войны? Убедиться, что Саддам не имел оружия массового поражения? Как выяснилось впоследствии, американцы об этом прекрасно знали. Обеспечить себя дешевой нефтью для контроля над ней? Так цены на нее с тех пор выросли втрое.

– Неужто все это было затеяно ради какой-то статуэтки? Хочешь сказать, что кто-то из «посвященных», произнося заклинания на шумерском, мог наслать на врагов-конкурентов чуму, ураганы и прочие бедствия?

– Пацуцу – Пазузу – это разъяренный демон расы рептилоидов, – спокойно пояснил Алексей. – Изображают его иногда с телом скорпиона, головой дракона, льва или змея, крыльями саранчи, он имеет рога на голове, гребень, хвост, лапы орла, часто изображают змею вокруг ноги. Правая рука-лапа поднята, левая в стороне. Нет, это не «римское приветствие». Считается, что этот жест символизировал жизнь и смерть. Пацуцу – демон штормового юго-западного ветра, приносящего бактериологический мор, говоря современным языком. Ему поклонялись в шумерских и вавилонских империях Древней Месопотамии. Он и его братья были известны как Себетту, или Иссиру, – это группа существ, которых бог Нергал вводил в бой с целью распространить пандемию болезней как «окончательное решение» войны.

– Очень удобный для американских «ястребов» микробиолог, – согласился Петр. – Особенно для производства суперсовременного биооружия. Вроде нашего Мориарти.

– Угу. Но Тортошин – не Пацуцу. Во вселенской иерархии месопотамских демонов он один из самых мощных, легко перемещавшийся из подземного мира в земной, свободно гуляющий по параллельным мирам. В любых измерениях. Илья Гаврилович на это неспособен. По крайней мере, пока.

– Ты серьезно?

– Шучу. Но на всех изображениях, которые нам еще в девяностые годы показывал Тортошин, видно, что Пацуцу присутствует при создании расово разнообразного существа, предназначенного для определенных целей. А в некоторых «криэйторами» ведется даже генетическая доводка, в том числе и создание человека. В числе его «подвигов» разрушенные до основания города Ур и Урук. Те изображения в виде многочисленных горгулий, присутствующие на христианских храмах и соборах, скорее всего, изображают именно его. Впрочем, есть несомненное сходство и с Бафометом.

– То есть с дьяволом?

– Любимцем тамплиеров. Возможно, это комбина-

ция двух греческих слов, «бафе» и «метис», что означает «поглощающий знания». Часто используется как символ колдовства вообще. Некоторые теософы утверждают, что Пацуцу был одним из 14 ангелов, которые были за Люцифера и против Бога. Когда Люцифер был низвержен в ад, четырнадцать бывших ангелов стали демонами. Есть и еще аналоги, и даже на других континентах. Тот же Кецалькоатль. Крылатый змей.

Пиво тоже было похоже на настоящее. По крайней мере, в магазине такого не купишь.

– А женой Пацуцу считалась демонесса Ламашту, она же Инанна, – продолжил Алексей. – И она же – прямой аналог Лилит, первой супружницы Адама. Эта Ламашту-Лилит была ответственна за бесплодие женщин и бессилие в людях. Это тебе ни о чем не говорит? Вообще, о Лилит мало что известно, единственная ссылка на нее есть в Ветхом Завете в Книге пророка Исаяи, буквально несколько строк. Но есть изображение, древний артефакт. И еще миниатюра пятнадцатого века. Там Адам, Ева и Лилит.

– Чего это они все вместе?

– Не знаю. Но Лилит выглядит как явный рептилоид. С хвостом и лапами с перемычками и когтями вместо ног. Согласно легенде, гордыня превратила это идеальное творение, первую женщину, в злой дух. Она сама добровольно сбежала из рая и стала женой Люцифера, матерью бесовского легиона. В этой связи стремление некоторых нынешних прекрасных дам соединить свою жизнь исключительно с принцем-олигархом вполне понятно и исторически обоснованно: действует генетическая память. Но подобные поиски идеала зачастую заводят за линию горизонта, а дальше – тьма и ад. Собственно, этим и заканчивается история Лилит, которая стала демоном – убийцей человеческих младенцев.

– Но ведь и про Еву говорят, что она была сгенерирована Создателем вовсе не из ребра, а из хвоста Адама, – сказал Петр. – Так что и сам первочеловек был подвергнут генетической обработке. А в память об этом событии мы имеем рудимент на копчике. Обрубок. Еще «ходят слухи»,

что Адам был создан по образу и подобию Творца. Но детали не уточняются. Будем надеяться, что он был несовершенен, а потому и усовершенствован.

– Я рад, что ты начинаешь мыслить в правильном направлении, – усмехнулся Алексей.

– Вот об этом я и хотел с тобой потолковать. Много вопросов накопилось. Но я не думаю, что вы в своей лаборатории подобной чепухой занимаетесь. Если только в качестве отдыха.

– Не только, – серьезно ответил Алексей. – Слушай. Допустим, более полутора миллионов лет назад на Землю спустились лимуры. Раса рептилоидов. Она могла одинаково легко жить в воде, в воздухе или в огне, обладала неограниченным контролем над элементами. Они передали людям чудесные тайны Природы и науки, открыли им неизреченное и ныне утерянное «Слово». Кстати, на раскопках в дельте Тигра и Евфрата найдено почему-то особенно много рыбных костей неизвестных рептилоидов. Но лирианцы в то время только начинали осваивать космические путешествия. Часто между ними на их родной планете возникали конфликты. Велись войны с применением термоядерного оружия. После очередной такой войны лирианцы разделились на две группы. Та, которая хотела мира, навсегда покинула свою планету, забрав с собой представителей фауны и флоры. Другие остались сражаться друг с другом.

– Тебе, Леша, кино бы снимать, – проворчал Муромцев. – Зря профессию биолога выбрал.

– Биология, как и любая наука – почище всякого триллера будет, – улыбнулся Федосеев. – А еще Тортошин правильно говорил: если ты занимаешься только биологией, то ты и ее не сможешь никогда познать до конца. Все связано между собой. Все науки.

– У меня Василий Степанович, генерал, тоже большой любитель сказок.

Покончив с пивом, они вышли из паба и решили немного пройтись по вечерней Москве.

– А Илья Гаврилович тоже этим всерьез увлекался? Надеюсь, не в рабочее время? – спросил Муромцев.

Некоторое время Федосеев шел молча.

– Пойми, – сказал, наконец, он, – все это не только косвенно, но отчасти и напрямую связано с нашими исследованиями. Сейчас объясню. Вот возьмем среднестатистического человека, вес которого равен семидесяти килограммам. Если его «разобрать на материалы», из которых он создан, то получим: 7 кг водорода, 45,5 килограммов кислорода, 12,5 кг углерода, 2,1 кг азота, 1 кг кальция, 700 граммов фосфата, 2 грамма цинка, 0,15 граммов меди и, уж совсем мелочью, – никель, кобальт, свинец и молибден. Дешевые, доступные повсюду, и на Земле и в космосе, компоненты.

– Допустим. А дальше?

– Здесь любопытно то, что химический анализ космической звездной пыли один к одному совпадает с «рецептом» современного хомо сапиенса, полученного из реторты Вселенной. Из пыли и праха, глины слеплен человек, что с некоторым недоумением по поводу такого совпадения с библейской версией отмечал профессор Тортошин. Этой пыли в космосе бесконечно много! Но каждая частичка нашего тела, оказывается, прошла через космическое горнило – горела в звездах, взрывалась сверхновыми, для того чтобы вот теперь ты, Петя, мог оторваться от монитора, оглянуться по сторонам и оценить величие окружающего мироздания и красоту момента.

– Оценил. Поехали дальше.

– Библейская глина представляла собой «кровь» или гены вовсе не фигурально. Из глины состояли и те таблицы, на которых наши предки несколько тысячелетий назад имели возможность регистрировать свои хроники, доктрины и верования, как это сейчас называют – религии. Та информация, по большей части из Междуречья, и явилась основой для тех строк из Ветхого Завета, где говорится о происхождении человека.

– Я согласен с тобой только в том, что слушать тебя гораздо интереснее, чем читать файлы.

– Тогда и не перебивай.

– Пойдем ко мне, тут рядом, – предложил Петр. – А заодно и глотнем чего-нибудь покрепче. Без доброй бутылки коньяка здесь все равно не разобраться...

ГЛАВА 3. «ТЕЛО МОЕ НЕ ИЩИТЕ»

Прежде всего помянули Валентина Егоршина. Потом Муромцев завел их любимую песню Гребенщикова:

...Тебя там встретит огнегривый лев

И синий вол, исполненный очей.

С ними золотой орел небесный,

Чей так светел взор незабываемый...

– Знаешь что Валя мне недавно, ну, года два назад, сказал?

Поскольку Петр молчал, Алексей пояснил:

– Музыка-то неизвестного композитора пятнадцатого века... Но не это главное. Дело в тексте. Вот почему он так берет за душу. Но слова, согласись, странные. И с генетической точки зрения все выглядит не столь лирично. Егоршин сказал, что подобных существ в своих видениях наблюдал пророк Иезекиль. И описывал их так: у каждого четыре лица и четыре крыла, ступни ног – как у быка, человеческие руки, сверкающие, как медь, а головы – льва, орла, тельца и человека с каждой из сторон. Это гибриды, биогенетика, зафиксированная в Библии.

– Опять ты за свое?

– Ну а как же? В Древнем мире разделение людей на расы шло не по цвету кожи или форме носа, а по их сущности или предназначениям. Были Итиги – это упоминаемые в книге Еноха «сыновья Божьи», Элохим. Были Кингу, разделенные всеми полномочиями ведения войны. Так в вавилонском мифе. Все они после поражения в битве за свою планету Тиамат были «депортированы» на Землю. А были еще Баббары, красные воины-терминаторы, с крыльями. Были Усу – зеленые воины, рабочие. Кожа их немного светлее, чем у рептилоидов-ануннаков. Суккалы – имеющие форму птиц, грифонов. Это посыльные, вроде библейских

ангелов. Были Урма – в форме летающих львов. Это проектировщики жизни, генетики.

– Вроде тебя с Тортошиным, – вставил Петр.

– Рад бы. А символические изображения всех их – одинаковы у разных древних народов. Египетские сфинксы, по сути, тоже крылатые львы. Вот основные расы существ Вселенной. Как бы то ни было, а с прибытием рептилоидов с голубой кровью на Землю, как и с появлением «Змея» в саду Эдема, «семена жизни» дали всходы, животный и растительный мир перешел в конечное эволюционное завершение. А деятельность «истинного человека», собранного по «образу и подобию», закончилась. Рептилоиды, депортированные на Землю, решили не слишком себя утруждать. Какой получился человек, такой и получился. Опять же обратимся к шумерским табличкам. Это для нас как фотографии из прошлого... Надо уметь только правильно растолковывать.

– Или толковать так, как надо, – заметил Петр.

– Первоначально человеческая раса представляла только молодых рабов для плантаций и рудников. А тех, кто вырабатывал свой «ресурс», хозяева «стирали». Они могли быть, возможно, возобновляемы при помощи клонирующих машин, которые тогда использовались горсткой «жриц».

– И никаких пенсий! Мечта каждого «эффективного» менеджера, вроде Чубайса. Я всегда подозревал, что он из отряда рептилоидов.

– В итоге был получен «черный раб», человеческое существо без пола. Позже его модернизировали. Создали в пару ему женщину и дали возможность саморазмножаться. Очевидно, клонирование оказалось слишком хлопотным делом. Человек использовался на тяжелых работах. Любопытно, что не так давно в пещере на индонезийском острове Флорес был найден скелет с хвостом и череп маленького человечка, а рядом лежали современные инструменты.

– И в чем фишка-то?

– А в том, что этому хвостатому парню с киркой и лопатой не менее ста тысяч лет. Аналогов этому существу в современных расах нет. Рептилоиды приспособливали по-

добного «человека» под себя. По сути, это было генетическое смешение человекообразных Угуби, земных обезьян и «крови» зеленых Кингу. Последний компонент добавляли, чтобы добиться сходства с собой. А кстати, такие же «образцы» людей были найдены в свое время и в Свазиленде Англо-американской корпорацией. И еще раз повторю: линию эту считают законченной, и продолжения она не имеет. Как и линия «промежуточного», по отношению к последующим вариантам, неандертальца. Но улучшение человечества продолжалось, в итоге – одна голова, две руки и две ноги. Мой вывод: астрономический рептило-бестиарий, упавший на Землю, явно имел тенденцию ассимилировать и смешивать расы, добиваясь покорности, которая требуется от домашнего скота. Даже в Египте при фараонах овец называли Унду, а людей – Ундут. И у шумеров люди – Ун-ду – рогатая толпа... А ты мне будешь говорить, что слово «быдло» придумали польские паны применительно к холопам-западцам!

– Ну, ладно... – произнес Петр. – То, что бандеровцы всегда им ночные горшки выносили – и теперь будут, это натура такая, подлая и трусливая, потому и ненавидят весь мир. Но вот скажи мне, откуда взялась в мифах устойчивая связь Змея с мудростью и знанием? Не слишком-то много к этому предпосылок. А претендентов на эту роль в фауне достаточно. К примеру, крыса.

Муромцев полез в бар, принес лимон, сыр, виноград. Времени было уже около одиннадцати. А Федосеев продолжал:

– Условия на Земле хотя и отличались от родной планеты рептилоидов, но не слишком радикально. Биохимия «богов» вполне воспринимала земные продукты. То есть она не столь сильно отличалась от биохимии человека, ими же генетически подкорректированного. Некоторые сельхозкультуры, согласно мифам, боги передавали людям, а передав, «улучшали» в соответствии с климатом. К примеру, в Южной Америке есть явные следы генетических экспериментов с некоторыми видами растений. В общем, все это еще ждет своего исследователя.

Помолчав, он добавил:

– А более подробно обо всем этом ты можешь прочесть в моих флешках. Вижу, ты с ними не слишком внимательно ознакомился. Там речь идет о том, как «голубая кровь» рептилоидов напрямую соотносится с «зерновым» выбором людей. И пристрастием их к виноградному вину. А все это зависит от меди и железа. Наличием одного и отсутствием другого. Это уже из наших лабораторных исследований.

– Хорошо, еще раз загляну. А пока, в двух словах?

– Изволь. На Земле есть масса созданий, имеющих голубую, а не красную кровь. Человеческая кровь, по большому счету, тоже не красная – красной она становится по мере насыщения кислородом. Но, как бы ни была изощрена природа в выборе вариантов, большинство земных существ имеют кровь красную. Связано это, скорее всего, с тем, что железа на Земле много – это второй металл по степени его распространенности, а дыхательные пигменты на основе железа, в условиях нашей атмосферы, более эффективны, нежели на основе других элементов. К слову, потребность человека в железе намного превосходит действительную физиологическую потребность в нем, то есть его организму не бывает «много», поскольку оно трудно усваивается. Но это на Земле. Короче – углекислота для рептилоидов с голубой кровью на основе меди гораздо больший яд, чем для людей с кровью красной. А остальное прочтешь в файлах. И последнее. Тут постарайся быть внимательней к моим словам.

Муромцев налил в бокалы коньяк. Они выпили. Алексей произнес:

– Биохимическое изобретение «голубой крови» многими учеными, не только отечественными, как профессор кафедры биофизики физфака МГУ Симон Шноль, но и мировыми, называют «последней трагедией науки». Вот так. А это уже напрямую связано с работой Тортошина. Да и с нашей с Егоршиным тоже.

– А почему?

Федосеев не ответил прямо. Просто сказал так:

– В последнее время – за девяностые и нулевые годы – было убито или исчезло более тридцати лучших русских микробиологов. Причем с мировыми именами.

– Опасная, однако, профессия, – отозвался Муромцев.

В последующие дни Муромцев ознакомился и с другими файлами Федосеева на эту же тему. Особенно его заинтересовало следующее.

«Предания о живущих под землей и на земле гибридах есть в Индии, Австралии и других странах. В Индии они человеко-змеи нагаса, и о них в курсе каждый индус. А вот в Австралии они связаны с подземными обитателями Черных гор. Это нагромождение огромных мрачных валунов посреди зеленых просторов. Такие камни нигде больше не встречаются, и специалистам неясно, откуда они взялись. Внутри Черных гор все те же подземные лабиринты, которые, по свидетельствам аборигенов населяют человекообразные рептилии... В Черных горах пропадали туристы, фермеры, целые стада скота. Документально эти случаи фиксируются с 1877 года.

Еще факт. Фил Шнайдер работал инженером-геологом при создании подземных военных баз по контракту, когда в 1979 году он оказался вовлечен в вооруженное столкновение с подземными рептилоидами. Произошло это во время проведения планового бурения по расширению базы в Дульсе и неожиданного прободения бура в большую каверну, битком набитую неизвестными существами. В возникшей стычке с человекоящерами погибли 66 работников, включая агентов ФБР. Этот инцидент вошел в историю под названием «Война в Дульсе». Сам Фил остался без пальцев на одной руке и с раной на груди. Потребовалось полтора года, чтобы вылечиться. «Позже мы узнали, – говорил он, – они живут там уже длительное время».

В самарской газете «Время Икс» напечатана статья, в которой цитируются воспоминания спелеолога, обнаружившего в составе экспедиции в Жигулевских горах подземелья с узкими галереями, обширными залами с подземными озерами и ручьями, а также удивительной галереей, запол-

ненной ледяными глыбами. В них спелеолог видел существа, напоминающие человекообразных ящеров: «...голова, нависающая над телом, огромные фасеточные глаза навывкате, большая надлобная шишка, маленькие, скрюченные и прижатые к животу лапки или ручки». Показательно, что рефаимы Библии тоже предпочитали селиться в горах. А спелеолог вскоре и сам пропал в одной из пещер...

Пример допотопного «метростроя» – гигантские по протяженности пещеры под Китаем, открытые в горе Хуашань лишь в 1999 году. Размах подземных интерьеров с каменными сводами и мостами через подземную речку, бассейнами с прозрачной водой, а также собранными из мегалитов десятиметровыми опорными колоннами, указывает на применение сложнейших технологий и прикладных аспектов теоретической механики...

В Невадской пустыне есть секретная «Зона-51». Там испытывают приборы по контролю над сознанием, проводят работы по восстановительной инженерии двигательных и силовых установок трофейных летающих тарелок, пытаются воспроизвести их из земных материалов, а вот что делают там гибриды в обмен на предоставленные ими технологии, еще вопрос.

Нижние уровни, начиная с четвертого, занимают нефилимы рептилоидного типа, и вход людям туда заказан. Там находятся гигантские инкубаторы, где эти гибриды в стерильных спецодеждах выращивают в искусственных условиях себе подобных. По другим сведениям, туда же доставляется часть похищенных на земле женщин для принудительного исполнения роли суррогатных матерей.

Этот уровень называется «зал кошмаров». В клетках сидят многоногие, ящероподобные гуманоиды, наполовину человек, наполовину осьминог, странные волосатые существа, крылатые люди, существа горгульи, снежный человек, люди, похожие на летучих мышей, и другие гибриды. ...Тысячи рядов контейнеров с частями человеческих тел и человеческих генетических смесей (кровь, сперма) в холодильных установках; чаны, где хранятся гибридные эмбри-

оны в различных стадиях развития». Правительство в курсе этих вещей, но ситуация уже вышла из-под контроля.

Некто Томас Кастелло имел высший код допуска туда и отвечал на подземной базе за контакты с крылатыми ангелами, называющими себя Драко, и подчиненными им рабочими гибридами, встречаясь с теми и другими регулярно. Он вынес с базы 27 фотографий гибридных существ в чанах, а также одну беззвучную запись камеры наблюдения, которая показывает чаны и многие ракурсы «зала кошмаров», 2 снимка серых гибридов, 30 секунд прибытия подземного поезда, 25 страниц диаграмм и схем оборудования. Перед тем как семья Томаса и сам он бесследно исчезли, им были розданы доверенным пять копий, и они все еще на руках... Одна из них, предположительно, есть у профессора Тортошина, он общался с Кастелло и даже дружил с ним...

Очень похоже, что растиражированная история с криками из ада на Кольском полуострове и однажды выскочившим из сверхглубокой скважины странном существе – из той же проблематики. Ад тут ни при чем. Ад – духовная сущность. Его не слышно обычным ухом. Но вот на земле, вернее, под землей, дьявол что-то явно затевает.

Муромцев отложил непрочитанные файлы. А в этих его особенно заинтересовала информация, касающаяся Тортошина.

Однако Петр Данилович все эти дни занимался не только «гибридами» и прочим. Вел также служебное расследование в связи с кражей в Институте биологии и самоубийством Валентина Егоршина.

Егоршин оставил предсмертную записку: «Прощайте. Тело мое не ищите – не найдете никогда. Я его сжег. Зараза не должна распространиться». Это вызывало много вопросов. Первое: чем это он успел заразиться в Институте биологии? Хотя, конечно же, было чем. В других лабораториях велись работы над штаммами сибирской язвы, бубонной чумы и прочими нехорошими вирусами, которым даже и названия-то пока не придумали. Но никакого каса-

тельства к ним Егоршин не имел. Его лаборатория с бактериологическим оружием напрямую связана не была. Лишь косвенно.

Второе: где он мог себя «сжечь», если только это не какая-то аллегория? Что, постучался ночью в крематорий, дал взятку сторожам, чтобы те отодвинули заслонку, и нырнул в печь? Забавно. Но на всякий случай проверили и это. Нет, работники всех московских крематориев только посмеялись.

Подполковник провел рейд и по психбольницам. Без толку. Пациента с такими опознавательными признаками не поступало. Даже если Валентин внезапно потерял память, впал в амнезию и стал «овощем». Причем сразу после того, как написал записку. Но тогда может шляется где-то по пустырям с бомжами? Помоек в Москве много, надо подключать все районные отделы полиции. Подключили. Работу провели в кратчайшие сроки. Результат – ноль.

И третье: а не инсценировка ли это самоубийства? Последняя версия выглядела наиболее логичной и убедительной.

Два варианта: или что-то его столь сильно напугало, что Валентин потерял голову, или, напротив, вскружило крышу так, что он ее... все равно потерял. Муромцев не стал исключать никаких версий. А их было три, основных: самоубийство, инсценировка и убийство, ведь Егоршина могли и вынудить написать эту записку. А уж спрятать мертвое тело – дело техники.

Что касается кражи из сейфа, тут было проще. Предварительно институт был обесточен и, под видом работников Мосэнерго, двое сотрудников обездвигили трех охранников. Потом на них надели наручники и залепили рты пластырем. В запасе было минут десять, но этого хватило.

Расположение директорского кабинета и сейфа они знали. Слесток с ключей имелся, цифровой код был известен. Работали в бахилах и перчатках. Взяли только две папки с документами и файлами по проектам «Голубая кровь» и «Рептилии». Деньги, а их было полтора миллиона в рублях и три сотни тысяч долларов, не тронули.

По почерку и профессиональному исполнению заказа, а также исходя из описания злоумышленников (хотя они, конечно же, были загримированы), Муромцев сделал вывод, что тут могли поработать только два специалиста. Это Гринев и Чохов. И он не ошибся.

Чохова взяли накануне Дня народного единства, а затем последовала очередь Гринева. Что произошло дальше – уже известно. Но кто навел «медвежатников» на сейф? Ясно, что задачу поставил Мориарти. Больше никому. Если только не иностранные спецслужбы. Но они сработали бы более тонко. Просто напросто купили бы Фуфанова.

К тому же, в сейфе директора хранились только отработанные материалы по этим проектам, но основная часть, с результатами сегодняшних исследований, содержалась в подземной лаборатории Федосеева. Туда Чохов и Гринев проникнуть не могли. Охранная лазерная система «Периметр» не позволяла это сделать. Тотчас же весь институт был бы наводнен полицией.

Но преступники знали код директорского сейфа и имели заранее изготовленные ключи. Кто и откуда навел их? Сообщник, несомненно, находится внутри института, поскольку профессор Тортошин доступа к цифровому коду не имел. Тогда сам Сергей Фуфанов? Опять инсценировка, на сей раз со стороны директора, чтобы обеспечить себе алиби? Или Валентин Егоршин? А чтобы замести следы – видимость самоубийства?

Муромцев сомневался в причастности Егоршина к этому преступлению. Не мог Валентин поставить на кон свою жизнь. Не хотел верить этому и Федосеев, которого подключили к группе Муромцева. Да и Фуфанов не такой уж идиот, чтобы ввязаться в эту грязную игру. Он, конечно же, тот еще прохиндей, но реальное благополучие ему дороже. А вот выболтать спяну цифровой код замка вполне мог. И ключи у него минут на пять из кармана увести, чтобы сделать слепок, – раз плюнуть.

Что касается Егоршина, то главный аргумент, почему он не мог пойти на это преступление, а потом покончить жизнь самоубийством, привел Федосеев. На оперативном

совещании у генерала Сургутова, где опять присутствовали три полковника, курирующие разные направления спецотдела «Ф», да еще тот самый ветеран КГБ-ФСБ с палкой-костылем, консультант по общим вопросам, Алексей сказал:

– Это любовь.

– Что-что? – переспросил полковник Рогов. – Вы в своем уме?

– Любовь, – повторил Федосеев.

– А что вы имеете в виду, Алексей Сергеевич? – задал наводящий вопрос полковник Тарута.

– Вон, Петр знает, – ответил Федосеев.

– Егоршин души не чаял в своей жене Ирине, – произнес Муромцев. – Это была идеальная пара.

– А ты сам-то ее видел, знаешь? – спросил Рогов.

– Не только видел, но даже в молодости соперничал из-за этой дамы с Егоршиным, – ответил за Муромцева Федосеев. – На шпагах дрались.

– Черт-те что, – проворчал Сургутов. – Опять какая-то дешевая беллетристика. Давайте поконкретней.

Слово взял Федосеев:

– После окончания университета Ирина два года проработала в Америке, в химическом концерне «Афтон Кемикл». Занималась топливными маслами. Потом год – в Центральной биологической референс-лаборатории в Казахстане, которая была создана на базе бывшего советского Противочумного НИИ в Алма-Ате при финансовой поддержке оборонного ведомства США. Теперь она расположена в поселке Отар.

– Тут, пожалуйста, поподробнее, – сказал Сургутов.

Продолжил полковник Смышляев:

– Официально эта лаборатория была создана для обеспечения безопасности патогенов, то есть паразитирующих микроорганизмов, оставшихся в Казахстане от советской военно-биологической программы. А также исследований способов защиты от них. И – что особенно смешно – трудоустройства бывших военных биологов. Это спустя двадцать-то лет! Однако ряд обстоятельств указы-

вает на то, что в действительности данная лаборатория может использоваться для военных биологических разработок, ведущихся в США. Куратором программы выступал сенатор Ричард Лугар. Как вам известно, он занимался демонтажем советских ядерных объектов в Казахстане и в других республиках СНГ. Теперь сосредоточен на вопросах биологического оружия. Забавно, но в Грузии одна из таких лабораторий носит его имя.

– Все тебе «смешно», «забавно», – а мне не до шуток, – вновь проворчал генерал.

– Упрек принимаю. По оценкам российских экспертов, создание Пентагоном таких референс-лабораторий вблизи наших границ угрожает биологической безопасности России. И позволяет Соединенным Штатам решать сразу несколько военных задач. Во-первых, открывается возможность проводить военные биологические исследования, в том числе полевую апробацию штаммов болезней за пределами своей территории. А на казахов и грузин им плевать. Пусть живут хоть в скотомогильниках. Во-вторых, они, таким образом, обходят все международные договоренности о запрещении биологического и токсинного оружия.

– Опять двойные стандарты. Черти, одним словом, – выразился Рогов.

– И в-третьих, – продолжил Смышляев, – что самое существенное, на подобных объектах могут создаваться болезнетворные микроорганизмы, нацеленные на поражение конкретного генотипа. То есть населения определенной территории. Какой – объяснять не надо. Ну и последнее. Американцы могут проводить на местности запрещенные испытания биологических агентов, отслеживая их вирулентность, смертность, пути доставки и другие свойства, применительно к области потенциальных задач.

– Другими словами, заниматься активными наступательными программами против России, – добавил Тарута. – Не исключено, что последние вспышки атипичных заболеваний на Юге России, а это высокозаразный менингит среди

детей в Ростовской области, африканская чума свиней и ящур на Кубани и Северном Кавказе, могли быть как раз биологическими маркерами, целенаправленно вброшенными сюда с территорий Грузии или Казахстана.

– Это их ответ нам за Крым и Украину, – сказал Рогов.

– За несколько десятилетий Соединенные Штаты сформировали обширную сеть биологических лабораторий двойного назначения в различных частях света, не только на территории бывшего СССР, – продолжил Смышляев. – Тут тебе и Европа, и Африка, и Юго-Восточная Азия. Мелкие станции модернизированы в Азербайджане, Киргизии и Узбекистане. А мигранты из этих стран, зараженные скрытым вирусом, сами того не ведая, могут являться источниками самых серьезных заболеваний. И потенциальным очагом пандемии, еще неизвестной болезни.

– Вот под каким крылышком стервятника обитала ваша Буданова, – строго произнес Тарута, глядя на Федосеева и Муромцева.

– Это еще ничего не доказывает, – возразил Петр Данилович. – Да и проработала-то она там всего год.

– За год можно многое успеть. А чем она сейчас занимается? – спросил генерал.

– По возвращении в Москву Ирина Викторовна вышла замуж за Валентина Егоршина, – ответил Федосеев. – Сменила профессию, стала писать научные статьи по проблемам химии и биологии для научно-популярных изданий. Словом, теперь свободная журналистка и домохозяйка.

– И вдова. Якобы, – с намеком произнес Рогов. – В смерть Егоршина я не верю. Надо его искать.

– Объявить во всероссийский розыск, – добавил Тарута.

– В международный, – поправил Смышляев.

– В планетарный тогда уж, – засмеялся консультант с костылем, молчавший до сих пор. Звали его Бортников.

– Мы профессора-то найти не можем, а тут еще один призрак на нашу голову, – проворчал Сургутов. – Установите за Будановой наблюдение. Пусть этим Муромцев займется. Войдет к ней в доверие. Зря, что ли, он на дуэли дрался?

Муромцев задумался, вспомнил свои недавние встречи с Ириной.

...Она будто давно его ждала. И словно расстались они только вчера.

– Привет, милый друг, – сказала она. – Так и знала, что это будешь ты.

– В каком смысле? – спросил он.

– Ну, поведешь это дело. Валентин как-то говорил мне, что ты теперь вроде бы при больших погонах. В ФСБ служишь?

– Да, как бы.

– До тебя тут уже крутился какой-то мелкий следователь из прокуратуры, но лишь громко вздыхал, пытаясь меня ободрить.

– А не надо?

Она действительно не походила на безутешную горем вдову. Элегантно и даже нарядно одета, пепельные волосы уложены, в меру макияжа, глаза светятся. Время над ней не властно. Тут Муромцев подумал, что не переставал ее любить все эти годы.

– Тебе – не надо, – ответила она.

– Ладно. Не буду. Давай просто поболтаем.

– Тогда отправь своего помощника на лестницу покурить.

– Иди уж, – сказал майору Карееву Муромцев. – А еще лучше, отправляйся в Управление. Протокол сегодня писать не будем, дознание отменяется.

– Вижу, – улыбнулся тот.

Они пили кофе с коньяком, вспоминали прошлое, шутили, смеялись.

И не было сейчас такого ощущения, что здесь, в трехкомнатной квартире на Арбате где-то витает дух Валентина Егоршина. Может быть, он просто деликатно удалился? Особенно, когда Ирина и Петр вдруг неожиданно порывисто спонтанно обнялись и поцеловались.

Потом было еще несколько встреч, и протоколно-обязательных, и не совсем, и совсем уже личных, понемногу у Муромцева вырисовалась такая картина: Валентин накануне своего исчезновения был то необычно возбужден, резок,

а то чрезвычайно замкнут, умиротворен, что никак не соответствовало его ровной натуре. На вопросы Ирины не отвечал, злился на что-то. Но реальных причин, чтобы свести счеты с жизнью, как уверяла сама Ирина, у него не было.

Муромцев был уверен, что и тут незримой тенью проходит загадочная фигура профессора Мориарти. Связана каким-то образом со смертью или исчезновением Валентина Егоршина. Как и с кражей в Институте биологии и генетики. Тортошин – ключевое звено в этом деле.

Но самое досадное то, что Муромцев вдруг почувствовал даже некую признательность к Илье Гавриловичу, профессор расчистил ему путь к сердцу Ирины, пусть запоздало, но убрал соперника. А вот это уже совсем никуда не годилось. Не хватало еще быть обязанным профессору Мориарти.

Он очнулся от голоса генерала Сургутова:

– Заканчиваем совещание, все свободны.

Полковники и консультант разошлись, а Муромцев с Федосеевым отправились в паб.

– Ну, что скажешь? – спросил после третьего доброго глотка пива Алексей.

– А я должен что-то говорить? Выдать нечто запредельно умное? Сам все слышал.

– Но я еще не слышал твое мнение о моих файлах.

– Честно? Меня уже тошнит от этих твоих рептилий с голубой кровью. Сам скоро в одну из них превращусь.

– Ты и так настоящий крокодил. С виду спишь, а глаз и пасть наготове.

– Спасибо. Хотя вот что... Спрошу. В одном твоём файле шла речь о некоем Томасе Кастелло.

– Да, был такой генетик и микробиолог в Штатах.

– Он еще работал на подземной базе в Неваде, засекреченной «Зоне-51».

– Вижу, внимательно читал. А говоришь, не крокодил!

– Просто запало. И вот почему. Ты написал, что Кастелло якобы одну из копий передал на хранение Тортошину. Это правда?

Федосеев ответил не сразу, сначала хитро прищурился.

– Это версия Егоршина. Мориарти совсем недавно рассказывал об этом Валентину. Более того. Я почти уверен, что Илья Гаврилович побывал на этой подземной базе.

– Так есть у него эти материалы из «Зоны-51» или нет?

– Я не сомневаюсь, что Кастелло выбрал его в качестве одного из доверенных лиц. Поскольку действительно дружил с ним еще с советских времен. Это точно. Я даже помню, что Тортошин приглашал его к нам на пятый курс читать обзорную лекцию.

– А когда он исчез?

– Да примерно тогда же, когда и Мориарти. В нулевых годах.

Муромцев надолго задумался. А вывел его из размышления голос Алексея:

– Если эти материалы предать гласности – мир сойдет с ума. Вот почему Кастелло и ликвидировали. Вместе с семьей. А также и четырех других «носителей» – это уже со слов Валентина. Остался один Тортошин.

– Может быть, именно поэтому он и прячется?

– А вот это ты уж у него сам спроси. Если найдешь.

– Не хочу больше об этом думать, – сказал Петр. – Давай лучше сюда Ирину вызовем.

– Валяй, я не против. Но пиво она не пьет, а вот текилу уважает. Я когда к ним приходил в гости, так мы только ею и забавлялись.

Муромцев стал вызванивать Буданову, потом кивнул официанту, сделал соответствующий заказ и успокоился. Он уже и дня не мог прожить, чтобы не увидаться и не пообщаться с Ириной. Просто наваждение какое-то.

Федосеев вернулся к теме:

– Так как тебе сам сюжет? Что ты вынес из файлов?

– Вынес мозг. С твоей помощью. Хорошо еще, что Сургутов мужик умный, не погнал меня сразу к штатным психиатрам, а дал шанс разобраться. Впрочем, у нас в отделе и не к такому мракобесию привыкли. На первый взгляд – полная чепуха, а на деле все оборачивается скрытым ящиком Пандоры, закомуфлированным под почтовую посылку.

К тому же само существование вашей лаборатории в течение более двадцати пяти лет говорит о том, что деньги на ветер бросать не стали бы.

– Никто и не бросал, – согласился Федосеев.

– Только результатов, как я понимаю, все еще нет?

– У последней черты. Я ведь тебе в файлах обрисовал лишь общую картину исследований. С чего все начиналось. А теперь расскажу суть.

Но сделать этого он не успел. На входе в паб появилась Ирина, в белоснежном плаще и серебряных туфельках на высоком каблуке, близоруко прищуриваясь и оглядывая зал. Очков она не носила, хотя они ничуть не испортили бы ее внешность.

– Твоя пришла, иди уж, встречай, – поморщившись, произнес Алексей. – После договорим.

Муромцев, галантно приобняв Ирину, довел ее до их столика. Отодвинул стул и, чуть наклонившись, застыл рядом с салфеткой через руку.

– Чего изволите? – халдейски спросил он. – Текилу, шампанское? Может, коньячку? Устриц? Или обойдемся бормотухой с плавленым сырком, как в детстве?

– Иди к черту, – просто ответила она и, глядя на Федосеева, сухо констатировала: – И ты здесь. Как же я сразу не догадалась! У нас встреча протокольная или дружеская? И что делать будем?

– Жить, – коротко пояснил Муромцев.

Наслаждались жизнью они до глубокой ночи, меняя один ресторан на другой, подолгу в каждом из них не задерживаясь. Будто вернулись в молодость. Только тогда они больше блуждали по бесплатным паркам, а пили в подъездах.

Федосеев заметно опьянел, Ирина вино лишь дегустировала и просто веселилась, а Муромцев с каждой рюмкой трезвел все больше и больше. На него спиртные напитки вообще никогда особо не действовали. А сейчас мозг его продолжал работать и мысли в голове крутились, в основном, вокруг «Рептилий» и «Голубой крови». Даже Буданова отодвинулась на второй план.

– Не зайдешь? – игриво спросила она, когда они остановились возле ее дома. (Федосеева еще раньше уже «вложили» в такси.)

– В другой раз, Ирочка. Извини, – ответил он.

– Смотри, другого раза может и не быть.

– Нет, правда-правда, есть еще кое-какие дела.

– Ну, как знаешь. А вообще-то, в таких случаях глупо извиняться.

Она обиженно махнула ручкой и скрылась в подъезде. А Муромцев, закулив, пешком отправился по ночной Москве домой. Он ценил это время суток, самое плодотворное для работы ума.

ГЛАВА 4. НОЧЬ СО ЗМЕЯМИ

Дома Муромцев включил компьютер и вновь принялся просматривать файлы Федосеева. А рядом на столике лежала еще и папка с заметками и распечатками Тортошина, изъятыми из его квартиры. До них очередь пока не дошла. Вернее, он по диагонали прошелся по ним еще неделю назад, но обстоятельно не вникал.

Однако теперь ему уже было ясно, что вкупе с материалами Алеши, они также представляют определенную значимость.

Муромцев открыл файл «Гипотеза Дэвида Айка. Согласно ей, вся так называемая мировая закулиса – это чистокровные отпрыски элит древних могущественных допотопных цивилизаций. И в этом предположении все четче и четче прорисовываются истинные кукловоды истории. Которые создают то капитализм, то фашизм, то коммунизм, а то и «диктатуру» демократии, маскирующейся под «свободу». Верхушка – рептилоиды, сверхчеловеки, обладающие космическими технологиями...»

«Человеко-ящеры» закрепились в «благополучных» странах по обе стороны Атлантики. Выросший в середине XX века «авторитет» США позволяет предполагать наличие здесь международного центра/штаба рептилоидов. Хотя теперь он переместился в Лондон.

Рептилии, практически захватившие планету, являются виновниками всего творящегося на Земле деструктива. Они разделяют и властвуют. Сегодня их «представители» есть среди всех человеческих рас.

Просмотрев еще несколько файлов, Муромцев сделал передышку.

«Эти астральные рептилии работают через гибридов, принадлежащих к определенным династиям (bloodlines), потому что они имеют вибрационную совместимость друг с другом. Именно поэтому европейские королевские и аристократические семейства так маниакально рождались друг с другом во все времена. Так же соединялись с собой узлами брака «восточные» семейства Соединенных Штатов, которые постоянно «производят» президентов и лидеров Америки.

Наряду с породнением только со «своими», для сохранения генетической наследственности, рептилоиды также одержимы символикой и ритуалами. Это так называемый R-комплекс. Для него характерны следующие черты поведения: одержимость ритуалом, хладнокровное поведение, «территориализм»: «это мое, принадлежит мне», а также безусловная данность иерархических структур. Все это – менталитет рептилоидов».

Их ритуалы предназначены для заряжения полей энергетической решетки планеты и влияния, таким образом, на человеческое сознание. Сами ритуалы этих династий не изменились за многие тысячелетия мировой истории.

Муромцев вышел на балкон перекурить и осмыслить прочитанное.

– Н-да-а... – тихо, но выразительно произнес он, глядя с четырнадцатого этажа на безмятежную Москву, не знающую, что ее ждет впереди. Затем он вернулся в комнату и продолжил экскурс.

«Дэвид Айк говорит: «Один молодой человек позвонил мне в мой офис и сказал: «Вы можете мне объяснить, почему люди типа Буша, Киссинджера, Горбачева, Ельцина, Меркель или Обамы превращаются вдруг в рептилий,

когда я вижу их по телевизору?» Я думаю, что сознание людей переходит время от времени на эту энергию. И тогда люди видят этих рептилий не в третьем измерении, а в четвертом. То есть они видят их как бы сквозь третье измерение.

Добавим к этому слова вполне уважаемого человека, бывшего президента Мексики Мигеля де ла Мадрида, который рассказывал о древней расе рептилоидов игуан. Она скрещивалась в прошлом с мексиканскими народами, в том числе, особенно охотно, с племенем майя. Потому что им нужно было создать такую линию крови и тела, чтобы они могли ходить. И что именно эти игуаны-люди могут менять форму и становиться то людьми, то рептилиями.

А сам Джордж Буш-старший признавался своей любовнице, журналистке Кэти Брайен (она пишет об этом в своей книге), что является представителем внеземной цивилизации, а однажды, во время секса, взял да и превратился в рептилию...».

На этом месте Муромцев не выдержал и засмеялся.

Еще один файл. «Эти рептилии и их сторонники смешали земную молекулу ДНК с их собственным. Наследственность рептилий находится в спящем состоянии внутри человеческой ДНК до тех пор, пока не активизирована вибрациями, генерируемыми как во время совершения ритуалов тайных обществ, так и во время «обрядов» общественных. Например, тщательно разработанного ритуала коронации и прочих официальных и религиозных церемоний».

За неделю до Дня народного единства.

Афанасий Никитич Бортников, «человек с костылем», обладал колоссальным объемом знаний практически во всех сферах человеческой деятельности. К нему обращались по любому поводу. Это был настоящий мастер раскрывать всяческие тайны. Ну, или проливать на них хоть какой-то свет. Вот в его кабинет и пошел Муромцев.

– Садись, Петя, наливай себе чай и рассказывай. Вижу, что рептилии тебя совсем доконали, – улыбнулся ветеран спецслужб.

– Еще нет, но голова кругом уже идет, – ответил подполковник.

– Она и должна так идти, чтобы обзор был лучше. Не поступательно, а вращательно. Смотреть ведь нужно не только вперед, но и вниз, вверх, вбок, назад. Только тогда картина мира станет полной. Я слушаю.

Муромцев изложил Бортникову все, что успел прочитать и понять в файлах Федосеева и из разговоров с сокурсником. Афанасий Никитич ничему не удивился.

– Все логично, – сказал он. – А признайся, когда ты шел сюда, думал, наверное, что я тебя на смех подниму?

– Нет, ничего такого я не думал. Наоборот, рассчитывал, что вы мне что-то еще больше растолкуете. Сам-то я уже начинаю верить в рептилоидов.

– И правильно делаешь. Что касается гибридов, или рептилоидов. Еще в 1947 году бедуинский мальчик Эд-Дин, ища в кумранских пещерах пропавшую козу, нашел вместо нее кувшины с библейскими свитками. Причем они оказались датированы вторым веком до Рождества Христова. А среди многочисленных рукописных текстов обнаружилась и «Книга Еноха». Это очень любопытная вещь. В ней многое объясняется и о людях-гибридах, и о великанах-нефилимах, и о рептилоидах, и о голубой крови. Может быть, именно поэтому Книга Еноха не включена в Писание. Слишком откровенно описана история допотопного человечества. И будущее. А это еще важнее.

Муромцев слушал внимательно, не перебивая, но пока ничего не понимал. А Бортников продолжал говорить, то хитро улыбаясь, то вдруг становясь серьезным:

– Согласно книге Еноха, падшие с неба ангелы вошли в преступный сговор с соблазнившими их женщинами и научили людей магии, астрологии, заклинаниям, разным тайнам, вследствие чего на земле «явилось великое нечестие». Но надо признать, что современная форма мирового порядка не очень-то изменила сущность процессов, определяющих судьбу человечества. Все также тайные мастера выстраивают вавилонскую башню нового мирового порядка, временно управляемого наместниками сатаны.

– А что плохого в том, что духи, или как их там – дают людям безвозмездно тайные знания?

– Плохого-то в том, конечно, ничего нет. Особенно, в знаниях. Просто важно не забывать, что за любой подарок из преисподней приходится платить. И, получив очередной «гаджет» от лукавого, человек теряет один из даров Божиих. Не забывай, что, вкусив от древа познания добра и зла, Адам утратил дар жизни вечной. Повсеместное внедрение машин, призванных облегчить жизнь человека, на самом деле все более и «облегчает» его интеллектуально-нравственную сокровищницу, поработывает душу. Наш современник, получив новые информационные и иные технологии, неуклонно утрачивает дар живого общения с Богом. Да и со своими близкими тоже. Более того, незаметно вырождается в некое подобие киборга, дистанционно управляемого через вживляемые чипы.

– Да, кстати, – спросил вдруг Муромцев, – правда ли, что и у нас и на Западе уже созданы «терминаторы»?

– Конечно, – кивнул Афанасий Никитич. – Те же рептилоиды, только искусственные. Не отличишь от людей. А технологию американцы у нас выкрали. Только у наших внутри мини-ядерный реактор. Такого у штатников еще нет. Вот стоит только послать дюжину таких киборгов в США и... сам понимаешь. Но тебя ведь не это интересует?

– Пока нет.

– Тогда продолжим. Истории свойственно повторяться. Человечество без Бога обречено загнивать и вырождаться, несмотря ни на какие дьявольские «модернизации». Познание само по себе никогда и ни за какие деньги не сделает нас счастливыми. Тогда в чем же смысл человеческого существования и причина Божиего долготерпения? Это вопрос философский. Почему перезагрузка последней версии цивилизации вновь и вновь откладывается? Какое бесценное сокровище мы пока еще сберегли, чтобы сохранить право на жизнь?

– Любовь, – твердо сказал Муромцев.

– Это верно. Допотопная цивилизация, несмотря на все свои чудеса, похоже, не обладала этим источником спа-

сения и духовного иммунитета. И поэтому была обречена. Нас же Бог пока миловал. Однако не стоит забывать о том, что всякое лекарство имеет свой срок годности. Совершенно закономерно, что конец человеческой истории предречен именно тогда, когда «умножится беззаконие» и «охладет любовь».

– Да вы, Афанасий Никитич, богослов прямо.

– Вот тебе один любопытный факт. В 1963 году в одном из турецких городов местный житель открыл в своем подвале вход в многоярусный подземный город. А в нем – многочисленные комнаты и галереи, которые связаны друг с другом переходами длиной в десятки километров. Выяснилось, что этот древний мегаполис уходит вниз под землю на восемь этажей. Внутри были обнаружены предметы культуры хеттеев – потомков Ханаана. А кто такой Ханаан?

– Ну не могу все знать, как вы.

– Тогда начнем с Ноя. Когда все выбрались из Ковчега и обосновались на земле, Ной на радостях напился и уснул голым. Один из его сыновей – Хам – увидел наготу отца и побежал рассказать об этом своим братьям – Симе и Иафету. Те не стали смеяться, как Хам, а пошли и прикрыли папеньку. А когда он проснулся и узнал обо всем, то сказал: пусть будет проклят... Кто?

– Ну, Хам, наверное.

– Нет. Это одно из самых загадочных мест в Библии. Проклятью подлежал Ханаан, сын Хама.

– А этот-то тут при чем?

– А вот слушай дальше. В Библии прямо сказано: Ной узнал, что сделал над ним Ханаан. И проклял его до конца рода. Вот откуда идет содомия. Но как же Ханаан мог на такое отважиться? Как он вообще мог такое возжелать? Причем с дедушкой. Вряд ли он был развращен, скорее глуп. Желание сделать то, что он сделал, было навязано ему как его собственное. И это была первая удачная попытка бесов завладеть душой человека. Ханаан, глупый подросток, был обманут духами нефилимов, и впустил демонов блуда в свой род. За что и был проклят до конца времен. Позже его потомки творили на Земле все, что угодно, а прости-

туцию вообще считали «священной» профессией. Даже издававшие виды греческие и римские писатели ужасались бесчинствам, которые вытворяли потомки Ханаана. Вплоть до каннибализма.

– А насчет того подземного города в Турции?

– Это прибежище вмещало в себя до четверти миллиона человек. И оно было лишь частью колоссального лабиринта под Анатолийским плоскогорьем. Система вентиляции там безотказно действует до сих пор. И таких мест на земле множество.

Помолчав немного, Бортников продолжил:

– Вовлеченная в строительство военных подземных баз «Rand Corporation» выпустила меморандум, в котором говорится о высоком проценте похищенных рептоидами и возвращенных назад со стертой памятью об этом событии. Этот документ был выслан 110 000 психиатрам США. В их числе Джон Мак, главный психиатр Гарвардского госпиталя. Он говорит, что, по некоторым оценкам, до 2 процентов населения Земли заявляют об опыте похищения тем или другим транспортным средством. Это очень много. Доктор Мак, отвечая на скептические возражения, остроумно заметил: «Если то, что происходит с людьми по их рассказам, на самом деле не происходит, то что тогда происходит?»

– И что?

– Со слов потерпевших, похищения часто сопровождаются сексуальными контактами с участием неизвестных существ. Выглядят эти визитеры по-разному. Некоторых не отличить от людей, но большинство имеют черты все тех же подземных жителей. Похоже, эти человекообразные рептилии засветились везде, где только можно. Те, кому пришлось с ними столкнуться, утверждают, что головы этих существ похожи на динозавров велоцераторов и ведут они себя соответствующе. Эти некогда божественные создания напоминают теперь их главнокомандующего, дьявола. Именно он вошел в рептилию в Эдеме и таковой и остался. А чтобы жертва похищения не сопротивлялась, пришельцы стараются парализовать ее волю.

– Так вы полагаете, что проект «Рептилии» имеет не локальный, а широкоформатный масштаб?

– Конечно, – кивнул Бортников. – Не мы же одни этим занимаемся. Возвращение гибридов-рептилоидов уже идет и нарастает с каждым часом.

ГЛАВА 5. СТАНЬ ТАЙНОЙ САМ, ИЛИ ПЕРЕЗАГРУЗКА

Через неделю после Дня народного единства Муромцев и Федосеев вновь сидели в своем излюбленном пабе.

– Который день допрашиваю Гринева, а все без толку, – пожаловался Петр. – Упертый как ишак. Ни с места.

– Бей оглоблей, – коротко посоветовал Алексей. – В Средней Азии только так и поступают, чтобы осел хотя бы на шаг сдвинулся.

– Скажешь тоже. Мы люди вежливые, как говорит наш президент, всего твердой лаской добиваемся. И нежным, проникающим до печени взором. Но вот что я хочу добавить. Когда Гриня узнал о смерти Чохова – малява дошла – так и вовсе с испугу словно воды в рот набрал.

– Интересно, кто ему наступал? – спросил Алексей. Сам же себе и ответил: – Кто-то из надзирателей.

– Это-то понятно, – согласился Петр. И продолжил: – Да мы уже выяснили – кто. Малый один, мутный, который был, кстати, на дежурстве, когда Чохов повесился. Вполне вероятно, что он же и помог ему.

– И?

– Пока мы его не вышибли, а взяли в оборот, наблюдаем. Выявляем связи, контролируем. Думаю, и тут без Профессора не обошлось. Его метод психологического воздействия. С помощью страха. Ему важно, чтобы и Гриня молчал. Или уж вообще замолчал бы навсегда. Но он теперь под особой, проверенной охраной. Из моих ребят. Мышь не пролезет.

– Тортошин – не мышь, а чупакабра. Есть такой неуловимый зверь в Латинской Америке, да и у нас тоже теперь

завелся, с телом кенгуру и с мордой, как у лисицы или волка. Козий вампир, оборотень, кровь выпивает до последней капли. Персонаж легенд. Проникнет, куда захочет.

– Ничего, через моих стаффордов не проскочит, – усмехнулся Петр. Помолчав, он добавил: – Я Гринева изъясил из Лефортова и поселил в конспиративном домике в лесу.

– Где именно, конечно, не скажешь?

– Ладно, тебе скажу. Нам вместе даже сподручней будет его растормошить. Он на объекте № 34, в Лосином острове. Завтра же туда и отправимся.

– Хорошо. А как у тебя с Ириной?

– По-всякому.

– Понял.

Помолчав немного, Федосеев вдруг произнес:

– Я тебе вот что скажу, только ты сразу на меня с кулаками не бросайся: Господь тебя тогда уберег.

– От чего же?

– Достанься Ирина тебе – еще неизвестно, во что бы ты сейчас превратился.

– Это почему же?

– Да потому что она сама – рептилия. И не в фигуральном, а в реальном смысле. Я это давно понял, еще в университете. Глаза зеленые, змеиные, фигурка изящная, как у ящерицы. Любит на солнышке греться. Вся гибкая, будто гадюка. Ядовитая. Тебя еще не ужалила? Впрочем, не отвечай. Ее яд замедленного действия. В тебе он еще с девятилетних годов сидит.

– Тебе просто везде рептилоиды мерещатся.

– Так они и действительно повсюду. Я ведь не шучу. Завязывай с ней, а то пропадешь. Как Валька.

Муромцев задумался. А Федосеев продолжил:

– Ладно, с Ирой сам решай. Но насчет вездесущности рептилоидов приведу еще такой факт. Забавный. Но сначала скажу о том, что Люцифер не имеет способности творить, зато он умеет переделывать. Он использует все, что только ему доступно, перемешивая и манипулируя уже сотворенное. А если у кого-то возникают сомнения в возможностях Люцифера с помощью манипуляции молекул

ДНК уже созданные творения переделать в гигантских чудовищ, гибридов или рептилоидов, тот пусть посмотрит на возможности современных ученых, которые занимаются генетической перестройкой человека.

– Клонирование?

– Не только. И у нас, и в Америке уже давно созданы биороботы с искусственно выращенными мускулами и кожей. Они неотличимы от человека. А управляются сигналами со спутников.

– Так что за забавный случай?

– Об этом пишет Голованов, ближайший тайный сподвижник Сталина. Однажды он зашел к нему в кабинет, а там сидит Берия. Сталин был чем-то очень возбужден и зол. И кричит Голованову: «Взгляни на эту сволочь. Сними пенсне!» Берия снял. «Видишь? Змея!» Голованов посмотрел в глаза Берии и был поражен. Таких глаз ему никогда не приходилось видеть. На него действительно смотрел рептилоид. А Сталин говорит: «Вот потому он и носит пенсне, хотя зрение у него полторы единицы. Для маскировки».

– Смешно.

– А вот тебе уже не для смеха. Роберт Эйзенман, переводчик «рукописей Мертвого моря», в «Свидетельстве Амрама» натолкнулся на такой фрагмент. Двое мужей боролись за права над Амрамом, отцом Моисея. И оба они были подобны змеям с перьями и со змеинными глазами.

Они поговорили еще немного и перешли в соседний ресторан «Шеш-Беш», где поужинали и выпили вина...

Дома Муромцев тотчас же сел к компьютеру. Пошли файлы, касающиеся «Голубой крови». Он с интересом читал текст, подготовленный для него старым приятелем: «...Именно голубая кровь всегда служила признаком «избранности» и подтверждала право на царствование, а ведь царствовать в древности могли только боги (и их потомки). Но могла ли в действительности у богов быть голубая кровь в прямом, а не в переносном смысле?..

Наукой уже давно установлено (Тортошин тут особенно преуспел), что окружающая среда способна весьма сильно

влиять на элементный состав живых организмов. (В том числе людей и рептилий.) При длительном изолированном существовании их в тех или иных окружающих условиях возникает так называемая изменчивость – появление физиологических рас, которое может происходить даже без видимых внешних признаков.

Это сопровождается изменением химического состава организма. Появляются химические мутанты с изменением в ядрах клеток числа хромосом и т.п. А изменчивость может приобрести наследственный характер. Ясно, что в условиях дефицита какого-либо элемента эволюция пойдет по пути замены его на другой, способный обеспечить те же функции и находящийся в достатке. У людей и млекопитающих, судя по всему, эволюция переориентировала организмы на железо, которое составляет основу дыхательных пигментов большинства живых видов...

Вернемся к биохимии. Однако применим ее теперь к инопланетным «богам». Почему нет? Ведь законы химии везде одинаковы. А боги во всех мифах питались земной пищей. Есть и еще одно косвенное подтверждение применимости к богам «земной» биохимии. Мы имеем в виду версию о том, что «боги создали людей». Описание данного творения в древних шумерских и других мифах можно свести к следующей процедуре: боги взяли некую земную «заготовку», смешали ее с чем-то своим, внесли некоторые изменения (возможно, на генетическом уровне) и получили результат – человека. Да, даже по Библии, Господь создал Адама из земного праха, добавив что-то «свое».

Можно ли было это сделать, если бы биохимия земной «заготовки» была полностью несовместима с биохимией богов?.. Вряд ли. О наличии же совместимости биохимии человека (итоговой «смеси») с биохимией богов говорит и то, что в дальнейшем боги вступали в половые связи с людьми, и при этом рождались вполне здоровые дети, нефилимы и рефаимы – потомки людей и богов, сменившие позднее последних на тронах... Но имевших ту же голубую кровь.

Итак, боги оказались на планете с дефицитом (по их меркам) меди и избытком железа. К этим условиям надо как-то адаптироваться, непрерывно пополнять собственный организм медью. Ведь, скажем, срок жизни эритроцитов крови человека – всего около 120 суток, что требует постоянного пополнения организма железом, идущим в первую очередь на кроветворение. Аналогично должно быть и для богов. Только вместо железа – медь.

Но железо более химически активно, чем медь. Поэтому, попадая в кровь богов, оно неизбежно должно стремиться вытеснять медь из ее соединений. Говоря простым языком: избыток железа очень вреден для организма богов, и этого избытка им следовало избегать. Самый простой способ облегчения решения этих задач – соблюдать определенную диету, потребляя продукты с высоким содержанием меди и низким содержанием железа. И вот тут-то оказывается, что версия меди в основе крови богов способна исчерпывающе объяснить «зерновой выбор» богов. Скажем, особенно много железа содержится в бобовых растениях, овощах, ягодах, мясных продуктах. А меди много в злаках, крупах, хлебных изделиях и даже в кактусах.

Казалось бы, человеку нет смысла переходить от охоты и собирательства к земледелию, ведь необходимое железо в достатке находится буквально под ногами и руками. Но все-таки человек поворачивает под воздействием богов в сторону производства продуктов питания, бедных железом, но богатых медью, хотя меди человеку вполне хватает.

И теперь мы можем предположить, что данный поворот совершается не только под воздействием богов, но и в их личных интересах. И ведь они не обложили просто людей некоей данью для собственного пропитания. То, что можно было собрать с людей, не подходило богам, – вот и понадобился переход к «цивилизованному образу жизни», без которого сложно было бы организовать земледельческие работы в необходимых богам масштабах. Некоторые детали перехода к земледелию и оседлому образу жизни позволяют утвердиться в этих выводах.

Муромцеву не терпелось позвонить Федосееву, чтобы разъяснить некоторые детали. Что он и сделал, не взглянув на часы. Стационарный телефон Алексей уже отключил, но отозвался, наконец, на упрямые звонки по сотовому.

– Совсем спятил? – сонным голосом спросил он. – Знаешь, сколько времени? Я еще не протрезвел.

– Ну, скока?

– Солнце еще из-за гор не вышло. Жаворонки не поют.

– А мне по гипофизу. И ты не небесное светило, чтобы подниматься по календарю мая. Есть серьезный разговор. Давай, собирайся и приезжай ко мне. А отсюда уже отправимся к Гриневу на Лосиный остров. Есть одна мысль.

– Какая?

– Еще на первом допросе, перед тем как наглухо замолчать, он выдавил из себя фразу, на которую я вначале не обратил внимания. Думал: просто фигура речи. Профессор, когда он с ним общался, а встречались они, судя по всему, довольно часто, и я подозреваю, что Илья Гаврилович готовил его и Чоха к какой-то особой роли, не только сейфы бомбить, иногда производил на него странное впечатление.

– Продолжай, – настороженно произнес Федосеев, уже окончательно проснувшись: – Какое?

– Казался ему вдруг не человеком, а змием. То сидит перед ним маленький башкастый человечек в очках с толстыми стеклами, а то неожиданно видоизменяется и превращается черт-те в кого. В зеленую жабу, в очковую кобру, ну или в какую-то другую рептильную тварь. Но это длилось всего пару секунд. И что ты на это скажешь?

– Ничего. Но мне не до смеха. Ты внимательно ознакомился с моими файлами. Поздновато, правда.

– Интересные вещи я привык читать медленно и долго анализировать. Чтобы не делать поспешных выводов. А могло это быть обычным гипнозом?

– Могло, – ответил Алексей. – Но зачем ему тратить на какого-то уголовника?

– Допустим, чтобы произвести впечатление. Подавить волю. Вызвать к себе страх, ужас. И тем самым привязать к себе еще больше.

– Это видом-то болотной жабы? Да Гринев, насколько я понимаю, в тюрьме и вообще по жизни и не такое видел. Нет, тут, возможно, все это происходило на бессознательном уровне.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Муромцев, начиная догадываться.

– Тортошин, ты прав, гипнотическая личность. А такие люди, достигая магнетических высот, порой уже не в состоянии сдерживать себя.

– погоди, – остановил его Муромцев. – Так ты едешь или нет?

– Ну, еду, конечно. Чувствую, что ты все равно от меня не отвяжешься.

Усевшись за накрытый Петром стол, Федосеев продолжил:

– На уровне столь высокоорганизованного способа существования материи, как феномен человека, во Вселенной появляется и наиболее сложный вид общекосмической суггестии, то есть информационного воздействия, внушения. Гипноз, транс и так далее. Таким образом, явление суггестии, которой, несомненно, владеет Тортошин, – это лишь частное проявление информационных процессов.

– Теперь более-менее понятно, почему некоторым людям кажется, что другие люди вдруг превращаются в рептилий, в жаб или крыс. Да это повсеместно происходит, в любой толпе.

– Конечно, любая человеческая агрессия порождает индивидуальный или массовый транс. Но здесь все более сложно и глубоко. Профессор познал этот закон внушения, понимаемый в философском смысле, как закон всемирного отражения, одним из первых в мире. Понял, что «внушение» и «суггестия» являются основными законами Вселенной.

– Погоди, а как же рептилии? Это ведь главное направление в его научных изысканиях. Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаешься. Одно другому не только не мешает или противоречит, но, напротив, между ними – мостик. По которому, правда, не всякий может перейти. Ума не хватит. Но именно понимание этих законов Вселенной, Космоса и вывело Тортошина на создание проектов «Рептилии» и «Голубая кровь».

– Тогда скажи: те файлы, которые ты мне дал, кому принадлежит авторство? Профессору?

– В принципе, да. Но не только. Каждый из сотрудников лаборатории внес свою лепту. А мы с Егоршиным специально для тебя сконцентрировали в них некоторые его основные идеи и выводы.

– Значит, – размышляя вслух, произнес Петр, – Валентин был на твоей стороне?

– По крайней мере, в последнее время. Но я тебе так скажу: в этой войне нет ни союзников, ни противников. Поскольку довольно часто они попросту меняются местами.

Они перешли из кухни в кабинет, Муромцев вынул из бара «Хортицу» и две рюмки. Взглянул на часы.

– В десять отплываем к Лосиному острову, – сказал он. – С нами еще двое будут. А почему вы с Егоршиным решили обратиться именно ко мне?

– Больше не к кому было. К тому же ты государственный человек. Имперского духа, правильного. Так вот. Как всякий атом Вселенной оказывает влияние на человека через механизм «суггестии», так и любой человек влияет на атом Вселенной через механизм «внушения». Таким образом, каждый человек постоянно находится под прямым или косвенным воздействием других объектов и субъектов.

Хозяин наполнил рюмки по второму разу и задал вопрос:

– Ты хочешь сказать, что каждый человек днем и ночью как бы загипнотизирован реальностью, взаимодействует с ней в силу своего объективного существования? Но реальность ли это? В общепонимаемом нами смысле?

– Сон – тоже реальность, хотя иллюзорная, по сути. Однако целую треть отпущенного нам земного времени

мы проводим в состоянии сна, практически впустую. А некоторые кретины занимаются еще и толкованием того, что оставляет в памяти лишь неуправляемый хаос ночных миражей. Нет, сон – это брат смерти.

Они выпили по третьей, заключительной. И Федосеев подытожил:

– Внушаемость и суггестия являются одними из главных механизмов программирования состояния и поведения человека. На его основе организм получает возможность строить программу поведения с учетом не только своего индивидуального опыта, но и воспринимаемого пассивно опыта других людей и группы или толпы в целом. У человека закреплён обезьяний рефлекс подражания. Это-то нам и мешает.

– Хочешь сказать, что уж лучше бы мы произошли от рептилий? Или сами были бы змеями?

– Ничего такого я сказать не хочу. Но этот подлый рефлекс, доставшийся нам по какому-то недоразумению, осуществляется как на основе информации от органов чувств, так и на основе информации, содержащейся в словах. Поэтому внушение, в отличие от убеждения, проникает в психическую среду без активного внимания. Входит в сознание без особой переработки. Изменяет его. И закрепляется там.

– Хватит, – Муромцев посмотрел на часы: – Пора.

Внизу возле старенькой и помятой «Волги» ждали двое полицейских, Трынов и Капустин. При виде Муромцева они по привычке вытянулись. А развалюха, на удивление, радостно откликнулась на сигнальную кнопку.

– Чего нормальную машину не купишь? – спросил Федосеев. – Или все в патриота играешь?

– Этой даже самый провинциальный воришка побрезгует. Не знает ведь, что у нее движок от «шевроле» из «Дженерал моторс», а скорость развивает до ста километров за две секунды. А предельная – за триста. И корпус бронированный. – Садитесь, ребята, – обратился к полицейским Муромцев, – смените на объекте Боброва и Лепехина. По пути проинструктирую.

ГЛАВА 6. ГОЛУБАЯ КРОВЬ И КАННИБАЛЫ

В дороге, пока Петр выбирался из пробок, Алексей «перезагружал» попутчиков. А Трынов с Капустиным да и сам Муромцев с интересом слушали.

– Что такое «Голубая кровь»? – задал вопрос Федосеев, обращаясь к полицейским.

– Ну, у князей, королевичей, – ответил Трынов.

– Хорошо. Но это штамп. А между тем «голубая кровь» – вопрос интересный и с точки зрения происхождения, и с точки зрения физиологической.

– Нет дыма без огня, – отозвался Трынов.

– На пустом месте столь образное выражение появиться не могло. И не могло в этом выражении быть крови никакого другого цвета.

– А факты? – спросил Трынов.

– Не спеши. В прошлом веке большое семейство «синих людей» проживало в холмах штата Кентукки около Траблсам-Крик. Они были известны как Синие Фьюгейты. Многие из них никогда ничем серьезным не болели и, несмотря на наличие синей кожи, доживали до 80 лет. Эта черта передается от поколения к поколению. Люди с таким диагнозом – аргироз (аргирия – гиперпигментация кожи, слизистых оболочек и внутренних органов, обусловленная отложением серебра) имеют синюю, или цвета индиго, сливовую или почти фиолетовую кожу... В телах этих людей отсутствует фермент, необходимый для превращения голубого белка крови в красный гемоглобин.

Федосеев был прирожденным лектором.

– Голубая кожа – это ненормальное генетическое развитие, обусловленное продолжавшимся многие десятки лет близкородственным скрещиванием, оно сделало кожу некоторых южноамериканских индейцев голубоватой. Аналогичный оттенок могут придавать коже также некоторые болезни... Давайте разбираться. Но... – Федосеев выразительно посмотрел на Муромцева.

Тот понял его без лишних объяснений.

– Давай разбирай, – одобрил он. – Коля и Саша теперь прикреплены к нашему подразделению.

– Отлично, уже легче, – кивнул Федосеев. – По приблизительной оценке исследователей, в мире есть группа людей, примерно 7000 человек, чья кровь действительно голубого цвета. Их называют кианетиками (от латинского слова *суапеа* – «голубой»). У кианетиков кровяные тельца вместо железа содержат другой элемент – медь. Все это принадлежит к области рудиментов и атавизмов. Эта замена не сказывается на работе крови – она по-прежнему разносит кислород по внутренним органам, забирая продукты обмена, но цвет ее уже другой. Он, правда, не голубой, как можно подумать по названию, а скорее синеватый или голубовато-лиловый. И именно такой оттенок дает смесь меди и единичных фракций железа.

Муромцев, слушая старого приятеля, думал об Ирине. Они не виделись уже несколько дней. После того как он не отозвался на ее приглашение «зайти в гости», она не звонила ему, он тоже.

Капустин уже дремал, а Трынов старательно впитывал в себя слова доктора наук.

– Но если «голубая кровь» не продукт эволюции, то откуда она взялась? – спросил Трынов.

– Выдвигаются гипотезы о том, что произошла она от смешения людей с «богами», спустившимися с небес, – ответил Федосеев. – В современной интерпретации – от «пришельцев». Считается, что и самого человека пришельцы генетически переделали. Как-то внезапно на Земле появился человек современного типа, сразу в готовом виде, без предшествующих эволюционных звеньев... Изучив генетический код неандертальцев, считавшихся предками человека, мы в своей лаборатории обнаружили удивительную вещь. Оказалось, он имеет слишком мало общих черт с генетикой современного человека кроманьонского типа. Таким образом, теория эволюции показала свою несостоятельность.

– Понимаете, ребята, что он хочет сказать? – спросил Муромцев.

– Пока не очень, – ответил за обоих Трынов. Он вообще был шустрый и любопытный. Небольшого роста, но жилистый и подвижный. А Капустин производил впечатление этакого увальня, но, когда надо, «включал» и скорость с физической силой, и реакцию.

Некоторое время ехали молча. Потом Федосеев продолжил «перезагрузку»:

– «Голубая кровь неземных созданий»... В древних источниках, а также согласно археологическим находкам, изображавшим божественных существ, которым поклонялись древние люди, сохранились сведения о физиологии этих богов. Видимо, земные условия не слишком сильно отличались от условий жизни на планете, откуда они прибыли. Есть свидетельство, что божественных рас было несколько.

– А как к этому относится Православная церковь? – спросил Трынов.

– Она однозначно определяет этих «богов – пришельцев» – как ангелов тьмы.

– А величайшие европейские гуманисты?

Федосеев усмехнулся:

– Помалкивают.

Через некоторое время Федосеев вновь вернулся к теме голубой крови, поскольку ехать и молчать было скучно.

– Теперь мы можем перейти к такому понятию, как «генополитика». Выйти на иные, космологические рубежи. И сказать, что сегодня, благодаря практикуемым рептилоидами близкородственным бракам, исчадия колена Данова, то есть «падшие ангелы» и их «семя» на Земле, представляют собой, как и много тысяч лет назад, довольно немногочисленную, но очень могущественную секту, которая стремится к обладанию миром...

Помолчав, он добавил:

– Американский исследователь Дэвид Айк выдвинул версию, что все они имеют «голубую кровь». Наши исследования, начатые в свое время профессором Тортошиным, подтверждают это. Мы обнаружили наличие в человеческой

крови чужеродных элементов. К этому же выводу пришли и зарубежные ученые-генетики. А это раз и навсегда опровергает дарвиновскую теорию происхождения человечества от одного общего предка.

– И действительно, если у славян и негров один предок, то почему же мы все такие разные? – произнес Трынов.

– Притом, что кровь у всех людей внешне одинаковая, – подхватил Федосеев. – Те же четыре группы крови, те же резусы. Официальная наука объясняла эту разницу условиями обитания, климата и другими факторами. Например, негры имеют черный цвет кожи потому, что они живут в Африке, в тропиках. Однако сколько бы тысяч лет белые ни жили в Африке и Азии, они почему-то не стали ни черными, как негры, ни узкоглазыми, как монголоиды... За каждым мифом скрывается некая реальность. Китайские древние тексты говорят, что все китайцы произошли от небесного змея. Латины ведут свое происхождение от божественной собаки. А кто-то, и отнюдь не дарвинисты, питают особое пристрастие к обезьянам. И есть, это я уже заявляю совершенно ответственно, рептилоиды. Предки которых, говоря проще – змеи, драконы, рептилии. С голубой кровью.

– Вот с этого момента поподробнее, – попросил Трынов. Капустин подремывал, но ухо держал востро.

– Мы не одиноки во Вселенной, – уточнил Федосеев. – Существует масса научных свидетельств о генетической связи чужеродцев с пришельцами внеземных цивилизаций рептилоидов, которых древние люди приняли за богов. Просто на этой земле чужеродцы облеклись в подобную нам материальную оболочку. Доказательства? Извольте. На древних фресках изображено, как пришельцы проводят генетические скрещивания ДНК обезьян и собак с ДНК рептилоидов, чтобы вывести человекоподобных существ и через них ассимилировать людей. В неудачных скрещиваниях получались снежные человеки, наги, русалки, кинокефалы. Даже в Православной церкви сохранились иконы Христофора-псеглавца. Или рогатые люди.

– А кстати, – заметил Муромцев, – вот и наш Бортников уверял меня, что и Статуя Свободы в Нью-Йорке имеет прототипом не женщину с факелом, а некое гибридное существо. Почему? Да потому что на голове у нее не корона, как нам видится издали, а целая россыпь рожек. Так что это некая рептилоидная Лилит, ставшая символом Америки.

– А что, очень может быть, – подумав, согласился Федосеев.

– Тебя в «расовый отдел» еще не вызывали? – спросил Муромцев.

– Да это ведь правда! Будучи хищниками, рептилоиды создали религии с кровавыми жертвоприношениями. Американский ученый, доктор Хорн, и другие исследователи установили, что эти змеиные «народы» вышли с гор Кавказа и Востока. Постепенно распространяясь на Север, змеелюди несли религии смешанных браков, превращая белые народы в таких же змеелюдей. Но сколько их «ни корми», они не превратятся в людей. Рано или поздно эти примеси проявляются в зверской жестокости или деградации. За примерами долго ходить не надо, они на слуху.

– Подъезжаем, – коротко сказал Муромцев.

ГЛАВА 7. ВЫПАД МОРИАРТИ

Съехав с Кольцевой дороги на проселочную, «Волга-шевроле» Муромцева через несколько десятков метров остановилась.

– Дальше пойдем пешком, – сказал водитель, выбираясь из машины. – Тут даже внедорожник не проедет. Трынов, останься, на всякий случай, здесь. Угнать не угонят, а шины продырявят запросто. Это у местной шпаны любимый вид спорта.

Петляя по лесным тропинкам, продираясь сквозь заросли, они вскоре вышли на желтый одноэтажный домик, окруженный неказистым забором. С виду – обычное полузаброшенное строение, жилище лесника или егеря. Если бы не скрытые видеокamеры и сигнальная система оповещения от незваных гостей.

Муромцев помахал рукой, подходя к калитке. Она оказалась не заперта.

– Странно, – произнес он, толкнув дверку. – Теперь внимательней. Не могут же они спать. Что-то случилось.

– А что может... – начал Федосеев, но Муромцев приложил палец к губам.

Автоматически вытащив из подплечной кобуры пистолет «глок», он первым вошел во дворик. За ним двинулись остальные. Дверь в дом также была открыта. А внутри их глазам предстала следующая картина. Приятное убранство помещения, удобная мягкая мебель, эстампы и охотничьи трофеи на стенах, два больших зеркала в человеческий рост, виноград и бутылка Шардоне на столике, чугунный «демидовский» камин, в котором угольки давно уже остыли...

Если бы не люди, сидящие в трех креслах. Казалось, они уже обо всем переговорили, насладились изысканным вином, погрелись у огонька и теперь решили просто вздремнуть. Но вот только почему-то глаза у них были открыты. А лица искажены неподдельным ужасом.

– Ничего руками не трогать, – предупредил Муромцев. – Я звоню Сургутову. А ты, Капустин, ступай за Трыновым и вызови сюда всю мою группу вместе с майором Кареевым. Алеша, останься здесь, ты мне нужен.

– Ловко же их уделали. Заодно с Гриней, – пробормотал Федосеев.

Муромцев на это ничего не ответил. Полегли одни из лучших его ребят, и от «ускользнувшего» на сей раз навсегда единственного и главного пока свидетеля. По всей видимости, он недооценил Профессора или тех, кто за ним стоит.

– Кто знал, что Гринева прячут на этом объекте? – спросил Федосеев.

– Никто! – резко отозвался Муромцев. – Кроме руководства. Генерал, полковники... Мои подчиненные. Ты знал. Даже почему-то очень хотел это выяснить. Вчера.

– Ну-ну. Не бесись. И не сходи с ума. Выходит, круг осведомленных лиц ограничен?

– И что с того?

– А то. Раз произошла утечка информации, то не обязательно от своих. Давай рассуждать логически. Ты же аналитик.

– Ну, давай, попробуем. Хотя мне сейчас ничего личного в голову не лезет. Один мат.

– Тоже неплохо. С обсценной лексикой в атаку шли, Измаил и Берлин брали. А нам надо Мориарти штурмовать.

– Считаешь, это его ход ферзем?

– Да ты же и сам так думаешь.

– Ну, допустим. Соглашусь. Никому другому это было не нужно.

– А теперь подумаем, – продолжал Федосеев. – Если это были не свои, хотя и такую основную версию ни в коем случае исключать нельзя, то... Гринев.

– Это каким же образом? Что, мобильник в заднице пронес? Так ему и туда заглядывали. Нет, никаких технических средств связи у него не было и быть не могло. Стационарного телефона тут нет. Сотовые были только у моих ребят. Или думаешь, они согласились на «последний звонок» обвиняемого?

– Нет, так не думаю, но хорошо, связи у Гринева с Тортошиным не было. А у самого Мориарти с ним?

– Опять ерунда выходит. Телепатическая связь, что ли?

– А хоть бы.

– Да ты уже совсем из Профессора какую-то сверхумную рептилию делаешь.

– Суггестия дает широкие возможности объекту над внушаемым субъектом, – пояснил Федосеев. – Причем такие, которые позволяют контролировать или направлять все его действия.

– Тогда он просто «приказал» бы ему повеситься. Как, возможно, проделал это с Чоховым, – Муромцеву впервые пришла в голову такая мысль.

– Может быть, что-то пошло не так, – начал рассуждать Алексей. – Или Гринев по своему характеру – не Чохов, менее управляем, более сильная личность. Как бы то ни было, но в этом случае Тортошин использовал другой вариант.

– Надо было слишком уж постараться. Чтобы застать врасплох моих суперпрофессионалов, грушников, за плечами у которых были сложнейшие операции и не один год службы в охране высших лиц государства.

Они помолчали, глядя на мертвых спецназовцев. Потом Федосеев предложил еще одну версию:

– А предположим, что они всё внимание уделяли внешней угрозе проникновения. А вот опасности изнутри не заметили.

– Ты имеешь в виду, что это сам Гринев каким-то чудотворным образом сумел «выключить» Лепехина и Боброва? А потом, на радостях, самоликвидировался, что ли? Глупость. Гриня был простой вор, против моих ребят он – пешка. Удавиться от страха – да, на это он был способен. Но он находился под постоянным наблюдением, я нарочно приказал не спускать с него глаз, ни на минуту. А тут характер смерти такой, что они просто мирно сидели и беседовали, но вдруг... что-то случилось.

– Ничего, разберешься, – пообещал Алексей. – Ты можешь. А медэкспертиза покажет, от чего они умерли. Внезапный разрыв сердца? У всех троих? Вряд ли. Хотя... чем черт не шутит.

– На отравление тоже непохоже, – с сомнением произнес Петр. – Типичные признаки: пена на губах, лежали бы на полу в корчах. Да и позвонить наверняка успели бы. Но я не патологоанатом.

– И слава богу. Каждому – свое. Кто лечит, кто калечит, а кто икру мечет. А Профессор, похоже, занимается и тем, и другим, и третьим.

– Теперь он мой личный враг, – сказал Муромцев, – достану его, где бы он ни прятался. Дело чести.

Они вдвоем осмотрели соседние комнаты, обе спальни, ванную, туалет, подсобные помещения, чердак, подвал. Но ничего подозрительного или каких-либо следов проникновения в дом не обнаружили. И главный вопрос: что всех троих, причем практически одновременно, могло столь испугать? Загадка.

Первой в полном составе на объект № 34 приехала группа подполковника Муромцева. Спецподразделение в количестве девяти человек, включая опытного следопыта майора Кареева. Без лишних разъяснений занялись скрупулезным поиском следов, снятием со всех предметов отпечатков пальцев, фотосъемкой, спектральным анализом внутренних помещений и так далее.

А Муромцев с Федосеевым и Кареевым просмотрели видеосъемку наружного наблюдения. Отмотали на два дня назад. Накануне утром приезжал сам Петр Данилович, допрашивать Гринева. Потом днем – Кареев, продолжать общение с подследственным. Затем, вечером, в кадре над забором появилась морда сохатого. Молодой лось с любопытством заглядывал в камеру. Ждал чего-то. Бобров, еще живой, вынес ему горбушку черного хлеба.

Больше на видеопленке ничего существенного не было. Один и тот же вид, что с фасада, что вокруг дома: сосны, сосны, сосны. Даже ночью, в инфракрасном излучении – никаких людей. Правда, мелькнуло какое-то белое пятно, похожее на облачко, но это, возможно, изъян пленки. Или разрыв?

Через некоторое время к объекту подтянулись и другие специалисты, медики и технари из Управления. А затем прибыл и генерал Сургутов со своими полковниками-заместителями – Роговым, Тарутой и Смышляевым. Да еще какая-то парочка генералов со своими подручными из смежного ведомства. Не поленился приехать даже Бортников.

Уже скоро весь дом, дворик и все ближайшие окрестности были буквально наводнены людьми в штатском, в форме и в белых халатах.

Больше всех от генеральского разноса досталось Муромцеву. Хотя и других он задел, которые были совсем уж не при делах – Капустина с Трыновым и Федосеева.

– Сидел бы Гринев в Лефортово, такой мертвечины бы не произошло, – выразился в заключение Сургутов. – Зря я у тебя на поводу пошел.

– Ага. А Чохов? – отозвался на это Муромцев. – Дело не в контролируемом месте, а в абсолютно неподконтрольном нам Профессоре.

– Уверен? – несколько смягчился Василий Семенович.

– На все сто. Разрешите, я свои соображения по этому поводу изложу в письменном виде и представлю вам через три часа?

– Идет. Отправляйся в свой рабочий кабинет и пиши. И группу свою забирай, чтобы под ногами не мешались. Найдутся люди потолковее.

– Значит ли это, что вы меня отстраняете от ведения дела? – напрямую спросил Муромцев.

– Пока нет. Но даю тебе последний шанс. Если через два дня расследование не сдвинется с места – считай себя вышедшим из моего доверия. И ищи себе другую работу.

– Спасибо. Успею в ведомственную баню сходить, помыться. Может, еще и на циркульную время останется. Перед тем, как с сумой и аккордеоном по электричкам по-чальюсь.

– Не ерничай, Петр Данилович, – вступил в разговор полковник Рогов. – Дело-то серьезное.

– И не дерзи старшему по званию, – вставил один из заезжих генералов.

– У меня бы такие смехачи быстренько из отдела вылетели, – добавил другой.

– А он у нас вообще притча во языцах, – пояснил полковник Тарута. – Что его левая нога хочет, то и творит.

– Дурной пример для подражания, – включился в аутодафе и полковник Смышляев. – А я вас, Василий Семенович, неоднократно предупреждал, что с Муромцевым мы впросак попадем. Расследование лучше было бы поручить моим сотрудникам.

– Ну, все, хватит, – резко остановил это судилище Сургутов, неожиданно вступившись за своего подчиненного. – Много вы все понимаете. Одной дисциплины в нашей работе мало. Порой она только вредит. Так что иди, Петя, никого не слушай, не обращай ни на что внимания, даже на мои слова, и продолжай спокойно работать. Я в тебя верю.

– Вот за это действительно спасибо, – произнес Муромцев. – Тогда еще одно предложение. Необходимо при-

ставить к Федосееву негласную охрану. Да и ко всем ведущим сотрудникам его лаборатории тоже. Тортошин убирает всех свидетелей. И даже тех, кто с ним когда-то работал. Это очевидно. Егоршин, Чохов, Гринев. Нет смысла ждать, когда Профессор отправит еще кого-нибудь в царство мертвых.

– Согласен, – сказал Сургутов. – Еще что?

– Больше ничего. Пока. Остальные предложения и выводы доложу через три часа.

– Нет, не все. В таком случае, охрана понадобится и Муромцеву тоже. Так, на всякий случай, – предложил консультант Бортников.

– Это лишнее. Не думаю, что он сильно заинтересован в моей ликвидации. Полагаю, вообще обо мне пока ничего не знает. А если что-то и проведал, то так даже лучше. Я могу сработать живцом.

– Сразу видно, что ты не рыбак, – усмехнулся Тарута. – Ты в своей схеме все напутал. Рыба идет на живца, который сам на крючке сидит, а над ним поплавок, а за ним человек на берегу наблюдает и ждет с подсачником. Ну и где здесь ты и где Тортошин? Такой налим тебя вместе с леской откусит.

– И вполне вероятно, что он сам окажется этим рыбаком на бережку, а не рыбой, – добавил Рогов. – А Муромцев – в лучшем случае – поплавок.

– Да будет вам! – вмешался Смышляев. – Я вот тоже не рыбак и в этой вашей ловле-белиберде не разбираюсь, но мне идея Петра Даниловича нравится. А что? Мы его, конечно же, подстрахуем, а ему главное – огонь на себя вызвать. Но вот только как это сделать?

– Через Ирину Буданову, – неожиданно предложил Федосеев.

– Это что-то новенькое, – сказал Сургутов. – Ну, дальше.

– Илья Гаврилович был частым гостем в их семье, опекал их, – продолжил Алексей. – Это мне сам Валентин говорил. Причем Профессор бывал там даже после ухода из института и своего пребывания в безвестности. Ирина ему нравилась, он ей тоже, несмотря на разницу в возрасте. И

это опять же со слов Егоршина. Был у нас однажды с ним такой доверительный разговор. Жаловался мне.

– Вот даже как! – усмехнулся генерал. – Это меняет дело. Где любовь, пусть даже взаимные симпатии – там проколы. Это нам на руку.

– Она занималась разработками биологического оружия в референс-лаборатории в казахстанском поселке Отар. По сути, это американская программа. А ведь это тоже находится в сфере интересов Тортошина и наших исследований по проектам «Рептилии» и «Голубая кровь» в Институте биологии и генетики. И наверняка у нее с Профессором было по этой теме общение. Минуя Егоршина.

– У Будановой дед генерал КГБ, заслуженный работник органов, такими делами ворочал, – напомнил Смышляев. – Кажется, до сих пор жив, лет под восемьдесят.

– Нет, Глеб Викторович вроде бы давно помер, – возразил Тарута. И вопросительно взглянул на Бортникова.

– Жив, жив, – усмехнулся тот. – Еще всех нас с вами переживет. Того и гляди, выскочит как лягушка.

– И что с того? – спросил Сургутов. – Я не насчет сердца, а про Буданову.

– Не могла она работать против России, воспитание не то, – уверенно пояснил Рогов.

– Все всё могут, – ответил Василий Семенович. – И внуки с внучками, и даже генералы КГБ со своими бабушками. Вспомни Калугина. Продолжай, Алеша.

– И последний аргумент, хотя скорее предположение, интуитивное: Буданова ко всему этому делу каким-то образом причастна. Может быть, косвенно, опосредованно. Не слишком-то она горюет после самоубийства или загадочного исчезновения мужа. Не исключено, что знает, где сейчас находится Профессор.

Внимательно выслушав Федосеева, оглядев всех и остановив зоркое око на Муромцеве, генерал произнес:

– Полагаю, все ясно. Буданова – ключик к Тортошину. Кто у нас занимается вдовой?

– Будто не знаете, – криво усмехнулся Муромцев. Ему предложение Алексея совсем не понравилось. Спасибо,

удружил. Душа роптала, а сердце и вовсе ныло. Опять из него какого-то двойного шпиона делают. А любовь? Ну не хочет он еще и Ирину в эту заваруху втягивать. Даже если она причастна.

– Знаю, дуэлянт, помню, – ответил Сургутов, отечески похлопав его по плечу. – Все опять на тебе сходится. Теперь-то уж хоть не оплошай. В женщинах – твоя сила.

На эти слова Муромцев возражать не стал. Нечего было. Поскольку в них, в женщинах, сила любого нормального мужчины.

В Управление он отправился вместе со своим подразделением, на бронированном микроавтобусе. Тому было две причины. Первая: хотелось в этот горький час быть вместе со своими соратниками и друзьями. А вторая: видеть не мог Федосеева, которого посадил за руль в свою «Волгу».

Машина двигалась какими-то рывками, то за пару минут скрываясь вдаль, то затормаживая и вихляя из стороны в сторону. Очевидно, водитель никак не мог приноровиться к двигателю и системе управления от «Дженерал моторс».

– Разобьется же вдребезги, – произнес Кареев.

– Черт бы с ним. Машину жалко, – ответил Муромцев.

А в микроавтобусе и без того царило подавленное настроение. Погибших ребят, Боброва и Лепехина, все хорошо знали, многие дружили семьями. Теперь просто мрачно молчали. Лишь на въезде в Москву единодушно решили сегодня же вечером после работы вновь собраться и помянуть соратников.

В Управлении Муромцев заперся в своем кабинете, положил перед собой лист бумаги и вывел: «Начальнику спецотдела «Ф» генерал-лейтенанту В.С. Сургутову от подполковника П.Д. Муромцева. Докладная записка». Потом задумался.

Чем объяснить провал на объекте № 34? Тем, что профессор Тортошин, превратившись вдруг в рептилию, до смерти напугал обоих охранников и Гринева? Это было бы слишком даже для их отдела.

Но о суггестии и внушаемости написать стоило. А также о том, что говорил сегодня утром Федосеев. Да и вообще, чем занимался в своей лаборатории Илья Гаврилович. Вспомнив о флешках, Муромцев включил компьютер. А затем не мудрствуя лукаво переложил на бумагу отдельные выводы, предположения, результаты исследований и домыслы Федосеева.

Через час получилось то, что... получилось. Нечто наукообразное, но вполне удобоваримое. А главное, «это» можно было трактовать и так и сяк. А что еще надо, чтобы ему не мешали работать по собственному плану? В заключение Муромцев выдал:

«Учитывая фактор суггестии, а также то, что гибридам-рептилоидам в некоторых частотных полях сложно удерживать человеческую форму, они переходят в четвертое измерение. Поэтому им важно создать такую линию голубой крови и тела, чтобы не отличаться от человека и передвигаться, не привлекая внимания, как делали это люди-игуаны в Древней Мексике. Вполне возможно, что и молодой лось с видеопленки наружного наблюдения на объекте № 34 мог быть видоизмененным профессором Тортошиным или кем-то из его подручных».

Последнюю фразу Муромцев приписал из чистого озорства, но ничего с собой поделать не мог. Натура такая. Он удовлетворенно вздохнул. Пусть теперь генерал либо с треском увольняет его, либо глотает горстями анальгин от головной боли.

Ровно в 16.00, на четверть часа раньше обещанного срока, Муромцев сидел в кабинете Сургутова и наблюдал за тем, как тот то и дело морщится и хватается за лоб, читая его «Докладную записку». Наконец, генерал в сердцах разорвал бумагу и швырнул обрывки на стол.

– И ты хочешь, чтобы я всю эту галиматью изложил Директору? Через час у него Совещание, приглашены все начальники управлений и отделов со своими заместителями. Речь, в частности, коснется и происшествия на Лосином острове. И что я ему доложу? Он первый меня на смех и поднимет. Потому что завтра у него Совбез. И ему отчиты-

ваться уже у президента. А выглядеть перед ним полным идиотом, как мне перед директором, а тебе передо мной, в отличие от нас, ему ой как не хочется.

– Ничего, президент у нас умный, поймет. Он масштабно мыслит. Да и директор тоже. Они же оба стратегические разведчики и аналитики, а тут – дело будущего, с обычными мерками к нему не подойти, – ответил Муромцев. И добавил: – А вы тогда вообще ничего не говорите. Или скажите, что всё – в работе. Результаты последуют в ближайшее время.

– Ты же знаешь, как наше руководство любит конкретные сроки, – тяжело вздохнул Сургутов.

– Срок – до очередного полнолуния, – вновь посоветовал Муромцев. – Это даже в масть будет, поскольку вся история сильно отдает чертовщиной.

– Иди ты знаешь куда! – побагровел генерал.

– Знаю. Но не пойду. Мне ведь надо еще Буданову разрабатывать, а ваше предложение с этим поручением как-то не сочетается, – невинно отозвался подполковник.

Сургутов, когда слышал что-нибудь смешное, быстро менял гнев на милость. Муромцев давно знал за ним эту особенность и пользовался ею.

– Ладно, с тобой не поспоришь, – сказал генерал. – Придумаю, как выкрутиться. А пока иди.

Петр Данилович двинулся к двери, но услышал:

– погоди-ка. Когда собираетесь помянуть Боброва и Лепехина? И где?

– Сегодня, в восемь часов в кафе «Элефант».

– Если сумею выбраться – приду.

...Кафе «Элефант» называлось так по аналогии с «Семнадцатью мгновениями весны». Находилось оно около Лубянки, в одном из дворикув. Было маленьким и неприметным, но зато очень уютным, а держал его один из бывших сотрудников ФСБ, да и работали там, от официанток до шеф-повара, все свои. Чужим вежливо отказывали: «Мест нет, сегодня спецобслуживание». Можно было спокойно выпить, поговорить и отвести душу.

Сейчас «Элефант» был оккупирован в основном подразделением Муромцева. Тринадцать человек, чертова дюжина. Майор Кареев, капитан третьего ранга Холмогоров, четыре старших лейтенанта – Кузнецов, Лобидзе, Родионов, Губайдулин, пять просто лейтенантов – Маркарян, Отрошенко, Штокман, Трынов, Капустин и один штатский – Федосеев.

Поминали Боброва и Лепехина из граненых стаканов, порусски, хотя группа Муромцева состояла из людей разных национальностей. Да это и не важно, главное, что их действительно накрепко объединяло – любовь к России и служба.

У Муромцева как раз сегодня наступил тот редкий случай, когда ему очень хотелось напиться. Он пьянел наравне с другими. Сам же все больше молчал, наливаясь водкой, а когда к нему обращались с каким-либо вопросом, порой просто не слышал и не отвечал, погружался все больше и больше в себя. Ему было хорошо и плохо одновременно.

Муромцев, улучив момент, увел Алексея к угловому столу. И там спросил:

– Ты это всерьез говорил насчет Тортошина и Ирины?

– А я никогда не шучу, когда дело касается... дела.

Он тоже был пьян.

– У них был бешеный интерес друг к другу, это я сразу заметил, – добавил Федосеев.

Глаза Муромцева стали наливаться кровью.

– А в морду? – предложил он.

– Ты только на это и способен. А от правды хочешь голову в песок спрятать?

Почувяв неладное, вмешался Кареев. Что-то сказал, налил, выпили. Забыли. И майор увел их обратно к сдвинутым в центр «Элефанта» столикам. В конце вечера появился Сургутов со своими полковниками. Но Муромцев это уже смутно помнил. Кажется, он даже не дослушал поминальную речь генерала. Незаметно выбрался из «Элефанта».

А вот как он оказался возле подъезда Ирины – тоже представлялось загадкой. Но стоял там, покачиваясь и нажимая на кнопку домофона, с бутылкой текилы и букетом темно-бордовых роз.

- Кто? – услышал, наконец, Муромцев ее голос.
  - Негр в авто. Такси вызывали?
  - Нет.
  - Странно. У меня записано.
  - Ошибка.
  - Быть не может. Вы ведь Ирина Буданова?
  - Петя, отвали. Я тебя уже давно из окна заметила. Как ты на несчастных прохожих и на фонарные столбы натывался.
  - Значит, ждала?
  - Иди ты... дальше.
  - Меня уже сегодня туда посылали. Да я не пошел, тебя выбрал.
  - А почему?
  - Не знаю. Люблю, наверное.
- Наступило минутное молчание. Потом Ирина произнесла в домофон всего одно короткое слово:
- Входи.
- И металлическая дверь, щелкнув, открылась.

Утром по давней привычке он проснулся очень рано. А еще оттого, что находился словно в нежном и сладком плену: ее голова покоилась у него на груди, рука сжимала плечо, круглое колено упиралось в живот. Но это был тот плен, о котором он мечтал с юности. Скомканное одеяло лежало на полу, вместе со сброшенной в одну кучу ее и его одеждой и бельем. В спальне горели торшер, настольная лампа, бра на стенках. Судя по всему, у них не было возможности ни выключить свет, ни раздеться как следует.

Петр осторожно, чтобы не разбудить Ирину, выбрался из цепких объятий, накинуд на себя что-то, укрыл ее одеялом. Прошел через гостиную на кухню. Начал заваривать кофе. Из холодильника вытащил бутылку боржоми, налил и выпил. Мозг включился в работу, а мысли в голове уже стали отплывать от любовного берега и дрейфовать в сторону служебных дел.

«Итак, – подумал он, – что мне сегодня предстоит сделать в первую очередь?». В этом беспокойном предштормовом море, по которому он сейчас плыл, впереди вид-

нелся темный скалистый утес, напоминающий очертаниями указующий Чертов палец в Крыму – Профессор Мориарти. Это главное. Но встреча с ним, предположил Муромцев, предстоит еще не скоро. И произойдет она, скорее всего, внезапно. Однако готовиться надо заранее, причем к самому неожиданному. И худшему.

Сегодня должна быть готова медэкспертиза. Может быть, она даст какую-то ниточку – отчего умерли люди в Лосином острове? И снова обязательно съездить туда. Бывает, что повторный осмотр места преступления приносит больше пользы, чем первичный. И даже третий раз не повредит, и четвертый, и пятый.

Далее. Фигуры более мелкие, но необходимые для проявления негатива в этой черно-белой пленке. Сопутствующий «товар». Во-первых, надо еще раз встретиться с Фуфановым и как следует прижать его. Откуда Гринев и Чохов узнали код сейфа, и каким образом у них оказался слепок с ключей? Во-вторых, этот мутный надзиратель из Лефортова, Чекасин. Он уже лишнюю неделю на свободе ходит. Хватит. Все равно наружка ничего не дала. Нужно немедленно брать его.

И всеми силами продолжать искать Егоршина. Даже его тень. Даже тень тени.

Петр услышал, как Ирина прошла в ванную и включила воду. Подумав, он решил, что душ надо принимать вдвоем. И отправился следом.

...За завтраком, сидя в одном из тесных для него халатиков Иры и хрустя поджаренным хлебом, Муромцев задал пустой вопрос:

– Ты была счастлива с Валентином?

Она, разумеется, не ответила. Но зато сама спросила:

– А где ты был все это время?

Сказать на это ему тоже было нечего. Ирина продолжила:

– Когда ты в девяностом исчез, я не знала, что и думать, что, вообще, делать. Я была семнадцатилетней и, признаюсь, души в тебе не чаяла. А ты... поступил, как настоящая свинья. Как хряк бельгийской породы.

– Не будем устраивать семейных сцен, – пробормотал он. И виновато добавил: – На то были серьезные причины.

– Да слышала я про вашу дуэль! – возмутилась она. – Ничего умнее придумать не могли!.. Два придурка. Нет чтобы спросить у меня.

– И кого бы ты выбрала?

– А ты не догадываешься?

– Нет, – сказал он и солгал.

– Тебя, Петя, конечно.

– Но зачем же ты тогда за него вышла замуж?

– А так просто. И он был очень настойчив. В отличие от тебя. Ты – в кусты, а он – на штурм крепости.

– «В кусты», – повторил Петр. – Обидно слышать. Я ему слово дал. И он мне тоже, перед поединком. Проигравший – уходит. А это уже дело чести. И дрались мы, между прочим, на боевых колющих шпагах, без защитных колпачков. И еще неизвестно, чем бы все это могло закончиться. Валентин, кстати, мне плечо проткнул. Хочешь, покажу шрам?

– Да я уже видела, ты ночью хвастался.

– Да? – удивился он. – Не помню. Получается, ты жила с Валентином как бы по принуждению? Как же так, все считали вас идеальной парой? Тот же Федосеев уверял, что вы были, как голубок с горлицей.

– Нет. Мы только делали вид счастливой семьи. Для других. Для наших родителей, друзей. Так положено. Но на самом деле... И я, и Валентин давно поняли, что наш брак – ошибка. Но знаешь, как трудно в этом признаться, особенно себе?

Помолчав, она добавила:

– А твой Федосеев – биологический черт и злыдень. Он сам ко мне подбивал клинья, пока не получил в ухо. Но продолжает делать это регулярно, весной и осенью. Когда шизофрения обостряется. И чем это я ему так приглянулась? Других, что ли, психических нет, по его рангу?

– Ну, это ты уж чересчур. Но почему вы с Валентином в таком случае, не разбежались?

– Из-за инерции жизни. Это один из ее самых глупых законов.

Тут она была абсолютно права, подумал Муромцев. Мы ведь вообще живем чаще всего именно по инерции. Как заведенные часы, стрелки которых сейчас показывали половину девятого. Пора собираться на работу. Ирине тоже надо было куда-то спешить. Переодеваясь, она спросила:

– Ты придешь вечером?

– Обязательно. Куда же я теперь от тебя денусь?

Петр уже был полностью готов и ждал, когда Ира закончит свои манипуляции с косметикой. Подумал, что самая пора задавать наводящие вопросы, чтобы заставить врасплох.

– Так что ты все-таки думаешь по поводу исчезновения Валентина?

– Что думаю? – спокойно переспросила она, старательно подводя глаза и губы. – А ничего.

– Вот как? Он тебе что же, совершенно безразличен?

– Не в том смысле, а в другом.

– Объясни. Человек вроде бы покончил с собой. Муж все же.

– Понимаешь, – начала она, – тут вот что. Накануне Валентин признался мне – у нас был очень серьезный и откровенный разговор о том, что дальше так жить невозможно. Это касалось и его работы. Что там такое, я не знаю, старалась не вникать. Но вывод им был сделан однозначный, решил исчезнуть.

– Каким образом? Покончить самоубийством?

Занявшись теперь маникюром, она отозвалась не сразу.

– Не обязательно. Можно просто уйти.

– Ну и как ты себе это представляешь? Пошел по Руси каликой переходим? Убогим странником с сумой переметной?

Она засмеялась. Потом, вытянув ладонь с ноготками, придирчиво осмотрела и добавила вполне серьезным тоном:

– А хоть бы и так. В последнее время он стал очень религиозным. У него и духовник был.

– Кто?

– Не знаю. Но из церкви Николая Угодника в Хамовниках. Туда он ездил. А еще часто говорил о монастырях.

– О каких конкретно, припомни, пожалуйста.

– Сыщик в тебе, Петя, сейчас побеждает любовника, – ответила она. – А жаль. Нет, не припомню. Какая-то лавра. Ищи сам теперь.

Петр вспомнил записку Валентина: «Тело мое не ищи-те... Я его сжег...» Это действительно могло иметь индизнавательный смысл. Огонь, в данном случае, очищающий. Плоть умерла для мира, осталась душа, дух. А сам человек отправился замаливать свои грехи в монастырь. Или лавру. Вот почему Ирина столь спокойна: он жив.

Оставалось еще выяснить про Профессора, но Муромцев решил отложить это. А то можно все испортить.

Напоследок, перед тем как попрощаться, на улице, Муромцев спросил:

– Да, кстати, а как твой легендарный дедушка, все хотел узнать. Не умер? А то разные слухи ходят.

– Глеб Викторович здоров и прекрасно себя чувствует. Поживает себе на даче и копает грядки. Дедуля вечен, как вечны все службы безопасности во всех странах испокон веков. Да ты и сам это прекрасно знаешь.

– Это точно. Передавай ему при случае пламенный привет.

И они расстались.

С утра Муромцев успел побывать у судмедэкспертов, однако результаты вскрытия еще не были готовы. Вернее, патологоанатомы сами ничего толком понять не могли. Аутопсия Гринева показала наличие онкологических заболеваний на первоначальной стадии развития в левом полушарии мозга и в печени, а морфологическая диагностика трупов Боброва и Лепехина ничего существенного не выявила. Патологических деструктивных процессов и патоморфоза заболеваний не наблюдалось.

– Похоже на слабовыраженный токсический отек мозга, но никаких расстройств функций сердца, – заключил в итоге доктор Либерзон. – Не было и расслаивающейся аневризмы аорты, так что инфаркт миокарда исключен. Да и на стенокардию они раньше никогда не жаловались. У тебя в

группе вообще работают не люди, а часовые механизмы. Идут без сбоя. Как роботы.

– Роботы – это из другого кино, американского. Но тут-то сбой произошел. Отчего? – спросил Петр Данилович.

Либерзон лишь развел руками.

– Работаем... Возможно, дело не во внутренних органах, а вот тут. – И он постучал себе по лбу.

Второй врач-прозектор добавил:

– Марк Соломонович имеет в виду, что это уже из области психологии, а это не наша сфера деятельности. Хотя и смежная, в каком-то смысле. Но мы сейчас пробуем применить молекулярно-биологический и дескриптивный методы, применяя окраску тканевых срезов...

– Это Петру Даниловичу неинтересно, – перебил помощника Либерзон. – Ему вынь да положь, отчего они внезапно скончались.

– А вы-то сами что думаете? – не унимался Муромцев.

– Вот я еще поколдую над биоматериалом, а к вечеру, даст бог, скажу.

«Странные они, эти патологоанатомы, – подумал Петр. – Вроде люди как люди, а производят такое впечатление, что смотрят на нас откуда-то свысока, из иного мира».

– А кровь? – задал он еще один, последний вопрос:

– С кровью тоже что-то загадочное, – махнул рукой главный прозектор. – Понимаешь, у всех троих она приобрела голубой оттенок.

– Как так?

– А вот так. Сядь да покаж.

– Это бывает в том случае, – снова вмешался помощник, – когда в работе над биоматериалом мы применяем гематоксилин – природный щелочной краситель, экстракт коры тропического кампешевого дерева. Тогда – да, ядро клетки крови окрашивается в синий цвет. Или берем эозин, синтетическую розовую краску, тогда может получиться и черный цвет, и желтый или остаться природным красным. Но вся заковыка в том, что ни гематоксилин, ни эозин мы не успели ввести, кровь и коллагеновые волокна всех троих изначально имели голубоватый оттенок.

Муромцев почесал затылок.

– Как это возможно? – растерянно спросил он.

– Иди уж, не мешай нам, – начал выталкивать его из помещения Либерзон. – Я бы вообще предпочел разговаривать только с мертвыми. Они хоть глупых вопросов не задают.

...К одиннадцати часам в кабинете Муромцева собрались все его подчиненные. Стульев на всех не хватало, поэтому кое-кто уселся на подоконник, а кто-то остался стоять, подпирая стенку. Не было только Федосеева, но тот и не мог бросить свою лабораторию. А кроме того там случилось очередное ЧП. Что именно – Алексей в коротком телефонном разговоре объяснить не успел.

– Все готовы? – сухо спросил подполковник. – Тогда распределим обязанности. И учтите, Сургутов дал нам всего два дня.

– У вас сегодня плохое настроение? – произнес капитан третьего ранга Холмогоров, моряк из Севастополя, год назад влившийся в подразделение Муромцева.

– Настроение у меня хорошее, боевое. А ты, Костя, сможешь еще и спасателем на пляж устроиться, – пообещал Петр Данилович. – Но остальным выше дворника ничего не светит. Да и то если гастарбайтеры пустят. Поскольку мало что умеете.

– За что вы нас так? – поинтересовался старший лейтенант Родионов.

– За то, Анатолий, что дело с места не двигается. А жертв все больше. Где Профессор, где Егоршин?

– Ищем, – ответил еще один старлей – Сергей Кузнецов, служивший раньше в ФАПСИ, занимавшийся радиоэлектронной разведкой и шифрованием связи. – Все их сим-карты, емейлы, номера кредитных карточек нам известны, ключевые кодовые слова введены в систему телефонного отслеживания, с банковским сектором мы работаем плотно, но на контакт с ними, ни они сами не выходят.

– Значит, у них появился другой способ общения с окружающими. Ищи дальше, отслеживай. Сам влезь в шкуру

Тортошина, стань им и думай: как, оставаясь невидимым, продолжать вращаться в этом напичканном электроникой и микрочипами мире? Да еще отдавать распоряжения и влиять на судьбы других людей.

– Боюсь, мне до него далеко, – засомневался Кузнецов.

– Вот это слово вообще забудь. Нашел, кого пугаться. Он такой же человек, как мы. Есть слабые места. Найди их.

Сказав это столь резко и уверенно, он сам тут же и подумал: «А человек ли? Не рептилоид?.. Но и у них своя слабость отыщется». Затем продолжил:

– Не могут они пребывать в безвоздушном пространстве. Контакты с кем-то обязательно должны быть. Хотя... Тортошин как раз может и под водой спрятаться. А вот Валентин Егоршин... Отрошенко! – обратился он к усатому лейтенанту. – Тебе, Дима, несколько необычное поручение. Немедленно займись всеми монастырями России. Возьми в помощники Трынова и Капустина.

– А кого в них искать?

– Егоршина. На всякий случай, учтем и сопредельные страны. Егоршин вполне мог отправиться на Новый Афон. Вахтанг Ломидзе этим и займется.

– Есть, – ответил тот.

– А из Абхазии посетишь родственников в Грузии и проверишь тамошние храмы и монастыри. А Маркарян – в Армении. Мы не знаем, что у Егоршина в голове. А может он к старообрядцам ушел. Или к католикам. Другие конфессии пока трогать не будем, но раскольников проверим. На этом направлении будет работать Игорь Штокман.

– Яволь, – ответил обрусевший в трех поколениях немец.

– А Украину что ж забыл? – напомнил Кареев. – Там тоже три лавры и куча монастырей.

– Верно. Это задача для Холмогорова. Жил там, родня, корни. Действуй. Вылетай завтра же.

– Я у бандеров в черных списках, за Крым и Донбасс, – ответил моряк.

– Так они же теперь по лесам разбежались. Но мы тебе все равно на всякий случай другой паспорт выпишем. Егоршин исчез три недели назад. На самолет или поезд сесть не мог – мы бы знали: паспортный контроль. Значит, либо попутка, либо шел пешком. Но я подозреваю, что он специально наложил на себя такую епитимию: странничество.

– Пудовые вериги, часом, не надел? – усмехнулся Кареев.

– Вполне возможно, – серьезно ответил Муромцев. – При средней скорости пешехода пять километров в час, даже с веригами и при минимальном отдыхе, а фанатически настроенные граждане, одержимые религиозным экстазом, на это способны, он мог покрыть расстояние в две тысячи километров. До Сухуми – полторы тысячи с гаком, до Киева – вдвое меньше. Вполне мог добраться и до Почаевской Лавры и до Нового Афона.

– Эх, знать бы, куда именно он направился, – вздохнул Родионов.

– Есть одна маленькая зацепка. Это задача для тебя. Так что не вздыхай столь тяжко. У Егоршина был духовник. Предположительно – в храме Николая Угодника в Хамовниках. Туда и отправишься. Поговори с прихожанами, определи – кто из священников мог им быть. Найди его, пообщайся. Выясни, куда мог устремиться Егоршин? Какие мысли им владели в последнее время? Каково было состояние души?

– А тайна исповеди? Это невозможно.

– Ничего невозможного нет. Особенно в нашем деле.

– А я? – подал голос Губайдулин, бывший гуинец с остроконечной бородкой.

– О тебе, Ринат, я не забыл. Останешься в моем кабинете и будешь координировать действия остальных. На тебе – вся связь и все концы ниточек. Будешь вроде начальника штаба. Анализируй, сортируй и немедленно докладывай мне по сотовому о самом важном.

– Слушаюсь и повинуюсь, – Ринат молитвенно сложил ладони.

– Чалмы тебе только не хватает, а так вылитый джин, – усмехнулся Муромцев. – Мы с Леонидом работаем по уско-

ренному оперативному плану. Время не ждет. Сначала – в Лефортово, потом – в Институт биологии, затем – еще раз посетим квартиру Тортошина, а дальше – на объект в Ло-синный остров. Всем все ясно?

Можно было и не спрашивать.

– Да, еще одно, – вспомнил Муромцев. – Ты, Ринат, поскольку уж все равно будешь торчать здесь, сходи, выпадет время, ради развлечения, в кадры. Пусть поднимут архив и найдут личное дело одного отставного генерала.

– Фамилия?

– Буданов. Глеб Викторович.

– А это-то тебе зачем? – удивился Кареев.

– Да так просто. Взбрело что-то в голову, – сказал Муромцев. И вновь обратился к Губайдулину:

– Просмотри, все дела, которые он в свое время вел. Хотя нет, все не смотри. Их там наверняка десятки, а то и сотни томов. Начни этак с восьмидесятого года. На пенсию он вышел где-то в девяносто первом или чуть раньше. Вот за этот промежуток времени.

– А на что конкретно я должен обратить главное внимание?

– На фамилию Ттортошин, – ответил Муромцев.

ГЛАВА 8. ОТВЕТНЫЙ ХОД МУРОМЦЕВА

Пока ехали на служебной машине в Лефортово, Кареев спросил:

– Хочешь выяснить, не пересекались ли когда-то Буданов с Профессором?

– А я привык рассматривать разные векторы в расследовании, даже самые фантастические.

– Что ж, логично. Возраста они оба примерно одинакового, всего-то лет семь-восемь разницы, а в старости это уже не имеет значения. Тогда им было от сорока пяти до пятидесяти пяти. Границы можно сдвинуть в ту или иную сторону. Оба занимали высокое положение, что в КГБ, что в Академии наук. Ттортошин выдвигался на Нобелевку. Буданов, насколько я знаю, был одним из руководителей

контрразведки в Союзе, занимал другие значительные посты в спецслужбах. Вращались в элитных кругах. Вполне могли общаться

– Я ничего не утверждаю. Просто хочу, чтобы Ринат просмотрел архивные дела и дал мне соответствующее заключение. Все. А дальше видно будет. Отстань.

– Ты, Петр Данилович, каким-то нервным стал. Десять лет с тобой работаю, а такого тебя не припомню. А знаешь, когда это у тебя началось?

– Ну? Когда на моем горизонте Мориарти появился? – попробовал угадать Муромцев.

– Нет. Когда с Ириной Будановой снова встретился, – ответил Леонид.

Всю остальную дорогу они молчали. Но Петр принял слова Кареева к сведению. Подъезжая к Энергетической улице, Петр Данилович сделал телефонный звонок.

– Марк Соломонович, забыл утром у вас спросить. Недели две назад вы делали вскрытие Чохова Геннадия Николаевича. Да, да... биоматериал из Лефортова, если вам так удобнее. Так вот, применяли в данном случае этот ваш гематоксилин или нет? А если нет, то какого первоначального оттенка было ядро крови и тканевые волокна? Вспомните, пожалуйста.

Либерзону, очевидно, не нужно было напрягать свою память. Он ответил сразу, а Муромцев удовлетворенно хмыкнул и, прежде чем дать отбой, сказал:

– Спасибо, вы – лучший патологоанатом в мире. Обещаю, когда стану биомассой – обращусь только к вам.

– Объясняй, – произнес Кареев.

– У всех – следы малого наличия голубой крови, – коротко ответил Муромцев.

– Но наши ребята, Бобров и Лепехин, аристократизмом не страдали. Да и Гринев с Чоховым мало похожи на особ царственного рода. Представляю их на шконке в венце и со скипетром.

– Разумеется, – согласился Муромцев. – Но голубая кровь не обязательно может быть врожденной. А приобретенной извне, так я думаю. Или ею можно заразить, как

вирусом. Вот в этом нам Федосеев и поможет. После Лефортова – сразу в Институт биологии.

...В следственном изоляторе № 2 к ним явился вызванный для беседы Чекасин. Надзиратель выглядел настороженно, глядел искоса, глазки бегали. Данное Муромцевым определение – «мутный» – наиболее точно подходило ко всему его виду.

Однако после первых фраз Муромцева Чекасин расслабился. Наверное, подумал, что «пронесло».

– А мы ведь к тебе почти на экскурсию, – весело произнес Петр Данилович. – Выпала вот свободная минутка, решили повысить самообразование. Давай, Вася, показывай, где тут сидели самые знаменитые «узники совести»: Солженицын, Лимонов, Новодворская? Камеру Абакумова хотелось бы посмотреть. А вдруг и нам с Леонидом пригодится? Чем черт не шутит.

Они пошли по петляющим, путающим следы коридорам, окрашенным блеклой краской. В каменных мешках-пеналах сидели и одиночки, и по двое-трое. Все здесь было напичкано микрофонами для прослушки и видеокамерами, а информация поступала на главный пульт, где ее отслеживали с десятков тюремщиков. Пока шли, надзиратели пару раз выводили подсудимых, сжимая в руках металлические кругляши с хрипло потрескивающей мембраной: «Идет госпреступник!». Надо отворачиваться к стене или втискиваться в деревянный чулан-мешок вдоль коридора.

– Вот тут Ходорковский сидел, а дальше – его подельник Платон Лебедев, – охотно объяснял Чекасин. – А здесь давно, еще в тридцатые годы, маршала Блюхера до смерти забили... Это была камера полковника Квачкова... А эта – самого сына Сталина, моего тезки... Тут – алюминиевый магнат Быков отдыхал...

– Профессию сменить не пробовал? – спросил Муромцев. – Тебе бы сюда интуристов водить.

– Да уже подумывал об этом, – честно признался Чекасин. – Поднадоедать стало. Хочется чего-то другого. Образования не хватает.

– А ты учишься, поступаешь куда-нибудь. С ЕГЭ у тебя все в порядке? Какого цвета было белье у Наташи Ростовской на первом балу?

– А свободных камер у вас тут сколько? – спросил Кареев, которому надоело тянуть резину.

– Есть несколько.

– Давай, показывай.

– Тут у нас на двух человек, тут – одиночки, – с радостью повел их дальше Чекасин.

– Стоп! – остановил его Муромцев. – Сворачивай сюда.

Надзиратель открыл дверь, все трое вошли в каменный пенальчик. Узкая шконка, заправленная синим одеялом, маленький столик, вцементированный в пол, унитаз и ручкомойник за занавеской. Петр Данилович был высокого роста, но даже он, подойдя к крошечному оконцу с толстым стеклом и двойной сеткой и встав на цыпочки, ничего не смог разглядеть.

– Не знаю вида я красивей, чем в час, когда взойшла луна, в тюремной камере в России зимой на волю из окна, – процитировал Муромцев четверостишие Губермана. – А вот еще из классики: «Ты пробил головой стену, но что будешь делать в соседней камере?» Не знаешь, Вася? А потому, что нет тюрьмы страшнее, чем в голове. Станислав Ежи Лец.

– Вы к чему это? – озадачился «мутный».

– А к тому, друг мой ситный, что теперь тебе не интуристов по казематам водить, а сами они, кому повезет, начнут съезжаться, чтобы поглазеть на живую мумию фараона из Петрушкино. На тебя то есть.

Кареев вытащил из папки лист бумаги.

– Ознакомься, – сказал он. – Постановление об аресте.

– Чего это? – Чекасин как стоял, так и подкосился, опустившись на железную кровать, издавшую противный скрип. Всю Васину муть как водой смыло. Влаги вообще прибавилось. Надзиратель, не справившись с ошеломившим его ударом, неожиданно зарыдал в полный голос.

– Ладно, хватит! – выждав полминуты, жестко произнес Муромцев. – Раньше надо было сопلي пускать. У нас крайне мало времени. Будем откровенничать?

– Бу... бу...

– «Будем», – перевел Кареев. – Итак, три главных вопроса. Кто устроил на пять минут сбой в системе видеослежения в тот день, когда повесился Чохов? Сам ты в технике мало разбираешься, значит, у тебя был подельник. На главном пульте управления. Назови его имя. Второй вопрос: кто помог Чохову удавиться? Впрочем, можешь не отвечать. Без лишних слов ясно. Только подтверди свою причастность.

– И последнее – кто тебе все это поручил? – продолжил Муромцев. – Когда ответишь по всем трем пунктам, будем думать, как тебя дальше использовать. Выбросить как жеваный контрацептив, или еще для одного коитуса сгодишься.

– Сг... сг... сг...

– «Сгожусь», – вновь перевел на русский Леонид. – Начинай, Вася, не задерживай.

А Муромцев даже протянул Чекасину свой белоснежный платок.

...Спустя час они ехали в той же служебной машине в сторону Института биологии и генетики, на Фрунзенскую набережную.

– Что мы имеем? – начал рассуждать Петр Данилович. – Первое. Напарник Чекасина купился просто на бабки.

– Не просто, а на большие бабки, – вздохнул Кареев. – Моя зарплата за год.

– А что тут скажешь? Еще Гоголь говорил, что в России человека человеком не переделаешь, и если к одному жулику приставить одного надзирателя, то в итоге получишь просто двух жуликов. Но к делу он отношения не имеет, пусть им теперь ФСИН занимается. Второе тоже сейчас уже не представляет особого интереса. Ну, придушил Вася Чоха. Сделанного не воротишь. Главное, суггестия со всякой телепатией тут ни при чем. Все гораздо проще. По-русски. И мы теперь стопроцентно знаем, что между Чекасиным и Профессором, то есть исполнителем и заказчиком, стоял посредник. А то и несколько.

– Но смотри, как все хитро было задумано. Чекасин заранее сговорился с Чоховым, чтобы тот распустил нитки на своих шерстяных носках, а затем в нужный момент принял попытку суицида. Поскольку повеситься на батарее в полусогнутом положении практически невозможно, и здоровьем своим он особенно не рискует. Потом – перевод в тюремную больничку и психиатрическая экспертиза. А это уже послабление режима, а там, скорее всего, обещанный побег. Но когда отключились мониторы, Чекасин вошел в камеру и довершил дело. Всё чисто и все в шоколаде, даже Чохов.

– А вот откуда у него зачатки голубой крови? – это вопрос. Сейчас на него не ответить. Теперь, прежде всего, нам нужен посредник, передавший Чекасину этот остроумный план. Я вообще считаю, что Мориарти ко всей этой карусели с Чоховым и Гриневым имеет мало отношения. Он на мелочи размениваться не будет. Но рядом с ним люди, знающие его ценность и оберегающие от лишних треволнений. И зачищающие вокруг него пространство, чтобы он мог продолжать работать дальше.

– В тишине и спокойствии, – дополнил Леонид.

– Посредник, – продолжил Муромцев, – назовем его Боксер, поскольку у него характерный перелом носа, виделся с Чекасиным всего два раза. Первый – при даче аванса и обсуждении деталей, второй – когда вручал основную сумму. Третья встреча назначена сегодня вечером. Думаю, ясно для чего. И хорошо, что мы успели, теперь уж разыграем партитуру по нашим нотам.

– Но почему Боксер сразу не ликвидировал Чекасина?

– Потому что Гринев уже сидел в Лефортово. И надзиратель еще пригодился бы. И хотя мы подстраховались, перевели Гриню на наш объект, но... Противник оказался толковой.

– Счет пока не в нашу пользу.

– Ничего, матч еще не окончен. Идет лишь первый тайм.

У проходной Института биологии и генетики нервно выхаживал Федосеев, чуть в сторонке стоял уже назначенный ему по просьбе Муромцева телохранитель.

– Чтобы не тратить время, давай разделимся, – предложил Петр Данилович Леониду. – Ты отправляйся на квартиру Тортошина, еще раз все осмотри самым тщательным образом. Переговори с соседкой этой, Марьей Ивановной. Может, она что вспомнит? Важна каждая мелочь. Наружку сними, это уже лишнее.

– Профессор там, скорее всего, больше не появится, нашел себе другое лежбище, – согласился Кареев.

– И не одно, я думаю. А я тут сам управлюсь. Встретимся через пару часов в Лосином острове... Да, и позвони Губайдулину, чтобы ребята готовились. Будем Боксера брать.

Он вылез из машины и пошел к Федосееву.

– Ну, что тут у вас снова?

– Еще одна кража, – хмуро ответил тот. – Вернее, попытка. На сей раз из самой лаборатории.

– Показывай.

Институт построен был в сталинские времена и таился за высоким каменным забором, в глубине жилого квартала. В основном корпусе располагалась администрация, а вот под ним – несколько подземных этажей с лабораториями. Одна из них – тортошинская. А войти туда было не так просто. Как, впрочем, и выйти.

Во-первых, в ночное время включалась лазерная система «Периметр» – отечественная разработка новосибирского Института ядерной физики. А во-вторых, днем все сотрудники проходили, кроме рамки металлодетектора, еще и через полноразмерный сканер, созданный там же, в Новосибирске, аналог L3 Provision. Даже еще лучше, использующий в своей работе волны миллиметрового диапазона, излучаемые двумя вращающимися вокруг человека антеннами. Утаить что-либо было попросту невозможно, поскольку на экране монитора ты представлял обнаженным, а вот одежда для изучения – прозрачная.

В его лаборатории, занимающей половину минус третьего этажа, работало с полсотни человек. Муромцев и Федосеев, пройдя обязательную для всех без исключения процедуру проверки, спустились туда на лифте, потом

Алексей приложил к датчику электронную карточку, и они вошли внутрь. По обеим сторонам длинного коридора за стеклянными стенами в ярко освещенных помещениях работали люди. Что-то препарировали, записывали, увозили на тележках.

Кабинет Федосеева находился в самом конце. Там их встретила секретарша – настоящее лицо лаборатории – чопорное, бесцветное, в очках. Муромцев знал, что она еще и лейтенант ФСБ.

– Рассказывай, Катя, – произнес Федосеев.

Муромцев уселся на вращающийся стул, окинув взглядом кабинет. На столе и по полу были разбросаны бумаги, сейф открыт, монитор компьютера светился.

– Я ничего не трогала, как все было, так и осталось, – сухо и четко начала секретарша. – Когда увидела этот погром, а я прихожу на десять минут раньше Алексея Сергеевича, то сразу же позвонила ему. Потом мы вместе стали смотреть, что могло пропасть.

– И что же пропало?

– Ничего.

– Это понятно, – пояснил Федосеев. – Вынести-то все равно нельзя. Только запомнить, намотать на извилины. Но зачем было устраивать такой бардак? Или в спешке, или...

– Намеренно, – досказал Муромцев. – Чтобы обозначить себя. Дескать, не дремли, мы тут, рядом, за твоей спиной. Рука Профессора. Ну, дальше!

– Директору я ничего пока не сообщал. Коллегам по лаборатории тоже, чтобы не нервировать. Только тебе.

– И правильно. С Фуфановым мы позже поговорим. А кто ночью работает?

– Ограниченный круг, вторая смена, чтобы только поддерживать в некоторых экземплярах жизнеобеспечение. Ну и так, по мелочи, для непрерывности процессов в экспериментах. Человек десять, не больше. Вот список, – Федосеев протянул Муромцеву листок бумаги.

– А что у тебя хранилось в сейфе?

– Самые последние результаты исследований. В компьютере – тоже.

– А пароль пользователя, конечно же, всем тут известен?

– Ну а как ты думаешь? Многие из сотрудников имеют к нему доступ. Все стекается ко мне, но им порой необходимо вновь и вновь обращаться к полученным данным. А я часто в отъезде.

– Стало быть, – сделал вывод Муромцев, – никакой необходимости во вскрытии компа не было.

– Но сейф имеет электронный код, – напомнила Катерина. – А его знают только Алексей Сергеевич и я.

Петр Данилович встал, подошел к сейфу, начал осматривать замок и клавиши.

– А что ты себе биометрический не поставишь? – спросил он.

– Дорого, – отозвался Федосеев. – Думаешь, тут миллионеры? Приходится экономить. А потом, мы порой без перчаток работаем, руки грязные, порезы бывают случайные, вот тебе и риск неудачной идентификации. Сиди потом перед закрытым сейфом.

Муромцев закончил осмотр и уселся на облюбованный им стул. Повращался.

– Когда ты последний раз менял код?

– Когда? Да лет пять назад.

– А надо бы, из соображений безопасности, каждый год. Посмотри на клавиши.

Алексей взглянул.

– И что?

– А то, что они затерлись. Именно те цифры, на которые ты часто нажимал. Даже я с ходу могу назвать твою секретную комбинацию: 817. Верно?

Федосеев только развел руками.

– Кто уходил из кабинета последним? – продолжил расспрашивать Муромцев.

– Я, – ответила секретарша.

– Мы же с тобой вчера допоздна в «Элефанте» сидели, – напомнил Федосеев.

– А дверь я заперла на ключ, – добавила Катерина.

– Ну, замок там вообще детский. Ладно, список твой я проверю, а пока пошли к Фуфанову.

...Пока они поднимались на лифте в директорский кабинет, Муромцев сказал:

– Подготовь мне, Леша, краткий медико-биологический анализ голубой крови. Не всякую историческую лабуду, а конкретно: симптомы, наследственность, вирусология и все прочее. И возможность заражения. Если она есть.

Федосеев кивнул и услышал еще один неожиданный вопрос, совершенно не имеющий отношения к делу:

– А чего это ты к Ирине приставаешь? И попыток своих не оставляешь. Все не уймешься?

– Уже успела пожаловаться? Быстро же нашла себе нового защитничка. Неужели съестное, как говорил Гамлет, с поминок на свадебный пир пошло? А насчет попыток – много о себе воображает.

– Ну, ты, любитель Шекспира, лучше бы Островского читал. У него в пьесах много про таких, как ты, ловеласов.

– Да и ты ведь, Петя, не больно-то патриотичен, если поглядеть. Движок у тебя от «Дженерал моторс», пистолет австрийский, костюм итальянский, туфли немецкие.

– Это такая светомаскировка. Отвечай по существу.

– Да просто пьян был. А что, нельзя?

Муромцев, подумав, согласился:

– Можно. Я бы на твоём месте, наверное, так и поступил.

Директор Института биологии и генетики был неприятно удивлен, увидев Муромцева.

– Опять ты? – недовольно буркнул он, отложив глянце-
вый журнал: – Я-то думал, ты уже давно во всем разобрал-
ся. А сейчас что?

– Да пустяки, – отозвался Петр Данилович, усаживаясь без приглашения в кресло. – Меня по-прежнему волнует только одно: каким образом злоумышленники узнали код твоего сейфа и сделали слепок с ключа?

– А я-то почему знаю?

– Ну, допустим, сам слепок с помощью стоматологической пасты или термостойкого герметика сделать не сложно. И быстро, особенно, если хозяин ключей – любитель чужих женских подушек и дармового виски. А сам при этом – в траву. Но меня твоя дама интересует во вторую

очередь. Хотя и ею, конечно, придется заняться. Ради профилактики и ее связей с фигурантами дела. Но позже. А сейчас времени мало.

– Чего ты хочешь, Муромцев? Чего пристал? – сердито бросил Фуфанов.

– Хочу, чтобы ты со мной поделился секретом: кому выболтал код? Клавиши на замке у тебя в порядке, следишь. А вот за языком – вряд ли. Колись быстро.

– Да что ты себе позволяешь? – директор начал подниматься из-за стола. – Да ты знаешь, что я – зять Минобрнауки?

Нескладно получилось. И совсем не страшно.

– Зять всего министерства, что ли? – усмехнулся Муромцев. – Смотри, Фуфан, могу ведь и в репу дать. Ради пользы следствия.

Федосеев с улыбкой наблюдал за этой сценой. Директор как-то сник, сдулся. Наверное, решил, что лучше сказать правду, все равно не отвяжется.

– Понимаешь, Петр, было. Но это – своя, ты сам ее хорошо знаешь.

– Продолжай, – насторожился Муромцев.

– Я вообще-то смутно помню, корпоратив у нас был. Месяца полтора назад. Не здесь, разумеется, а в музыкальном пабе «Гластонбери», на Дубровке. Наши сотрудники пришли, как водится, с женами. А я на нее еще в университете глаз положил.

– Кто она?

– Ирина Буданова.

Муромцев переглянулся с Федосеевым. Потом спросил:

– Зачем это ей?

– Да все в шутку было, легкий флирт, – ответил Фуфанов. – Ну, Валя Егоршин к тому времени был уже изрядно пьян, все остальные тоже. Я и увел Ирину за сцену, – продолжил директор. – А там целоваться стали.

Федосеев подумал, увидев словно окаменевшее лицо Муромцева, что вот сейчас-то Фуфанов и дождетс «в репу». Но обошлось. Подполковник только спросил:

– Она сама попросила тебя назвать код сейфа?

– Не помню. Я уже совсем распалился, а она говорит: «А что ты можешь ради меня сделать?» Я отвечаю: «Да хоть из окна прыгнуть». «Тут первый этаж». «Ну а чего ты хочешь?» «Дай, подумаю». Потом со смехом спрашивает: «Что бы такого с тебя взять, чтобы ты потом очень об этом пожалел?» И тут, то ли она, то ли я придумали: код сейфа. Это ведь почище любовных слов будет. На мне ответственность. Мало не покажется. Но я, ни тогда, ни сейчас не думаю, что Ирине это было всерьез зачем-то нужно. Просто игра такая.

– Хороша игра, – сквозь зубы произнес Муромцев.

Но Федосеев спросил:

– Ну а потом-то? Сладилось у вас?

Фуфанов расплылся в приторной улыбке, видимо, почувствовал, что гроза проходит стороной. Но ответить не успел.

– Пошли, – резко произнес Муромцев. – Главное – выяснили.

Федосеев проводил его до проходной. А там подполковник произнес, обращаясь больше к самому себе, чем к Алексею:

– И чего они все так к ней липнут?

– Не знаю, – ответил тот, пожимая плечами. – Да ты не ломай голову. Все равно она тебе досталась.

К трем часам Муромцев приехал на объект в Лосиный остров. Там его уже поджидал Кареев, сидел на крыльце и листал какую-то замусоленную стопку бумаг.

– Где макулатуру собрал? – поинтересовался подполковник.

– У Марьи Ивановны, – ответил Леонид. – Вспомнила, что еще лет пятнадцать назад Тортошин дал ей, то ли на хранение, то ли просто так, поиздеваться, чтобы совсем мозг у бедной старушки выесть. Она ведь тоже, как и он, увлекалась всякой чертовщиной.

– Дай взглянуть.

В компьютерных распечатках речь шла все о том же, что изъяли несколько недель назад из квартиры Профессора: магия, падшие ангелы, апокалипсис...

– Странно, – произнес Муромцев. – К проектам «Голубая кровь» и «Рептилии» это вроде бы не имеет никакого отношения. Но зачем-то это Тортошин собирал, изучал? Потом, правда, избавился. Да часть осталась. Забыл, наверное. Не тут ли ключ к загадке?

Он взял один из листков и вслух прочитал, усевшись рядышком с майором на крыльцо: «Зеркало – это дверь в другой мир. Часто, смотрясь в зеркало, мы видим лишь собственное отражение, но внутри где-то у каждого из нас есть чувство, что там еще что-то есть, неуловимое, загадочное, ужасное... И стараемся увидеть этот ускользающий от нашего внимания фантом. Некоторые исследователи феномена зеркал утверждают, что в старых зеркалах можно увидеть то, что происходило перед ними в прошлом времени...».

Прервавшись, Муромцев аккуратно подравнял стопку бумаг и сунул ее в карман куртки. Потом задумчиво пробормотал:

– Зеркала... Вот что мне не давало покоя весь день. Все никак не мог поймать за хвост одну мысль, которая мелькнула еще вчера. Пошли в дом.

Там все оставалось так, как было вчера, когда обнаружили трупы. В ходе осмотра ничего не передвигали.

– Я сверял с фотографиями, все на месте, – поспешил сказать Кареев.

– Дай-ка их сюда.

Рассматривая снимки, подполковник остановился перед большим зеркалом в человеческий рост. За ним находилась секретная комната для наблюдений. Второе такое же зеркало на противоположной стенке было установлено просто так, для дизайна. Между ними – стол с тремя креслами.

Муромцев произнес:

– Не кажется ли тебе странным, что Бобров, Лепехин и Гринев сидели спиной к двери?

– Ну и что? Перед ними был монитор, на котором все равно все видно. Круговой обзор по всем направлениям.

– Это так. Но спиной к входу или к окну профессионалы никогда не садятся. Уж один-то из них должен был контролировать дверь. А тут, гляди...

Подполковник передал Карееву одну из фотографий и пояснил:

– Все трое смотрят на фальшивое зеркало. Но что их могло так увлечь?

– Может быть, то, что пряталось в секретной комнате? Или то, что отражалось во втором зеркале и ретранслировалось на первое?

– Я тебя, Петр Данилович, абсолютно отказываюсь понимать.

– А давай-ка проведем следственный эксперимент. Кликни охранника.

– Зачем?

– Будем соотносить на троих, – улыбнулся Муромцев, вынимая свою знаменитую фляжку с коньяком.

Кареев вышел и вскоре вернулся с дежурившим на объекте фээсбэшником.

– Устраивайся, Гена, в это кресло, расслабься, только ничего не трогай и не двигай, – сказал ему подполковник, разливая в металлические стопки «Ной». – Леня, садись вот тут, на место Лепехина. А я между вами, где Гриня отдыхал. Ну, прозит!

– Дальше что? – поинтересовался майор.

– Закройте глаза, наслаждайтесь тишиной и покоем, – посоветовал Муромцев. Сам он тоже на пару минут смежил веки, даже успел отключиться, потом произнес: – А теперь смотрите перед собой, головой не крутите. Что видите?

– Себя, нас в зеркале, – ответил Геннадий.

– Наши затылки за спиной, – добавил Леонид. – Только... Как-то непривычно. Будто нас тут не трое, а шестеро. Или у каждого – свой двойник.

– Вот, – торжествующе сказал Муромцев. – Ситуация по-любому вызывает ирреальные ощущения. Из-за двойной амальгамы. А если к этому добавить еще и то, что они

вдруг неожиданно увидели в фальшивом зеркале? То, что может вызвать немотивированную панику. Ужас.

– Наливай по второй, – ответил Кареев. – Проще будет разобраться.

– Не чокаясь, – сказал Муромцев. – Помянем наших друзей. Так вот, зеркало имеет отражательную поверхность. Все плохое в нем удваивается и утраивается. Все хорошее, соответственно, тоже. Душа покойного якобы может войти в зеркало и там остаться. Конечно же, никакая душа никуда не войдет, но завешивать зеркала надо. Для чего? Чтобы не экранировалась и многократно не усиливалась трагедия. Если это произойдет, то за одной смертью скоро может последовать и другая.

Помолчав, он продолжил:

– Я читал книгу «Жизнь после жизни» знаменитого американского врача-психиатра Раймонда Моуди. Он, при всем своем скептическом отношении к «смотрению в зеркала», решил проверить правдивость многочисленных легенд и баек. Результат был поразительным. Видения в зеркалах действительно возникали. Моуди видел их сам, наблюдали их и другие участники экспериментов.

Геннадий тем временем взял два пледа с кресел у камина и завесил ими оба зеркала.

– Тебе обо всем этом нужно с Бортниковым потолковать, – посоветовал Кареев.

– Чудеса... – повторил Муромцев. – Может быть. Возьмем Крым, Украину и то аморфное состояние, в котором находилась Россия до марта 2014 года. Я ни на минуту не сомневаюсь в том, что воссоединение – это лишь в малой доле дело рук военных стратегов и политиков. Нет, это божественное чудо. Промысел. А вся русская история без категории чуда бессмысленна и необъяснима. Да, русская жизнь может быть тягостной и наполненной многими бедами и несчастьями. Но в России верят, что жизнь построена только по одному принципу – божественной справедливости. Это нас всегда и спасает. Наш вековой порыв к небу, устремления души к высшим смыслам... а не к чистога-

ну, – добавил он. – И еще. Повторю слова президента: не Россия находится между Западом и Востоком, это Запад и Восток находятся слева и справа от России. Так выпьем за воссоединение самого разделенного народа в мире, за Россию, – закончил Муромцев и разлил остатки коньяка в стопки.

Потом он посмотрел на часы.

– Ладно, пора. С Афанасием Никитичем повидаюсь завтра, сегодня уже не успею. А пока надо готовиться к встрече с Боксером.

– Да все готово, – отозвался Кареев. – Ребята уже, наверное, на месте, рассосредоточились по разным точкам. Чекасины привезут и выпустят в нужное время, но если Боксер появится раньше – будут брать.

– Бронежилет-то хоть на Васю надели?

– Ну а как же! Еще и шахтерскую каску в придачу. И щитки хоккейные.

– Остряк. В Пассаже в этот час будет наплыв покупателей, – заметил Муромцев. – Жесткий захват исключен. Не хватало еще кого-нибудь подстрелить. А Боксер, судя по всему, крайне опасен. Если что почувствует, то запросто пустит в ход всю свою огневую мощь. Но, раз он выбрал такое многолюдное место для встречи, то рассчитывает, скорее всего, на укол.

– Не обязательно. Его визуальные характеристики нам известны, а психологические – нет. Вдруг выбросит какой-нибудь непредсказуемый фортель?

– Работаем на опережение. Поехали.

Однако Кареев оказался прав.

Входы в Пассаж с Петровки и Неглинной находились под наблюдением и в нужный момент могли быть заблокированы. На каждом этаже были расставлены люди из подразделения Муромцева. Чекасин ждал возле салона красоты Frank Provost, но Боксер все не появлялся, а прошло уже полчаса. Сам Петр Данилович сидел в зоне фаст-фуда и пил третью чашку кофе. В наушник поступала вся информация, но пока безрадостная. Наконец, Кузнецов сообщил:

– Холмогоров его засек. Идет от павильона бытовой техники. Под инвалида косит, с костылем. Но, судя по описаниям, он. Братъ?

– Наблюдайте, – отозвался Муромцев.

Еще через минуту Кузнецов сказал:

– Двигается к Чекасину. Остановился в трех метрах. Что-то ищет в сумке. Штокман и Ломидзе готовы. Пора паковать.

– Как ведет себя Чекасин?

– Не реагирует.

– Вот и вы не реагируйте. Пусть инвалид дальше топает.

– Он и пошел. Мимо.

– Меня сейчас другое волнует. Что-то слишком большое оживление у павильона детских игрушек.

– Так ведь через две недели Новый год.

– Да, но этот павильон рядом с салоном красоты. Нелучайно Боксер назначил место встречи возле детишек. А что это еще за аттракцион у входа?

Муромцев смотрел через стеклянную стену на громогласно зазывающих в магазин переодетых рекламщиков и резвящихся вокруг ребятишек.

– Обычная акция. Сказочные персонажи. Санта-Клаус со своими помощниками. Эльфы, тролли, белый медведь, феи.

– А кто это с длинными ушами и голубой бородой?

– Точно не знаю, кажется, его зовут Дудли. Близкий родственник эльфов. Только поподлее будет.

– И с перебитым носом. И ведет себя слишком уж весело, а поглядывает на Чекасина. Выдвигайтесь туда.

– Понял.

Дудли тем временем украдкой взглянул на часы и, отделившись от праздничной толпы, неспешно направился к салону красоты. Муромцев встал из-за столика и выбрался из кафе. Нащупал за брючным ремнем «глок». До колонны, возле которой стоял Чекасин, было метров десять. За остроухим троллем двигались Родионов и Отрошенко. Навстречу им и с боков – Маркарян, Трынов и Капустин. Кареев и Холмогоров контролировали ситуацию чуть поодаль. Капкан должен был вот-вот захлопнуться.

Но тут произошло нечто непредвиденное. Позади Муромцева в зоне фаст-фуда раздался оглушительный хлопок. Повалил желтый дым. Затем – еще один, возле павильона оргтехники. И третий, с интервалом в несколько секунд – у входа в Пассаж. Тотчас же началась паника. Кричали и забегали все вокруг, пытаясь выбраться из замкнутого пространства.

Муромцев сразу сообразил, что в урнах были заложены не бомбы, а, скорее всего, взрывпакеты с таймером или светозумовые гранаты с сопутствующими дымовыми элементами. Создалась очень удобная для Дудли-Боксера ситуация. Он вытащил из-под полы камзола пистолет, но выстрелить в Чекасина не успел. Муромцев опередил. Пуля попала троллю в правое предплечье, он выронил оружие.

Через полтора часа, после оказания медицинской помощи, начался допрос. Присутствовали, кроме самого Муромцева, полковник Тарута, Кареев и Холмогоров. Позже к ним присоединился Сургутов. Первоначально на все вопросы Боксер отвечал одной фразой:

– Ai don't understand!

В конце концов, всем это надоело.

– Don't do that, fake you! – резко сказал Муромцев. – Заткнись и слушай. Чекасин уверял, что если у тебя и был в разговоре с ним какой-то акцент, то хохлацкий. Не строй из себя выпускника Оксфорда. Ты же бандеровец?

– Да я его знаю, – добавил Холмогоров. – Он беркутовцев жег. А если копнуть глубже, то наверняка и снайпером у Парубия сидел. А потом в Славянске детишек насиловал. Сейчас пальчики его пробьют, принесут, и все ясно станет.

– А затем, наверное, успел драпануть и подался в частную военную компанию США типа «Блэкуотер», которая там всем заправляла, – предположил Тарута.

– Таким ценным мясом ЦРУ не бросается, – согласился Муромцев. – Да и «суперган» у тебя, в просторечье «беретта», от американских рейнджеров. Более того, ты сдуру или от радости, что попал к своим – сбылась мечта идиота, –

сделал себе на груди татуировку морского котика. Рядом с трезубцем и фашистской свастикой.

– Но учти, – подхватил Кареев, – по международным нормам, такие, как ты, шушкевичи недорезанные, военнопленными не считаются. И на них правила Международного Красного Креста не распространены.

– Так что даже врачи без границ тебе не помогут, а америкосы попросту откредитуются, – заключил Муромцев и взглянул на Кареева. – Только не Шушкевич, Леня, а Шушевич.

Тут как раз вошел Сургутов, в генеральской форме. То ли это произвело на Боксера впечатление, то ли что другое, но он заговорил по-русски:

– Ладно. Майдан – дело прошлое, и снайпером я не был. А в Луганске воевал подневольно, за это меня судить нельзя, права не имеете.

– А никто тебя судить и не собирается, – с ходу включился генерал. – Тебя просто пристрелят.

– Я лично, – пообещал Муромцев. – За «Беркут». А еще лучше – к ним в Крым и отправим.

– Не надо, – поспешно возразил Боксер.

– Тогда отвечай на вопросы, – сказал Сургутов. – Начинай, Петр.

Муромцев мельком взглянул на часы: половина одиннадцатого. Ирина его уже давно ждет, свадебный ужин из «Праги» остывает, свечи гаснут. Вдова-невеста начинает рыдать. Или хохотать? Ну и черт с ней.

– Тортошин, – произнес Муромцев всего одно слово.

– I don't know, – вновь начал Боксер, видно, подзабыв с перепугу, что в иностранца уже отыграл.

– Вот дурной-то! – усмехнулся Тарута.

Муромцев повторил:

– Профессор Тортошин, Илья Гаврилович. Ты имеешь с ним прямые контакты?

Боксер отрицательно покачал головой.

– А как же ты тогда выполняешь его указания? Не молчи. Чего ты боишься?

– А ты как думал? – выдавил из себя наконец тролль. Сейчас он был уже без бороды и длинных ушей, но все еще в разодранном маскарадном камзоле, с перевязанной рукой и в деревянных тупоносых башмаках.

– Думать тебе надо, – ответил Муромцев. – Так как ты выходишь на связь с Профессором?

– Тортошин везде, – отозвался Боксер. – Даже сейчас, здесь. И он... нигде.

– Ты издеваешься над нами, что ли? – возмутился Тарута.

– Нет.

– Тогда рассказывай.

– Схема такая... – начал загнанный в угол тролль.

Говорил он сбивчиво, путая порой английские слова с мовой, запинаясь, потел. Иногда надолго замолкал, опасно оглядываясь. И как-то быстро растерял всю свою наносную «голливудскую» крутизну. Превратился из злобного Дудли в обычного скудоумного хуторского парубка. Во время его записываемой на видеокамеру речи Сургутову принесли распечатку из базы данных.

– Осипенко Мыкола, – проговорил генерал для сведения остальным, – стрелял и жег людей в Доме профсоюзов в Одессе. Вот какой «коктейль Молотова» нам попался. Давненько искали.

– Они сами себя сожгли! – поспешно откликнулся Боксер.

– Об этом после, не отвлекайся, за Одессу и Донбасс ответишь, – сказал Муромцев. – Продолжай по Тортошину. О его исследованиях, все, что знаешь. Хотя, ты тут мало что смыслишь. Но что-то Профессор тебе и всем остальным, Гриневу и Чохову, непременно говорил или показывал, чтобы явить ужас во всей его красе. Повязать этим.

– Не Профессор, – возразил вдруг Осипенко. – Хадсон. Дональд Ли Хадсон.

– Кто такой? – спросил Сургутов.

– Партнер Тортошина из трансконтинентальной корпорации «Blue light».

– «Голубой свет» – это одно из структурных подразделений АНБ, – пояснил Муромцев. – Хотя сейчас, судя

по всему, уже само Агентство национальной безопасности является филиалом «Blue light». Там сам черт ногу сломит, кто из них главней, но верховодят те, кто неизменно находятся в тени.

– Рептилоиды, – усмехнулся Кареев. – Дальше, Мыколка.

– Хадсон меня и привлек для оказания технической силовой поддержки Профессору. Но с ним самим я виделся всего пару раз. Я просто исполнитель.

– Сколько вас еще, таких «исполнителей»? – задал вопрос Тарута.

– Много. Всех не знаю.

– Называй кого вспомнишь, – потребовал генерал.

– И любую деталь, связанную с Мориарти, – добавил Муромцев.

– С кем-кем? – неподдельно удивился Осипенко.

– Ах, да! Ты же малограмотный, Конан Дойля наверняка не читал, – произнес Петр Данилович. И повысил голос: – С чертом из табакерки! Теперь ясно?

– Понял... понял...

ГЛАВА 9. ИЗ ТЕНИ В СВЕТ И ОБРАТНО

К Ирине Муромцев не поехал, отправился к себе домой, а когда она позвонила в первом часу ночи, коротко сказал:

– Извини, занят.

И больше ничего объяснять не стал. А пока занялся папкой Тортошина, куда добавил и стопку бумаг, оставленных в свое время Ильей Гавриловичем у соседки. Просмотрел все уже не столь предвзято, как прежде. Вкупе с той «макулатурой», которую Кареев раздобыл у Марьи Ивановны, а также с «таинственными зеркалами» и многим другим, – все это имело пока еще невыявленную связь с лабораторными исследованиями Профессора. Пусть косвенную, не важно.

И рептилоиды с голубой кровью, и биологическое оружие, и поиски бессмертия, и воскрешение мертвых, и загадки прошлых веков, и все-все-все – от сотворения мира до наших дней, служило какой-то логической, даже с точки

зрения божественного смысла, цели в будущем. Илья Гаврилович эту цель, похоже, обнаружил. А ему, Муромцеву, нужно теперь только пройти по его следам.

За чтением и разбором бумаг он провел полночи, что-то подчеркивая желтым фломастером и откладывая в сторону, справа от себя, что-то клал слева, дабы вернуться позже, а что-то просто бросал на пол, чтобы не мешало в дальнейших умозаключениях. А в третьем часу ночи вновь перечитал.

Потом сел за компьютер и сгруппировал все прочитанное в отдельный файл, сделав распечатку для генерала Сургутова.

Тут Муромцева отвлек звонок по телефону. Половина пятого, кого еще черти несут? Принесли, как оказалось, Федосеева.

– Чего трезвонишь? – спросил Петр.

– А в отместку. Позавчера ночью кто меня разбудил? Но я милосерднее – знаю, что ты все равно не спишь. А мне скучно.

– Так приезжай, поболтаем. Честно говоря, сам о тебе думал, помощь нужна. Чтобы во всем этом разобраться.

– Уже еду, – радостно ответил Алексей.

– Стоп. А где Арсений, телохранитель твой?

– Да здесь, в соседней комнате спит.

– Без него из дома не выходи.

Муромцев вернулся к своей «Докладной записке». Что-то подправил, что-то добавил еще... В заключение написал: «К «тайным знаниям» стремится любой гениальный ученый, такой, как Тортошин или знаменитый Тесла. Эту цель у них не изъять. Она составляет корень и смысл их жизни. Не у всех, правда, получается достичь ее. Но Илье Гавриловичу, кажется, это удалось. Сейчас, в наше время, когда антихристианские силы начали активно восстанавливать прежний, богоборческий проект, Господь открывает нам то, что необходимо знать о допотопной системе и ее современном, употребим это слово, поскольку оно наиболее подходит к сути сказанного, «ремейке». Чтобы показать, что по форме

и средствам нынешний проект отчасти отличается от допотопного, а по содержанию и целям – все тот же».

Муромцев встал из-за стола и отправился на кухню заваривать кофе.

«Тесла... – думал он, откупоривая бутылку коньяка и выставляя на стол две рюмки: знал, что Алеша «просто так поболтать» не приедет. – Никола Тесла. Он мечтал предложить миру свободную, неограниченную энергию, которая возникала бы при использовании технологии «нулевой точки». Понятие «нулевой точки» основано на геометрии, и геометрия эта находится вокруг тела человека. А оно всегда было и остается эталоном творения. Но вот почему-то еще со времен Теслы правительства всех развитых стран не допускали распространения информации о «нулевой точке». А это способствовало бы развитию науки, технологическому прогрессу.

Но Морган, владелец множества медных копеек, не хотел, чтобы электричество стало бесплатным. Вместо этого он желал пропускать электричество через медные провода. Деньги решают все, и гениальный Тесла был остановлен. С того момента в 1940-х годах все исследующие технологии «нулевой точки» и публично об этом заявляющие, были убиты или исчезли. Как исчез и сам Тесла. А что хочет предложить миру Тортошин?».

Муромцев выпил рюмку коньяка и с чашкой кофе вернулся в свой кабинет. Вновь углубился в чтение, ожидая Алешу и Арсения.

Он подравнял стопку бумаг и вложил ее в папку. Большая получилась «записка». И довольно сумбурная. Но в то же время проливающая некоторый свет на личность профессора Тортошина. Так кто же он все-таки? Новый Тесла, только в сфере биологии и генной инженерии, или Мориарти? А может, его просто используют?

Муромцев вновь отправился на кухню, подкрепиться еще одной рюмкой коньяка и очередной чашкой кофе. Его начинало тревожить то, что Федосеев все еще задержива-

ется. Что-то случилось. Не надо ему было срываться ночью и ехать «поболтать». Скучно, видите ли. А впрочем, он сам виноват, пригласил ведь.

Поглядывая в окно, Муромцев вспомнил, как когда-то, более двадцати лет назад, он вместе с Сургутовым и Тарутой выезжали в США и там, в рамках сотрудничества спецслужб, встречались, в частности, с техническими и научными советниками НАСА. Один из них, престарелый Эллсворт Геррелз, ставший в конце жизни чрезмерно религиозным, сказал, что в Библии ясно написано о существовании злых духов, или бесов, которые могут являться людям, и, скорее всего, очевидцы и «контактеры» сталкивались именно с ними, а не с инопланетянами.

Ученые не нашли даже потенциальных возможностей для существования любой формы жизни на планетах нашей Солнечной системы. Более того, остальные галактики расположены настолько далеко от нашей, что даже если лететь со скоростью света, то до ближайшей из них придется добираться миллионы лет. И НЛО никогда не посещали нашу планету, даже если допустить, что технологии «пришельцев» значительно превышают наши.

А ведь Эллсворт Геррелз участвовал в испытаниях самых разнообразных космических программ, включая запуск первых ракет и космических кораблей в США. Он был в составе команды, моделирующей и запускающей непилотируемые корабли «Вояджер-1» и «Вояджер-2», которые облетели большинство планет Солнечной системы. Стоял у истоков планирования полетов на Луну и Марс, запуска Международной космической станции, сыграл важную роль в последующей разработке ядерных энергетических систем США.

Геррелз был уверен, что нашу Вселенную создал «Первичный Конструктор», потому что появление такой сложной и упорядоченной структуры просто невозможно само собой. Как бы там ни было, как бы ни называли создателя Вселенной – Абсолютом, Демиургом, Первичным Конструктором или Богом, но появление человечества также входило в его планы. Как и всего живого, включая птиц, кошек, крыс,

бактерий и прочих наших «друзей» и паразитов. Также и рептилий. Люди в своей ипостаси соответствуют всем им. «Правильным» и «неправильным», с точки зрения человека. Отражают их и отражаются в них. Как в зеркалах.

Так почему бы, видя, что все идет не туда и все так плохо, самому Создателю Вселенной не скорректировать планы, изменить структуру, поработать над биоматериалом и не явить миру новую породу людей? Не расу, нет, а именно другую физическую и духовную сущность. Это во все времена пробовали сделать сами люди. Тираны, инквизиторы, сектанты, революционеры, большевики, фашисты, маоисты и другие «пассионарии».

Но их беда и ошибка в том, что им всегда нужен был «сверхчеловек» и «недочеловек», «*untermensch*». Причем, унтерменш абсолютно подавленный, бесправный, на уровне не раба даже, а овоща. Которого можно только поливать и есть. «Пример сейчас – Украина, – подумал Муромцев, вспоминая слова Геррелза. – Вернее, та ее часть, которая полностью зомбирована. Вот уж действительно – укропы. Это ведь тоже эксперимент по выращиванию иной расы, рептилоидов. Только рептилоидов низшего звена».

«– Сам же «сверхчеловек» – это уже бог, – говорил тогда Геррелз. – Ну, полубог. Потому что и над ним стоит «сверх-сверх». Это ложная и ведущая в тупик теория. Однако человечество на витках Истории возвращается к ней раз за разом, словно мазохистски любит себя бить граблями по лбу. Двадцать первый век вновь обратится к этому садовому инструменту. Особенно в США и Европе. Здесь вообще перестанут что-либо видеть и понимать. Разум их закончится».

«– А почему?», – спрашивал Муромцева старый профессор.

«– А потому, – сам же и отвечал, – что не понимают, ослы, что отдельной личности, даже самому способному и удачливому диктатору изменить человека и, более того, целиком народ, не под силу. Можно подавить волю и сознание на время, на год, десяток лет, семьдесят, но не навсегда. Породу и природу людей не переделаешь. Надо не

завоевывать мир, а менять его. И все сущее в нем. Но на такое способен только Первичный Конструктор. А задача ученых – осознать его планы и помочь выполнить их. И, может быть, пришел срок прийти в мир новым существам... Не людям, нет. А иным, тем, для обозначения которых еще даже соответствующего названия не подобрано. Условно – «рептилоиды». Ну, или что-то подобное, в этом роде...

Так откровенничал профессор Элсворт Геррелз в 1994 году в одном из нью-йоркских баров, пока Сургутов и Тарута встречались со своими коллегами из американских спецслужб. На Геррелза даже его соотечественники давно махнули рукой («чудит старик»), а российские гости, чтобы отвязаться, приставили к нему молодого Муромцева («пусть слушает его странную болтовню, не повредит»). Но Петру, который вначале скучал, из вежливости расспрашивая профессора или поддакивая ему, вскоре стало весьма интересно, а вот теперь пригодилось.

Муромцев обладал отменной памятью. Сидя сейчас в своей московской квартире, когда за окном начал разгораться рассвет, он вспомнил все, что говорил ему Геррелз в баре «Mauihue!» на Манхэттене. Ключевыми словами в его барных речах были «рептилоиды» и «голубая кровь». Интересно, а жив ли теперь этот профессор?

И вот что странно. Геррелз напоминал ему сейчас Тортошина. Оба они были «загадками природы». И, вполне возможно, когда-то встречались. Наверняка вращались в одной научной среде.

Тут-то и раздался долгожданный звонок в дверь.

– Чего так долго? – первым делом спросил Муромцев, отперев дверь.

– У страха глаза велики, – усмехнулся Федосеев, кивнув на своего телохранителя.

– Понимаете, Петр Данилович, – виновато начал Арсений, – какой-то мотор за нами увязался, «ауди», пришлось круг сделать, попетлять немного.

– Ну и?

– Отстал. Может быть, я и ошибся, но лучше всегда перестраховаться. Не понравилось мне это.

– Правильно поступил. Ты в наружке профессионал. Пошуруй там, в холодильнике, а мы пока с товарищем поболтаем. Кофе, коньяк? – обратился он к Алексею.

– Не люблю дурацких вопросов, которые лишь попусту сотрясают воздух, – ответил тот.

Арсений с Муромцевым пошли на кухню, готовить завтрак и закуску, а Федосеев отправился напрямик в кабинет. Когда хозяин вернулся туда с подносом, приятель сидел в кресле и листал его «Докладную записку». Петр нарочно положил папку на видное место, хотел, чтобы Алексей ознакомился с ее содержимым. Разлив по рюмкам коньяк, он подождал, пока гость закончит, и произнес:

– Что скажешь?

– Старик будет в восторге. В принципе, ты верно определил круг внерабочих интересов Тортошина. Он сам все время пускался с нами в пространные разговоры обо всем этом. А для характеристики его личности это имеет большое значение. Он в этом смысле вездесущ.

– Но по сути? Связано ли все это как-то с его лабораторными исследованиями? Хотя бы отчасти.

– А как же? Обязательно. Мы и сейчас изучаем гибридные свойства рептилий, опираясь на реликтовые находки. А древний гигантизм и мутагенные изменения находятся в сфере наших прямых интересов еще со времен Тортошина. Ну и все прочее, что ты изложил в своей «Записке»... Все имеет значение. А прошлое человечества таит в себе столько тайн, что копать в них хватит до конца времен. Нам их все равно окончательно не раскрыть никогда. Но именно в них – смысл и наших лабораторных исследований, и работы других ученых, биологов и генетиков, российских, американских, китайских и всех прочих.

– Понятно. Тайны прошлого. А тайны будущего?

– В еще большей степени, – ответил Алексей, сам теперь подливая себе и хозяину. – Его интересовал, например БАК – Большой адронный коллайдер, который якобы может привести к каким-то изменениям в «пространственно-временном континууме». Поначалу он действительно считал, что этот гигантский ускоритель частиц способен

воссоздать условия, возникшие тринадцать миллиардов лет назад во время Большого взрыва. Обнаружит некую экзотическую «черную» материю. Поведает о природе «темной энергии», которая «подбирается к Земле» и «обладает антигравитацией». Определит природу пространства-времени. Откроет дополнительные измерения, то есть даст знания о неких скрытых, параллельных мирах и туннелях, называемых «кротовыми норами». А главное: подтвердит или опровергнет существование «частицы Бога».

– Это еще что за термин?

– Понимаешь, в мировой науке есть примерно двадцать теорий о происхождении Вселенной. Гипотеза Большого взрыва всего лишь одна из них, хотя и самая распространенная. Но не бесспорная. И не доказанная. Откуда появилась материя, собравшаяся в точку? Кто сотворил это вещество? Откуда взялась энергия для Большого взрыва? Кто дал законы, по которым существует материя? А еще добавлю: как вообще появились разумные существа – люди?

– И что думал по этому поводу Профессор?

– Не знаю.

Помолчав немного, пососав дольку лимона, он продолжил, сделав неожиданный вывод:

– БАК – это еще один мировой рептилоидный проект. Я имею в виду то, что он противоречит людской природе. И есть основания полагать, что истинное назначение Большого адронного коллайдера, схоже с назначением пирамид. Может быть, БАК с его 27-километровой подземной системой тоннелей, замкнутых в кольцо, – это и есть пирамида, только запрятанная под землю?

– Хорошо. А что еще из современных разработок привлекало внимание Профессора? – спросил Петр, решив изложить все услышанное Сургутову устно.

– Да многое, – махнул рукой Алексей. – Например, американский проект HAARP. High-frequency Active Aural Research Program. Который также выдается «мировой общественности» всего лишь за научный эксперимент. Но это не просто «Программа активного высокочастотного исследования авроральной области», а мощнейшее оружие

массового поражения. Объекты «ХАРП» расположены на Аляске, в Японии, в Европе, в Австралии. Закольцовывают континенты. А мы знаем, что частота землетрясений и других природных катастроф в последнее время неуклонно увеличивается. Креационисты считают, что эти бедствия являются исполнением евангельских пророчеств. Но не исключена возможность того, что они специально организуются, что все последние землетрясения, ураганы, цунами, наводнения, засухи и прочее являются следствием применения секретного супероружия – геофизического, тектонического, плазменного, климатического, атмосферного и так далее. А среди населения наиболее развитых стран неуклонно повышается процент людей с той или иной степенью нарушения психики. Есть сведения о том, что НААРП предусматривает и психотронное применение – воздействие на сознание огромных масс людей. Взять ту же Украину.

– Лучше не брать.

– Вот именно. Подавляющая часть населения, особенно молодежи, неадекватна. Что это? ХАРП?

– Я немного изучал психиатрию, – ответил Муромцев, – тут, возможно, применим так называемый синдром Кандинского. Это был известный психиатр, двоюродный брат художника-абстракциониста. Синдром психического автоматизма, который от одного человека или группы шизофреников перебрасывается на других, охватывая все больше и больше людей, словно заражает их. Превращает в безумную толпу. Сродни эпидемии. А в отношении фашистской Германии или современной Украины – это уже пандемия. Лечится только Нюрнбергом.

– Согласен. Еще Тортишин интересовался «химтрейлами». Рукотворное изобретение. Это, условно говоря, «широкие следы» в небе, которые делают его мутным, со странными расцветками. Распыляются «химтрейлы» с бортов самолетов. В цистернах содержатся: алюминий (вызывает рак груди и болезнь Альцгеймера), окись алюминия (конъюнктивит, астма, фарингит и прочее), барий (аритмия, тремор, упадок сил, паралич), бациллы и плесневые грибки

(сибирская язва, менингит, эндокардит и так далее), синегнойная палочка, другие бациллы и ядовитые виды плесени, а также насекомые неизвестной этимологии... Думаешь, сказки?

– Нет, не думаю. Охотно верю. Кто же это смастерил?

Алексей помолчал, словно не хотел отвечать. Но все же произнес:

– Одно время мы в нашей лаборатории также занимались «химтрейлами», изучали их природу и структуру. Но только для того, чтобы понять, насколько американские биогенетики и химики нас опередили. А твоя Буданова, насколько я знаю, в числе других приложила руку к их работам в концерне «Афтон Кемикл». И в биологической референс-лаборатории в Отаре. Утешить тебя может только то, что она выполняла там лишь техническую работу, типа колбы встряхивала. Хотя не уверен. Дама она башковитая.

Муромцев на это ничего не сказал, только налил коньяка в рюмку доверху и залпом выпил. А Федосеев продолжил:

– Теперь «химтрейлами» скрытно обрабатываются Россия и практически все густонаселенные районы Земли, включая Индию, Бразилию и Китай. Да Америку тоже, не считай, что они своих пожалеют. Особенно те территории, где компактно проживают латиносы и другие «недочеловеки». Надправительственные тайные структуры, пиши – рептилоиды, производят регулярное засеивание неба опасной «химией», «генетикой» и микроорганизмами, и на эти цели привлекаются огромные финансовые ресурсы. Используются специализированные воздушные суда и военные самолеты, а также гражданская авиация. По некоторым данным, в топливе, производимом корпорацией «Бритиш Петролеум», имеются особые присадки, которые обеспечивают засеивание атмосферы микрокапсулами вдоль всех международных трасс.

– Это как-то связано с проектами по управлению погодой и изменению климата?

– Да. Именно так это и преподносится официальными мировыми СМИ. Они фактически признали существование «химтрейлов», но «успокоили» читателей, что это, дескать,

всего лишь мелкодисперсная сера и частицы льда... Как бы не так! Уж нам ли, в лаборатории, об этом не знать. Да даже независимые американские журналисты установили состав «химтрейлов». Это именно барий, свинец, мышьяк, хром, кадмий, селен и другие высокотоксичные металлы или полуметаллы. И все эти компоненты, по заявлению директора Токсикологического центра Луизианы Марка Раяна, вызывают нарушения циркуляции крови, репродуктивную дисфункцию, поражение печени и почек, нарушение зрения и слуха, кожные заболевания, асфиксию и закупорку сосудов легких и так далее.

– А для чего это делается?

– Кому-то очень хочется поскорее уменьшить население планеты. Беспредел, творящийся в атмосфере и гидросфере Земли, практически никем и ничем не регулируется, а дремучее в этих вопросах население методически приучают видеть «небо в клеточку», включая изображение следов «химтрейлов» в рекламных проспектах. Люди даже не догадываются, что проблема «химтрейлов» вообще существует. Да и масштабы воздействия на объекты и процессы, влияющие на целые страны и континенты, до сих пор многим кажутся «ненаучной фантастикой». Но это реальность. И именно научная.

Алексей поглядел на опустевшую бутылку и ворчливо добавил:

– С тобой тут совсем сопьешься, а мне еще на работу ехать.

– А мне что, на карусели кататься? Не пей! – логично ответил Муромцев. – Тогда и голова не свалится.

– Тебе хорошо говорить, наверное, какой-нибудь «отрезвин» украдкой после каждого литра глотаешь. – А что с моим списком? Есть уже какие-нибудь подозреваемые?

– Этим сегодня Кареев займется. Вчера было недосуг.

– Не до сук? – усмехнулся Федосеев. – Зря ты о моих сотрудниках так. Я даже не могу взять в толк, кто из них мог решиться на такое? Забраться в мой сейф и комп.

– А может быть все-таки не они?

– А кто же? Сам Тортошин? Из света в тень перелетая?..

Муромцев пожал плечами. Алексей сменил тему:

– Кстати, по поводу твоего запроса о возможности заражения «голубой кровью». Я так предполагаю, что вскрытие трупов с объекта на Лосином острове показало ее наличие в остаточной стадии? Коллагеновые волокна тоже?

– Ну да. Смекаешь правильно. Марк Соломонович мне что-то толковал насчет гематоксилина, но, я так понимаю, его используют лишь в работе над «биоматериалом», как он изволит выражаться. А у живых людей?

– Медь, – коротко отозвался Федосеев. – И я об этом тебе уже говорил позавчера утром, когда мы ехали на Лосиный остров. Либерзон прав, ни гематоксин, ни эозин тут ни при чем. Видишь ли, цвет крови определяется наличием в эритроцитах особого белка – гемоглобина. Артериальная кровь характеризуется ярко-красной окраской, что зависит от оксигемоглобина, насыщенного кислородом. А венозная почти всегда имеет синеватый оттенок. Вспомни цвет медного купороса.

– Ты что же, намекаешь, что они медленно, но верно превращались в осьминогов? – усмехнулся Муромцев.

– Нет, это вообще невозможно. Но вот что я тебе скажу. Слушай и не перебивай. Эти исследования начинал еще в позапрошлом веке русский профессор Ивановский. Он пытался обнаружить возбудитель различных заболеваний у растений, животных и людей. В том числе и «голубой крови». И открыл вирусы – новую форму существования жизни. Они в среднем в пятьдесят раз меньше бактерий и их нельзя увидеть в световой микроскоп, поскольку их длина меньше длины световой волны. Размеры вирусов колеблются от 20 до 300 нанометров. Потом это открытие сперли американцы Балтимор и Темин и получили за него Нобелевскую премию. Правда, они нашли в структуре ретровируса ген, кодирующий фермент, – обратную транскриптазу, катализирующую синтез молекул ДНК на матрице молекулы РНК...

– А покороче нельзя? И без обидных для моего уха слов, – перебил его Петр.

– Можно. Вирусы меняют цвет крови.

– Как это?

– На закате Советской власти исследования Иванковского были продолжены в лаборатории Тортошина. Меня там еще не было, как ты понимаешь. Илья Гаврилович, не будь дураком, также использовал наработки американских ученых, Словитера и Кларка. Все они, практически одновременно, создали перфторан «голубой крови». Это перфторуглеродный кровезаменитель. А почти все болезни в медицине связаны, в конце концов, с нарушением кровоснабжения. Чтобы тебе было более понятно, это насыщенная кислородом эмульсия, дыхательная смесь, позволяющая дышать в воде. В принципе можно полностью заменить кровь на перфторэмульсию.

– То есть, образно говоря, стать рептилоидами?

– Примерно так, хотя это и примитивно звучит. Вскоре и у нас, и у них стало очевидным стратегическое значение этих исследований. Ведь при любой войне, особенно ядерной, жизнь уцелевшего населения зависит не в последнюю очередь от донорской крови. Причем переливание в этих случаях должно быть массовым. А где взять столько крови? Ее сохранение – дело чрезвычайно сложное. К тому же она часто бывает заражена всякими вирусами. Вот тут-то и пригодилась бы голубая перфторуглеродная эмульсия.

– И что же, работа была свернута?

– Нет, просто в последние годы существования СССР все исследования засекретили, а любое упоминание о перфторане «голубой крови» разом исчезли из открытой печати во всех мировых СМИ. Но работа продолжалась, поскольку было еще много неувязок. Ведь кислородная емкость перфторэмульсии значительно ниже, чем в нормальной крови. И мелкодисперсные препараты довольно быстро выводятся из организма. Так что о переходе на полный бескислородный режим говорить еще рано. Но исследования ведутся до сих пор.

– У вас в лаборатории?

– У нас и в других подобных, – кивнул Алексей. – Они приближаются к стадии завершения. Думаю, это и интересовало того, кто залез в мой сейф. И заметь, я тебе государственные секреты выкладываю.

– Обойдешься. Но откуда все-таки у Гринева, Лепехина и Боброва взялись признаки «голубой крови»?

– Так вот, – произнес Алексей. – В нашем случае говорить о талассемии – заболевании крови, при котором производятся ненормальные формы гемоглобина, нельзя. Это заболевание крови, в том числе голубой, передается по наследству. Она разрушает красные кровяные тельца, а гены, связанные с белком глобина, изменяются и мутируют. Но тут, судя по всему, другой случай. Остается одно. Сера.

И Федосеев многозначительно замолчал, заглядывая в пустую рюмку.

– Не налью, – предупредил Петр. – Колись дальше.

– Есть такой препарат – альфа-суматриптан. Он разработан в нашей лаборатории при исследовании рептилий. На них, в первую очередь, и опробован. Содержит много компонентов сульфонамидной группы, но, в основном, серу. И вызывает сульфогемоглобинемию, при которой кровь приобретает голубой, иногда зеленый цвет.

– На людях тоже тренировались? – спросил Муромцев.

– Добровольцы всегда есть, – кивнул Федосеев. – Особенно, когда кушать нечего.

– Ты не только шантажист, но еще и циник.

– Так препарат же не смертельный, – возразил Алексей. – Ты нас совсем уж за концлагерных врачей держишь, что ли? При прекращении приема альфа-суматриптана кровь спустя несколько недель вновь обретает свой естественный цвет. Так что, даже если предположить, что людям на объекте в Лосином острове подбросили этот препарат, умереть от него они не могли.

– А где его можно достать?

– Есть пока только опытные образцы, в нашем институте, у Фуфанова, в моей лаборатории. Возможно, у Тортошина. Он начинал эти разработки, потом, с его уходом, они прекратились. И возобновились только в прошлом году.

Муромцев задумался, потом сказал:

– Хотя, смотря какая будет дозировка. Можно ведь и анальгином отравиться. А есть антидот у альфа-суматриптана?

– Текила! – засмеялся Алексей. – Но если серьезно, в ней действительно повышенное содержание меди, о чем, если ты помнишь, я указывал в файлах в разделе о «биохимии богов». Практически на ее кактусовой основе и разработан антидот. Видишь ли, природно голубокровным медь жизненно необходима для существования. А вот приобретенным – порой смертельно опасна. Но подобное лечится подобным. Поэтому, если тебе ввели лошадиную дозу альфа-суматриптана – жри медь, пока зубы не обломаешь. Или пей стаканами текилу.

Муромцев усмехнулся, но отложил это в памяти.

– И вот еще что, – добавил Федосеев, поднимаясь из кресла, – альфа-суматриптан обладает психотропным, нейротоксическим свойством. Вызывает на некоторое время изменение структуры головного мозга, нарушает вегетососудистую и нейроэндокринную регуляцию.

– Типа опьянения, что ли?

– Именно. И немотивированный страх. Ужас.

– А вот это уже ближе к тому, что мы ищем, – подытожил Муромцев, забирая со стола приготовленную для Сургутова папку.

ГЛАВА 10. ЗЕРКАЛА И ХОРОНЯГИ

Не заходя к себе, Муромцев первым делом спустился в лабораторию патологоанатомов. И услышал от доктора Либерзона то, что и ожидал.

– Более тщательный анализ всех трех биоматериалов, – едва взглянув на подполковника и не отрываясь от своей работы за длинным прозекторским столом с вытяжной системой, встроенной раковины и прочими причиндалами, пробормотал Марк Соломонович, – показал наличие в крови и тканевых волокнах диоксида серы, дитиокарбаминовых кислот и прочей дряни. Что характерно при сероуглеродистых отравлениях. Вот откуда взялась эта голубизна. Очевидно, им всем ввели какой-то препарат, блокирующий медьсодержащие ферменты.

– Я знаю, это альфа-суматриптан, – произнес Муромцев.

– А знаешь, так чего приперся? Работать только мешаешь! – осерчал Либерзон, укрепляя на «биомассе» череподержатель и берясь за стальной молоток с крючком. Рядом, на панели лежали всякие секционные ножи, бритвы, щипцы, ножницы и пилы, разного размера и предназначения.

«Просто мясницкая какая-то», – подумал Муромцев и содрогнулся. Вслух же сказал:

– А что вы знаете об этом препарате?

– Ничего. За всеми не уследишь, они каждый день появляются. Но думаю, что смерть наступила почти мгновенно, от токсического отека мозга. Это, кстати, подтверждает наши предварительные выводы. Вернее, картина при подобном отравлении сероуглеродами выглядит так. Вначале – яркая вспышка галлюцинаций, сопряженная с паническим выбросом энергии подсознания, жжение и резь в глазах, психомоторное возбуждение, затем – кома, коллапс и летальный исход в апopleксической форме. И все это практически мгновенно, ну, две-три минуты максимум. Так-то, мой юный друг. Иди отсюда.

– Иду, – согласился Петр Данилович, ввернув напоследок: – А у вас никогда не было так: вскрытие показало, что больной спал? – И увернулся от брошенного в него пинцета.

Поднимаясь на лифте, он размышлял: «С Чоховым и Гриневым более-менее ясно: этот препарат малыми дозами им мог вводить сам Тортошин или кто-то из его новых учеников и сподвижников. В целях эксперимента. Все равно, отработанный материал. Не жалко. Вот откуда у них это чувство ужаса при одном упоминании имени Профессора. Но и мне их тоже не жалко. Свое заслужили. Но Бобров и Лепехин? Значит, кто-то вынес альфа-суматриптан из института, а затем умудрился дать «попробовать» его всем троим на объекте. И вынести сложно, и незаметно ввести практически невозможно. Если исключить сотрудников института, то остается опять же только Тортошин. Или кто-то из его окружения. Но пробраться чужому человеку на объект – тоже исключено. Значит, был кто-то, кого Лепехин и

Бобров хорошо знали. Впустили. Он сидел с ними за одним столом, пил вино. Затем подбросил в бокалы лошадиную дозу альфа-суматриптана. Подождал, продолжая мило беседовать. А убедившись, что они впали в кому, спокойно стер с записи видеонаблюдения свое появление на объекте. Вот откуда это белое облачко в кадрах. Технически это несложно сделать. Но остаются еще зеркала...

Муромцев направился в конец коридора, где обитал Афанасий Никитич Бортников. Он встретил подполковника ироничной полуулыбкой, молча выслушал и произнес:

– Ну что ж, зеркала так зеркала. Помню, в прошлый раз ты интересовался рептилоидами.

– Я и сейчас ими занимаюсь, просто, как бы это сказать... Они у меня вдруг начали в зеркалах отражаться.

– Понимаю, Петя. Это бывает. Особенно, когда перетрудишься на ниве невспаханной шизофрении. Знаешь, какое лучшее средство от всех умственных невзгод?

– Знаю. Четыре стакана водки натошак. Желательно теплой.

– И обязательно джамбульского разлива, – согласился Бортников. – Там ее верблюжьей мочой разбавляют. Но есть и еще один способ. Это молчание. Уйди в себя, побудь некоторое время один. Болтливость вредит всему. А молчание излечивает все, даже саму жизнь. Но это если ты уж совсем решил выздороветь, то есть окончательно умереть.

– Да ну вас, Афанасий Никитич! Никогда не поймешь, где вы шутите, а где говорите серьезно.

– Потому меня здесь и любят.

– Любят, любят. Однако давайте не будем больше ни болтать, ни молчать. Времени у меня, да и у всех нас, я чувствую, все меньше и меньше. А третий способ излечиться от навязчивой паранойи – это заняться делом.

– Хорошо, Петя. Тогда так. Ты читал, конечно, книжку Моуди о его «видениях в зеркалах»?

– Обижаете. Я и читать-то не умею.

– Отлично. Чем ты мне особенно нравишься, так это умением врать с честными глазами. Введу тебя в краткий

курс зеркалологии. Начну с того, что сегодня психологи точно установили, что зеркало способно аккумулировать в себе как положительную, так и отрицательную энергию человека. Выступать в роли энергетического вампира для здоровых людей и источника мощной позитивной подпитки для больных. Дракула и доктор Айболит в одном лице. Одни самоубийцы, заглянув в зеркало, могут вдруг отказаться от своего намерения. Другие, вполне нормальные на вид, ни с того ни с сего пускают пулю в лоб. Зеркало, таким образом, само выбирает – кого подтолкнуть, кого остеречь.

Кабинет Бортникова был мал, но уютен. И просторен для мыслей.

– Но несмотря на все научные изыскания, для многих людей зеркало остается главным источником всего загадочного и мистического, – продолжал хозяин, попивая чаек. – Вот тебе несколько примеров. О загадочном зеркале, в котором Нострадамус видел события грядущих веков, впервые поведала перед смертью Екатерина Медичи. После того, как в 1559 году в точности сбылось предсказание Нострадамуса о смерти ее мужа – короля Генриха II – от удара копья в глаз, королева пригласила предсказателя в замок Шомон. Он приехал туда с «машиной будущего». Устройство ее было абсолютно недоступно ее величеству, но она запомнила какие-то колеса и вращающееся зеркало, каждый поворот которого соответствовал году. Королева спросила прорицателя, когда и какой смертью она умрет. Он ушел от ответа, сказав лишь, чтобы она опасалась Сен-Жермена. С тех пор королева ни разу не переступала порога своей резиденции в Сен-Жермене. Но к ее смертному ложу 5 января 1589 года был приглашен священник. Его имя было Сен-Жермен...

– Забавно.

– Нострадамус был не единственным обладателем такого зеркала – «дальновизора». Подобное устройство было у монаха Роджера Бэкона в тринадцатом веке, предсказавшего многие технические средства, которыми мы пользу-

емя сегодня. Были эти зеркальные приборчики и у царя Соломона, и у Леонардо да Винчи, и у других таинственных фигур прошлого.

– Ближе к современности, к Обама, – попросил Муромцев.

– Дойдем и до негроидов с псаками. В середине прошлого века наш астрофизик Николай Александрович Козырев создал специальную систему вогнутых алюминиевых зеркал, внутри которых, по результатам его исследований, меняется ход времени. Согласно гипотезе ученого, эти зеркала – они получили название «зеркала Козырева» – способны отражать и фокусировать «потoki времени», различные виды излучений, в том числе и от биологических объектов. А группа новосибирских ученых во главе с академиком РАН Казначеевым, работавшая с «зеркалами Козырева», получила феномены, которые пока никто не объяснил. Участник эксперимента профессор Александр Трофимов говорил мне, что все, кто входил в фокус этих зеркал, видели огромный поток символов – знаков, светящихся, как неоновые вывески... По его словам, это был миг истории, прорвавшийся в нашу пространственно-временную зону. И такие «прорывы» во времени и пространстве с помощью зеркал случались в истории не раз.

Афанасий Никитич встал и прошелся по кабинету, опираясь на костыль. Зеркала, как заметил Муромцев, в его кабинете не было.

– Наиболее таинственными среди ручных зеркал считались те, что делались в Китае и Японии. За необъяснимую способность показывать скрытое изображение их называли «волшебными». Отгадать тайну таких зеркал пытались многие специалисты: и китайские, и немецкие, и русские. Не получилось.

Бортников вновь уселся за свой стол, скрипнув протезом.

– И все же, наверное, самое таинственное из всех свойств зеркала – его странная ипостась «окна» во времени и пространстве. О ней знали жрецы ушедших цивилизаций. Естественная или искусственная водная поверхность,

отражавшая, как считается, поток невидимой энергии, использовалась в качестве зеркала в культовых местах Гималаев, Тибета, Африки и обеих Америк. Идем дальше. О магических черных «зеркалах Сатурна», а эта планета всегда ассоциировалась с темными силами и черным цветом, специалисты знают давно, но способы их изготовления известны немногим. Неизвестно даже когда эти зеркала появились в Европе. Считается, что секрет их изготовления завезли откуда-то с Востока. Утверждают, что эти зеркала и в самом деле обладали магическими свойствами. По рассказам очевидцев, с их помощью можно было наблюдать за событиями, происходящими за сотни и тысячи километров, видеть прошлое и будущее, рассматривать в лупу мельчайшие детали появлявшихся в зеркале предметов и рукописей...

Помолчав, маг и кудесник ФСБ продолжил:

– Есть зеркала, назначение которых остается тайной и по сей день. К ним относятся вогнутые «зеркала Тупу», найденные в захоронениях вблизи плато Наска в Перу. Диаметр до полуметра, зеркала эти изготовлены из тщательно отполированных металлов – золота, серебра, меди и их сплавов. Для чего они были нужны? Для передачи сигналов, ведь отраженный от них солнечный луч виден за несколько километров? Для магических целей? Или с их помощью жрецы получали те самые знания, что и сегодня поражают ученых своей точностью? Кто знает... Или тот же Бэкон. Он сделал два зеркала в Оксфордском университете. При помощи одного из них он мог в любое время суток зажечь свечу; в другом же вы могли видеть то, чем занимаются люди в любом месте земного шара.

Кабинет Бортникова был единственным местом во всем здании, где позволялось курить. Чем Муромцев и воспользовался, продолжая слушать:

– Большинство научных работ Бэкона до сих пор не опубликованы, но и то, что известно, поражает воображение. Этот монах за двести лет до изобретения пороха Бертольд Шварцем описал его состав и действие. Считают, что именно благодаря ему в 1287 году в Европе появились

очки. Но поразительнее всего то, что в своих сочинениях, изданных при жизни, Бэкон предсказал изобретение микроскопа, телескопа, самолета, телефона и другие открытия, которые были сделаны человечеством многими веками позже. Непостижимым образом он заглядывал на сотни лет вперед, видя в зеркале целые эпохи, сменяющие одна другую.

– Так в чем же особенность вогнутых и плоских зеркал? – спросил Муромцев.

Афанасий Никитич, раскуривая трубку, ответил:

– Те и другие отражают и усиливают видимые и невидимые энергии, в том числе и «тонкие» излучения человека. Но принципиальное отличие вогнутых зеркал – их фокус – то место в пространстве, где пересекаются отраженные лучи. Маги, колдуны и прочие мистики полагают, что вогнутость позволяет собрать в фокусе некий «астральный свет». Что фокус – это «узел вибраций эфирной среды», и если глаз человека находится в нем, то через некоторое время человек обретает способность к ясновидению. Судя по всему, подобными свойствами обладают и упомянутые «зеркала Козырева». Согласно его гипотезе, главный источник энергии во Вселенной – время. Все процессы в мироздании, в том числе и у биологических объектов, идут либо с выделением, либо с поглощением времени. Предложенная ученым специальная система вогнутых алюминиевых зеркал должна была фокусировать различные виды излучений. В том числе и главное из них – «излучение времени». А значит, и ту информацию, которую оно несет с собой из будущего. И из прошлого. Это был долгожданный ключ к загадочной ипостаси зеркала как окна в иное пространство и время, но Козырев скончался, не успев выяснить, что еще открывает этот ключ.

– А от чего помер?

– Спроси меня: а куда Тесла делся? Так они все и исчезают.

«Как Тортишин», – подумал Муромцев.

– Возможно, зеркала способны усиливать посылаемые человеком мысли, – добавил Бортников. – Тот же профес-

сор Трофимов рассказывал мне, что перед началом работы в зеркалах – минута в минуту – над зданием стал появляться светящийся объект в виде диска. Он исчезал, как только они прекращали работу. Так было семь раз. А дальше вообще начинались чудеса... Когда в момент подготовки к передаче мысленных образов они внесли в зеркала символ Рериха – «Знамя Мира», испытатель был отброшен неким силовым полем. Стало страшно. Его охватил ужас. И он до сих пор не берется трактовать причину этого.

«Ужас, как на объекте в Лосином острове», – вновь подумал подполковник. Бортников продолжал:

– Академик Казначеев полагал, что полученные феномены – это реакция информационного поля Земли на «внедрение» в него человеческих мыслеформ с помощью «зеркал Козырева». Тут возникает вопрос: какой же силой обладает информация, если она способна вызывать подобные физические явления? Что происходит в фокусе вогнутых зеркал, если на мысль человека, помещенного в него, начинает отзываться планета?

– И что?

– Ряд ученых полагают, что под действием наших излучений элементарные частицы Вселенной, как опилки в школьном опыте с магнитом, выстраиваются, создавая в пространстве неповторимый узор – отпечаток наших эмоций и мыслей. Расстояния здесь не играют роли. Не в этом ли и секрет «сообщений», которыми, как телеграммами, обмениваются за тысячу километров монахи высокогорных монастырей в Тибете и Гималаях, о чем писал в своих дневниках Николай Рерих? Даосы и сегодня способны одновременно оказываться в нескольких местах сразу. Повидимому, посылая в качестве мыслеформы образ своего фантомного двойника.

В кармане Муромцева затрезвонил мобильник.

– Петр Данилович, где же вы? – услышал подполковник голос Рината Губайдулина. – Все собрались, вас только и ждут. Что ребятам сказать?

– Ты же теперь мой начальник генштаба, придумай сам что-нибудь. А вообще-то я еще вчера утром всем дал пер-

сональные задания. Пусть не бездельничают. А я тут от вас в двух шагах, скоро подойду. Еще немного в зеркало посмотрюсь, дерматит замучил. Все, отбой.

Курс «зеркалологии» продолжался. Афанасий Никитич любил поговорить:

– Само название «амальгама» изначально имело эзотерический смысл. Разъяснить его проще всего через метафору зеркала, как отражение всего мироздания, своеобразного микрокосмоса... Кстати, – помолчав немного, добавил Бортников, – твой подопечный, Тортошин, интересовался этим свойством зеркал.

– А вы разве были с ним знакомы? – удивился Муромцев.

– Дружили даже. Правда, он чуть постарше меня, года на два-три. Мы ведь в одну школу ходили, потом я вслед за ним на биофак поступил... Да уже лет тридцать, как наши пути разошлись. Но продолжу. Теперь современный человек воспринимает зеркало как обычный предмет интерьера. Но сможет ли нынешняя наука объяснить нам, почему и сегодня, как и много веков назад, что-то удерживает нас перед зеркалом, завораживает и не отпускает? Почему, чем дольше стоишь перед ним, тем более незнакомым тебе кажется собственное отражение?

– Я в зеркало не заглядываюсь, поэтому ответить на ваш вопрос, Афанасий Никитич, не смогу.

– А вот эзотерики часто говорят о том, что зеркала отражают сознание и «тонкую сущность» человека, а также открывают канал связи с информационным полем Земли. Из всех живых существ только человек способен узнать в зеркале собственное отражение и отождествить это отражение с собой. Эта способность формируется у ребенка в возрасте нескольких месяцев.

– Зеркало может убить? – спросил Муромцев, хотя и без этого ответ был ясен.

– Не исключено, – ответил Бортников. – Ведь существует же известный с древности закон, который сегодня стал основным в новой науке об энергоинформационном обмене в природе – эниологии: «Если предметы соприкасались

друг с другом хотя бы однажды, невидимая связь между ними остается навсегда».

– Тут, пожалуйста, поподробней, Афанасий Никитич.

– Речь о так называемом парадоксе Эйнштейна – Подольского – Розена. ЭПР-парадокс. По существу, именно об этом «магическом» взаимодействии говорит и теорема, которую в 1965 году сформулировал доктор Джон Белл. «Теорема Белла» утверждает, что между двумя частицами, когда-либо находившимися в контакте, существует некая нелокальная связь. Эта теорема, бросившая вызов классической науке, была тщательно перепроверена известным физиком Бомом. Вывод был однозначен: теоретической ошибки в ней нет. Но наука требует экспериментальных доказательств. И подтверждения прямо-таки мистической связи, существующей во Вселенной, не заставили себя ждать. Был обнаружен и неоднократно повторен эффект, которому никакого разумного объяснения, кроме как торсионного или «метафизического», пока найти не удается.

– Что за «эффект»?

– Выяснилось, что между «осколками» одного и того же атома, расщепленного с помощью сильнейшего магнитного поля, продолжает сохраняться мгновенная и не зависящая от расстояния информационная связь! Другими словами, каждая микрочастица постоянно знает, что происходит с ее «родной сестрой». Подобное явление было обнаружено и у фотонов, разделенных с помощью специальной системы зеркал...

Муромцев внимательно слушал, а сам думал о Тортошине. А Бортников продолжал:

– Точно так же образуется и незримая связь между человеком и предметами, с которыми он соприкасался. Что представляют собой эти «невидимые нити», пока остается загадкой. Хотя гипотезы существуют. Сегодня, например, все чаще высказывается мысль, что «незримые нити», как и наше сознание, имеют торсионную природу, и что именно торсионные поля являются носителями информации, исходящей от любого объекта живой и неживой природы. Чаю хочешь? – спросил он вдруг.

– Пил уже. Слушаю вас дальше.

– В этих направлениях сейчас ведутся, хотя особо и не афишируемые, но интенсивные исследования. Дело в том, что эти предметы не только помнят «родное» поле их хозяина, но и постоянно «отслеживают» его (хозяина). И если человек с предметом общался долго, «ниточка» эта будет очень «толстой» и прочной – как канат. С помощью таких «информационных нитей» даже через много лет по вещи можно «подключиться» к ее бывшему владельцу. И не только узнать о его сегодняшнем состоянии, но и воздействовать на него. То же самое относится и к информационному взаимодействию предметов неживой природы. Они тоже «привыкают» друг к другу и «чувствуют», что происходит с «родственной им душой».

После минутной паузы Афанасий Никитич сказал:

– И особенно впечатляет, когда дело касается зеркал.

– Да уж, – согласился Муромцев. – Ладно, побегу. Но я к вам сегодня еще загляну. Надо бы поговорить о Тортошине.

– Заходи, Петя, заходи, я тебе всегда рад. Двери моего хранилища тайных знаний для тебя открыты всегда.

– Спасибо, Никитич, но только вы их хоть иногда запирайте, чтобы не унесли чего. А то ходят тут всякие, за всеми не уследишь...

Влетев в свой кабинет, Муромцев застал там только Губайдулина и Кареева. Они играли в шахматы.

– Остальные за пивом пошли? – спросил Петр Данилович, моментально оценив позицию и переворачивая доску. Фигуры разлетелись по столу. – Значит, так. Тебе, Леня, надо срочно заняться списком Федосеева. Там всего-то человек десять. Тех, кто позавчера работал в ночную смену. Начинать поочередно их опрашивать. Хотя, думаю, это пустой номер. Но для профилактики...

Сам он уже начал названивать кому-то по мобильному.

– Вот дурной... – проворчал Кареев. – Такую комбинацию сорвал. Ринату через пять ходов мат.

– Ничего, я расположение фигур запомнил, – отозвался Муромцев. – Вечером доиграете.

– А на каждый мат есть другой мат, – сказал Губайдулин. – Автомат. Еще более быстрый.

Они заспорили.

– Ну вы, матерщинники, – остановил их Муромцев. – Рассказывайте, кто где. И почему. Погодите... – он, наконец, дозвонился: – Арсений, ты когда заступил на охрану государственной границы? Какой-какой!.. У тебя теперь только одна граница, с которой глаз не спускать. Больше никаких колес за вами не было? Ясно. Ждите Кареева, пусть Федосеев вызовет всех «ночных» и соберет их где-нибудь в актовом зале. Я позже сам подскочу. Всё.

Он посмотрел на Леонида и добавил:

– Вот что меня смущает. Алеша ко мне приезжал ночью, а за ними какой-то «хвост» волочился. Арсений заступил к нему на охрану тела только вчера утром. Проникновение в кабинет и сейф Федосеева произошло позавчера ночью. После «Элефанта».

– И какая тут связь? – спросил майор.

– Погоди.

Муромцев вновь начал кому-то дозваниваться. Попутно сказал:

– Связи пока нет, одни обрывки. Но думаю, что кто-то отслеживает все передвижения Алексея. И неплохо бы усилить его охрану. Это у нас теперь самый незаменимый кадр, последний из реальных учеников Мориарти. Надо к нему еще Трынова с Капустиным приставить. Пусть один из них теперь днюет и ночует в Институте биологии и генетики. Однако вот вопрос: что делал сам Федосеев, когда покинул «Элефант». Когда, кстати?

– Думаешь, я помню? Никто ничего не помнит, все были в дым. Хорошо еще, что Леша сумел самостоятельно до дома добраться.

– Это точно, – кивнул Губайдулин. – Мама мне всегда говорила, что пить вредно.

– Да вам, татарам, и Коран алкоголь запрещает, а ты с нами, пьяницами, спутался. Так куда все подевались?

– Моряк оформляет документы, готовится к вылету на Украину, Ломидзе – в Сухум, Аршак – в Ереван, Орошенко с Трыновым и Капустиным изучают российские монастыри, Штокман работает на Рогожском кладбище, там самая мощная община старообрядцев... – стал докладывать Ринат.

– Что, прямо за кости мертвецов трясет? – не удержался Кареев.

– Погодите, – махнул рукой Муромцев и сказал в трубку, почти нежно: – Ира, ты прости, что я вчера не смог приехать, вызывали в налоговую полицию, застарелая тяжба с алиментами. А тут еще каких-то детей на меня навесили. Но ты жди, ужин из «Праги» с плиты не снимай. Пусть греется. Целую.

– «Целую», – передразнил Кареев.

– Хорошие у вас отношения, – одобрительно сказал Губайдулин. – Почти как у меня с моими четырьмя женами. Дальше: Серега Кузнецов продолжает отслеживать все электронные контакты Тортошина и Егоршина, но пока безрезультатно. Как в воду канули. А вот Толя Родионов продвинулся. Только что звонил: выяснил, кто был духовником у Егоршина. Сейчас работает с ним.

– Отлично, – потер руки Муромцев. – Анатолий докопается. Поэтому срочно звони всем и все отменяй. Пусть возвращаются обратно. Нечего нам распыляться. Все силы теперь нужно собрать в кулак. А я – к Сургутову. Леня, ты еще здесь? – Он с изумлением посмотрел на Кареева.

– Уже нет.

Они вдвоем двинулись к двери, но Ринат успел сказать вдогонку:

– Петр Данилович, я ходил в кадры, но мне личное дело генерала Буданова не выдали.

– Это почему же еще?

Оба обернулись.

– Засекречено.

– Кем же?

Губайдулин закатил голову вверх.

– Так и сказали?

– Нет. Сказали покрепче.

Муромцев толкнул локтем в бок Кареева.

– Тебя это не наводит ни на какие размышления?

– Нет, не наводит, – ответил тот. – Это же обычная практика. Какой-то старлей будет запрашивать архивные дела звездного генерала, пусть даже бывшего. Нонсенс. Да там на каждой странице государственная тайна. А тебе всюду Тортошин мерещится. Лечи голову.

– Может быть, может быть, – задумчиво кивнул Муромцев. – Но пусть уж лучше мерещится, чем выскочит откуда-нибудь в виде рептилии.

Через пять минут он уже сидел в кабинете Сургутова. Туда же через некоторое время были вызваны и все три зама начальника спецотдела «Ф». Генерал успел вкратце ознакомиться с докладной запиской Муромцева, ничего не сказал и отложил ее в сторону. Только головой покачал. А когда вошли полковники, произнес:

– Итак, Осипенко сейчас занимается Внешняя разведка. Все сопричастные к этому делу, которых назвал бандеровец, выявлены и за день-два будут взяты.

– А не оборвутся ли ниточки? – спросил Рогов. – Не лучше ли вести их и дальше?

– Нет, вопрос этот решен. Кроме того, резидент нам известен – Дональд Ли Хадсон. Но он вне пределов досягаемости.

– Почему? – задал вопрос Тарута.

– Дипломатическая неприкосновенность. Это раз. Оказывается, помимо того что он является вице-президентом транснациональной корпорации «Blue light» и штатным сотрудником АНБ, так еще и атташе по культуре посольства США. А второе – он вообще вчера вечером срочно покинул Москву. Очевидно, сведения о задержании Осипенко до него дошли мгновенно.

– Перестраховался, – сказал Смышляев.

– Чтобы перегруппироваться и перезагрузиться, – произнес Рогов.

– И даже не попрощался, – добавил Тарута.

– Ничего, главное, чтобы не забыл поздороваться при встрече, – завершил вступительную часть Муромцев.

– Теперь все наше внимание должно быть сосредоточено исключительно на профессоре Тортошине, – продолжил Сургутов. – Докладывай, Петр.

– Да мне пока ничего конкретного сказать нечего, – подумав, отозвался тот. – У меня есть некоторые предположения по поводу местопребывания Тортошина, но высказывать их еще рано. Я вообще не уверен, жив ли он или уже нет? Исследования его практически завершены, а если нет, то остальное доделают американские ученые. Биологи, химики и генетики. Зачем он вообще нужен?

– Нужен-нужен, – возразил Смышляев. – Вспомните сбежавшего на Запад Алибабаева. Или Парашникова. Они там очень даже пригодились. Отыгрывались до конца, пока из них все соки не выжали.

– А ну-ка, напомни, – попросил Сургутов. – Ты же у нас биооружием занимаешься.

– Пожалуйста. Перед самым развалом Советского Союза у нас начались проблемы. А впрочем, они начались еще раньше и у всех стран, особенно после того как японских военных во время Второй мировой поймали на разработке и испытаниях чудовищного биологического и химического оружия. После войны уже ни одна страна не брала на себя смелость признаться в существовании в своем арсенале такого вида оружия. Тем более в его совершенствовании. Однако почти каждая этим занималась и занимается до сих пор. И неустанно подозревает в том же своих предполагаемых противников. А это дает повод к различным санкциям. А то и к прямому военному вмешательству.

Он помолчал, оглядывая собравшихся.

– Так вот, никто никогда не признается, что ведет разработку биологического или бактериологического оружия. Средства защиты от него – да, это пожалуйста, но не наступательную программу. А в конце восьмидесятых годов – начале девяностых вдруг выясняется, что Советский Союз активно работает в этом направлении.

– Тоже мне, секрет Полишинеля! – хмыкнул Рогов. – А в Штатах, в Великобритании, в Израиле – нет, что ли?

– Конечно, везде, – кивнул Смышляев. – Даже после подписания в 1972 году всеми странами Конвенции о запрещении подобного вооружения и исследований в этой области. В США, например, только в рамках собственно министерства обороны, а это уже три ведомства – армии, ВМС и ВВС, имеется командование медицинских исследований и разработок и целый ряд подчиненных структур, на которые возложена реализация программ биооружия. Перечислю лишь некоторые, головные: Аэромедицинская научно-исследовательская лаборатория, Научно-исследовательский институт Лэттермана, Институт Уолтера Рида с филиалами в Малайзии, Кении, Таиланде и ФРГ и прочие.

– Переходи к сути, – потребовал генерал.

– А суть в том, что свои кадры-то они готовят, но и чужим добром не брезгают. Таким «добром» оказались для них Алибабаев и Парашников. Оба были ведущими специалистами в этой области.

– Вроде Тортошина, – добавил Тарута. – Не сомневаюсь, что они даже приятельствовали.

– Ясно дело, – сказал Рогов. – В одном борще варились.

– Конечно, – согласился Смышляев. – Тем более что Парашников в те годы как раз возглавлял Институт биологии и генетики. Но Парашников в 89-м году «ушел» на Запад. А через год вслед за ним последовал и Алибабаев. Последняя фигура наиболее значительная и интересная. Казах по национальности, военный медик, полковник, умнейший специалист. Тогда его звали Катаджан, теперь, на американский манер, – Кен. Эта перелетная птичка была № 2 в иерархии, возглавлявшей осуществление программ создания биологического оружия для советских Вооруженных Сил.

– А номер один кто? – спросил Тарута. Ответил ему Рогов:

– Вот когда сбежит, тогда и узнаешь.

Смышляев продолжал:

– Нами было выяснено, что допросами Алибабаева в ЦРУ занимался сам Билл Патрик, который руководил аналогичными программами США в те годы. Катаджан рассказал ему все в деталях. О полигонах, о лабораториях, о стратегии, о концепции, обо всех составных частях программы возможной биологической войны. Патрик тогда сказал буквально следующее: «Когда я выслушал этого парня, меня обуял страх».

– Что ж, – усмехнулся Тарута. – Страх нагонять мы умеем. Хоть за это Катаджану спасибо.

– Да, но затем последовало закрытие всех наших полигонов, свертывание программ и ликвидация наиболее засекреченных управлений Генштаба, – подытожил Смышляев. – Но это уже благодаря Ельцину.

– Разумеется, без воли политического руководства тут не могло обойтись, – вставил Рогов. – Что значат два перебежчика, пусть даже и высшие номера в иерархии? Тьфу, и растереть. Собаки лают – караван идет.

– Но ведь исследования продолжаются? – спросил Муромцев.

– А ты как думаешь? – хитро прищурился Смышляев. – Закрывать-то закрыли, но... Свято место пусто не бывает.

– Я думаю о том, каким боком ко всему этому привязан Тортошин?

– Обоими боками, – отозвался Сургутов.

– Ищи и обрящешь, – усмехнулся Смышляев. – Нет, действительно, тут много странного. Вот смотрите.

Он показал газету «Коммерсант».

– Сегодняшний номер. Крохотная заметка. Я своими словами: Кен Алибабаевич неделю назад прилетел в Москву. Соскучился? Или решил, что все всё забыли?

– Или для встречи с Тортошиным, – предположил генерал.

– Допустим, – сказал Смышляев. – Неизвестно, состоялась ли их встреча или нет, но вот вчера вечером Катаджан Алибабаев скоростно скончался в своем номере-люкс в отеле «Арабат Парк Хаятт». Сердечный приступ. В Америке у него сердце нормально работало, а тут...

– Это мы умеем... – вновь усмехнулся Тарута. – Не только страх нагонять.

– Да нет, – возразил Смышляев. – Думаю, тут как раз Хадсон постарался. Не зря столь быстро отчалил из России. Что-то у них пошло не так.

– Мы слишком близко подошли к Тортошину, – высказал предположение Рогов.

– Возможно, – Сургутов забарабанил по столешнице костяшками пальцев. Это был признак того, что он обдумывает какое-то важное решение.

– А не успел ли он и нашего Профессора кольнуть? – засомневался Тарута. – И Петр прав? Не ищем ли мы покойника?

– А ведь и Егоршин в своей предсмертной записке дал понять, чтобы тело его не искали, – добавил Рогов.

Непродолжительное молчание нарушил Смышляев:

– Но и это еще не все. Четыре дня назад в Лондоне точно так же, скоростно скончался Парашников.

Последовала еще одна пауза, сопровождаемая стуком костяшек.

– Итак, господа полковники, каковы будут ваши предложения? – спросил, наконец, Сургутов.

– Поскольку я всего лишь подполковник, вопрос не ко мне, – отозвался Муромцев.

– Нет, именно в первую очередь к тебе, – возразил Василий Семенович. – А полковником или даже генералом ты еще станешь, считай мой вопрос авансом.

– Хорошо, тогда отвечу. Вы же читали мою докладную записку о рептилоидах. Тортошин, на мой взгляд, в одиночку или при содействии корпорации «Blue light» вышел на финальную стадию проектов «Рептилии» и «Голубая кровь». Что дальше? А дальше вот что...

Он вдруг замолчал, хотя хотел сказать еще очень многое. И об альфа-суматриптане, и о магических зеркалах, и о тайнах древности, и о загадках современного мира. Но рассказ получился бы слишком запутанным и долгим. А тут еще за окном с видом на Лубянку вдруг нарисовалась расползающаяся, как тесто в квашне, физиономия Мориарти,

грозящая ему толстым пальцем. Поэтому Муромцев просто развел руками.

– Что означает сей жест? – хмуро спросил Сургутов.

– А то, что все мои слова, даже самые весомые, сейчас будут всего лишь сотрясанием воздуха. Я должен сам для себя уяснить конечную цель Профессора. Досконально изучить его психологический портрет. Стать на некоторое время им самим. Понять, что им движет. И, собственно говоря, я уже близок к этому. Надо еще немного, чуть-чуть подождать. Пока я не самоопределюсь.

– Эх загнул! – разочарованно произнес Тарута. – Так-то и мы умеем. Сотрясать воздух.

– А сколько ж тебе надо времени? – спросил Рогов.

– Не знаю, – ответил Муромцев. – Это ведь бывает как озарение. Вспышка в мозгу – и все вдруг становится предельно ясным.

– Ну что, дадим ему еще неделю? – обратился Василий Семенович к полковникам.

– Скоро Новый год, – напомнил Смышляев. – Хлопоты, то, се. Дадим пять дней.

– Тогда прошу подключить к моей группе еще и Афанасия Никитича, – сказал Муромцев.

– Эх хватил! – вновь выразился Тарута. – Генерал-майора, пусть даже болтающегося лишних десять лет без дел, «подключить» к подполковнику! Так не бывает.

– Бывает-бывает, – возразил Сургутов. – Ну и что, что Афанасий Никитич далеко запенсионного возраста? Он хоть и птица свободного полета, но человек незаменимый. Особенно в нашей работе, полной мистических тайн. Да и Муромцев «подпол» временный. У Директора уже лежит на столе подписанное мной представление на повышение его в звании. Так что в январе, Петя, или даже до Нового года – готовь нам столики в «Элефанте».

– Но это уже зависит от того, как он завершит дело, – проворчал Тарута. – Может быть, наоборот, одну звездочку скинут.

– А все равно обмоем, – произнес Муромцев. – Был бы повод.

Поскольку ни у кого возражений не последовало, Сургутов подытожил:

– Тогда заканчиваем совещание, все свободны. А ты, Петр Данилыч, еще ненадолго задержись.

Когда они остались вдвоем, генерал дружески спросил:

– Как у тебя с Ириной Будановой?

– Ничего, нормально, – не ожидая такого вопроса, несколько растерянно ответил Муромцев.

– Это хорошо. Но я не про любовный фронт, а про ее возможную связь с Тортошиным.

– Мы на этом направлении работаем, – сухо добавил генерал. – Чувствуешь цепочку: Катаджан – Тортошин – Буданова – далее... что и кто? Пусть тебе любовь глаза не застит. Я тебя почти по-отечески предупреждаю. Пойми правильно.

– Понимаю, Василий Семенович, но за меня можете быть спокойны.

– Я знаю. На тебя вся надежда, если уж совсем откровенно. Эти... видишь, к Новому году уже готовятся... На стол посуду расставляют. А Новый год-то может и не наступить. Я в фигуральном смысле. Но мы это с тобой понимаем. Какую поддержку тебе еще обеспечить?

Подумав немного, Муромцев сказал:

– Дайте мне допуск к личному досье генерал-лейтенанта Буданова. И к засекреченным архивным делам, которые он вел в последние годы.

– Зачем тебе?

– Так. Хочется.

– Но это решаю не я, а директор. А может, кто и повыше. Хорошо, попробую.

– Тогда все. Могу быть свободным?

– Пока не женишься, – ответил на это Сургутов, улыбувшись.

Перекусив в «Элефанте», Муромцев поспешил к Бортникову. По пути он размышлял о том, что вечерний разговор с Ириной выпадет, конечно же, не простой. Как повернуть его так, чтобы и ее не обидеть своими подозрениями, и

добиться правды? Сейчас Петр отчетливо понимал, что это единственная женщина, к которой он стремился всю жизнь и которая предназначена ему судьбой. Но что если именно она – один из главных фигурантов в этом деле? Что тогда?

Ответа на этот вопрос Муромцев не знал, вернее, просто отмахивался от него. Будь что будет. А вот на те вопросы, которые подполковник начал задавать Афанасию Никитичу, разъяснения последовали четкие и ясные:

– В сфере интересов Илюши еще в школе, а позже и в университете лежала вся область непознанного. Но он не скапливал в себе всяческие бульварные небылицы, а останавливался только на иррациональном, не поддающемся научному объяснению. Отделял шелуху от плевел. А что такое наука в строгом смысле? Это не одни только факты, теории, эксперименты, гипотезы. Это еще и метафизический ключ к кладезю всех чудес жизни, загадочных природных явлений и всей скрытой от глаз человеческой истории. Иные ученые отрицают все, что выходит за рамки традиционных схем и формул, другие же ищут именно сакральных знаний, которые они используют во благо науки. К мирозданию нужно подходить только с мистическими матрицами. Попытаться познать мир можно, лишь опираясь на замыслы Творца и его истины. Вот потому он продвинулся так далеко.

– Тортошин был верующим человеком?

– Вряд ли. По крайней мере, на эту тему мы с ним разговаривали редко. Да мы об этом и не задумывались. Но он считал, что в основе всего мироздания стоял Абсолютный Конструктор.

– Первичный, – поправил Муромцев, вновь вспомнив давний разговор с профессором Геррелзом.

– Не помню, может быть, он называл его и так. Но какая разница? Суть от этого не изменится. Главное, что в его планы входило создание человечества.

– Вы правы.

– И оно появилось. Но, как считал Илюша, не таким, как задумывалось. Поэтому требуется еще как следует пора-

ботать над этим биоматериалом, скорректировать его или вообще изменить структуру. А то и дать дорогу новым сущностным видам. С иным духовным и физическим обликом. Мы же с ним были биологи, генетики. Все вертелось вокруг этого. А что от нас надо? Да всего лишь помочь этому Первичному Конструктору. Скажу больше: он всерьез считал себя одним из его самых прилежных учеников.

– Вот даже как! – усмехнулся Муромцев.

– Да. И ничего смешного в этом не вижу. Я вот одно время считал себя вторым воплощением монаха-генетика Менделя. И незаконнорожденным сыном Мичурина от преступной связи с бабушкой Вавилова.

– Да вы опять шутите.

– Шучу, конечно. Но те идеалы, на которые мы опираемся, которые выбираем как примеры в жизни, говорят только о нашей строгой взыскательности и высоте цели. Посмотри: что бы было, если бы Тртошин выбрал себе в кумиры Лысенко? Да ничего! Сгорел бы дотла. А так – Первичный Конструктор, Бог, Творец Вселенной. Чуешь разницу?

– Чую. У вас чайник кипит. Налейте и мне, что ли. А не был ли Тртошин знаком с американским профессором Эллсвортом Геррелзом? Припомните.

– А мне и припоминать не надо. Был, конечно. Он приезжал к нам в университет с лекциями. Более того, для узкого общения с ним выбрали лучших аспирантов. Я туда не попал, но Илюша сидел с Геррелзом за одним столом. И потом, насколько я знаю, общались, встречались и переписывались.

– Мне Геррелз тоже показался весьма значительной и интересной личностью. Я ведь с ним также сподобился пообщаться. И он мне еще двадцать лет назад сказал, что новые существа, грядущие прийти в мир, – рептилоиды. Это, конечно, условное обозначение. Не следует понимать буквально. Или что мы сами обростем чешуей, хвостами и щупальцами. Но вот именно придут другие, с иным духовным и даже, в какой-то степени, физическим обликом. Не отсюда ли эти трртошинские проекты «Рептилии» и «Голубая кровь»? И все его исследования в области таин-

ственного? Нефилимы, драконы, зеркала и прочее? Это не хобби, не увлечения, здесь научный расчет. Поиск истины.

– А ты как думал? Илюша никогда не терял время даром. А кстати, о рептилоидах он говорил еще в студенческие годы. И одним из первых в СССР, по крайней мере, в молодежной среде, подметил одну странную особенность этого зиккурата на Красной площади.

– Вы имеете в виду Мавзолей?

– Да. И неких загадочных типов, помещенных в урны в Кремлевской стене.

– А поподробнее?

– Сейчас скажу.

Бортников разлил крепкий чай, себе – в оловянную кружку, гостю – в стакан со старым жестяным «железнодорожным» подстаканником. Муромцеву и так все последнее время казалось, что он куда-то движется, непонятно зачем, откуда и куда, успев вскочить на полустанке в последний вагон незнакомого поезда, а теперь эффект еще больше усилился. Сейчас вот сидел с интересным попутчиком и слушал его байки.

– То, что это оккультное сооружение, сомнений не вызывает, – начал Афанасий Никитич. – Создано оно по технологиям вавилонских халдейских жрецов. И стоит на географической долготе Междуречья, что предполагает при его построении использование принципов вавилонской геомантики. В нем магическое число ступеней – семь, а мрамор привезен не откуда-нибудь, а из Ирака, то есть с территории Древнего Вавилона. Может быть, и «камешки» специально подобрали из разрушенной Башни Нимрода. А сам зиккурат нацелен на сбор психической энергии людей.

Они оба закурили, Бортников – трубку, Муромцев – черную сигарету «Капитан Блейк».

– К слову, если верить так называемым «контактерам» – людям, общающимся с «космическими голосами», в космосе существуют целые формации таких энергетических вампиров. Можно по-разному относиться к ченнелингу* и

---

*Ченнелинг – способ коммуникации с так называемым Высшим Разумом.

занимающимся им людям. Можно даже считать их сумасшедшими. Однако странно, что десятки, если не сотни, совершенно не знакомых друг с другом «сумасшедших» говорят практически одно и то же: есть цивилизации-паразиты, стоящие за некоторыми НЛО, которые выкачивают из людей психическую энергию. А летающие черные пирамиды – «из той же оперы».

– Что за «черная пирамида»?

– Окультистам давно и хорошо известна эта штуковина, которая названа так не за свой цвет, а за более сильное «откачивающее воздействие», – пояснил Афанасий Никитич. – Она имеет три грани, то есть является правильным геометрическим тетраэдром. Именно такая, то есть трехгранная пирамида, и наблюдалась над Кремлем 11 декабря 2009 года. Этим фактом был забит весь Интернет, но через день все удалено и стерто... А теперь, в связи с этим, снова о Мавзолее. Принципов действия зиккурата несколько, и они достаточно просты. Илюша еще в наши студенческие годы полагал, что зиккурат является своего рода порталом, вратами, которые связаны с неким темным пространством. А через этот портал приходят в наш мир некие демонические силы.

– А не опасно ему было выражать такие взгляды в то время?

Бортников лишь пренебрежительно махнул рукой. И пояснил:

– Я сам его в то время курировал и прикрывал, поскольку уже тогда служил в «Конторе». А позже, устроившись в Институт биологии и генетики, он и сам стал получать в нашем заведении зарплату. А как же иначе? К такому Институту, находящемуся под эгидой одновременно КГБ и пятнадцатого Управления Генштаба, постороннего человека на пушечный выстрел не подпустят... Так вот, согласно взглядам индуистов, такие пространства переполнены демоническими сущностями. Об этом же говорят, кстати, христианские и мусульманские источники. Речь идет о многих миллиардах таких существ. Представляется, что они имеют ментальную природу и, соответственно, влияют

на человека, на его сознание, подсознание и душу. Они получают подпитку от нарушений, которые вносят во внутреннее ментальные процессы людей. Это что-то подобное компьютерному вирусу, только гораздо сложнее.

– А если принять эту версию за основу, – продолжил его мысль Муромцев, – то понятно, почему в центре Москвы стоит вавилонское сооружение с мумифицированным по каким-то каббалистическим рецептам трупом.

– Верно. Это оккультная «машина», задача которой выкачивать из людей психическую энергию и одновременно зомбировать их. По крайней мере, так было в те времена.

– А черная пирамида над ним шесть лет назад?

– Вполне возможно, что этот пирамидальный объект висит над зиккуратом постоянно, – ответил Бортников. – Но находясь в некоем «смещенном» измерении, ранее не был видим. Возможны и другие объяснения, например – попытка защиты зиккурата его истинными создателями и хозяевами. Теми же рептилоидами. Конечно, тут можно посмеяться, но в дальнейшем, если принять эту гипотезу всерьез, будет не до смеха. И, наверное, надо уметь смотреть на мир незашоренными глазами, а пытаться расшифровывать тайные знаки, которые показывает нам время. Или последние времена. Как умел и умеет это делать Тортошин.

– Я заметил, что вы всегда упоминаете его имя с уважением.

– Конечно. Он же мой друг, пусть и бывший. А уж гениальность ни у кого никогда не вызывала сомнений. И вот что еще добавлю. Конечно, пока рано делать окончательные выводы, но уже можно сказать точно – на планете начались события, которые можно назвать древним словом «светопреставление». Украина – это только начало конца. То, что произойдет дальше, – будет стократ хуже фашизма. Слова этому еще не придумано. Может, Илюша знает?

– Может. А урны в Кремлевской стене? – напомнил Муромцев.

– Сразу скажу, что там есть очень достойные, великие даже люди, но есть и... странные. Это также подметил Тор-

тошин. Дело в том, что в оккультной традиции вавилонских халдеев существовала практика ритуальных убийств вождей, выработавших свой срок. Потом их солили, перчили, выдерживали в рассоле и масле, как грузди. Затем изготавливали золотую пластинку, на ней писали имя и клали ее под язык труп. К слову, ВИЛ, то есть Владимир Ильич Ленин – это имя одного из демонических богов Вавилона. А что касается праха в урнах...

– Да, поближе к праху.

– Вот, например, «товарищ Артем», приехавший из Австралии и якобы убившийся при испытании некоего непонятного транспортного прибора. А действительно ли погиб и в самом ли деле после катастрофы был найден его труп? Это вопрос, который даже нам в КГБ в свое время не удалось выяснить... Или загадочный Абаковский-Абаковскис. Кто таков? Говорят, автор взорвавшегося гиперболоида. Не повезло, не на ту кнопку нажал. А откуда он вообще взялся?.. Еще один «хороняга» – приехавший из США в Мурманск – «товарищ Алексеев». Сведения о нем самые расплывчатые. Но захоронен он, естественно, на Красной площади. Да есть там и другие, сходи, полюбуйся. И может мне, старику, скажешь, кто они все такие и откуда взялись? Уж не рептилоиды ли?

Муромцев молчал, продолжая глядеть в окно.

– А сколько таких бродит и сейчас среди нас? – усмехнулся Бортников. – Ты присмотришься внимательней. Даже по внешним признакам вызывают недоумение. Вспомни покойную Новодерскую, которая гнила заживо в палате гнойной хирургии. Пятку, видите ли, боялась у докторов лечить. Самостоятельно собственной мочой смачивала.

– Да будет вам. В каждом человеке есть признаки какого-то животного. Дело же не в этом.

Бортников сменил интонацию, заговорил серьезно:

– Ты прав. Я думаю, а в этом меня убедил Тортошин, что всегда был кто-то «иной», «иные», кто правил тогда и правит миром из-за закулисья до сих пор. А их корни – из Древнего Вавилона и еще более глубоких слоев.

Некоторое время они оба молчали.

– Чего же они прячутся, хороняги эти? – усмехнулся Муромцев.

Бортников подытожил:

– Эта группа, хотя и обладает с точки зрения простых людей, невероятной силой, крайне малочисленна. Они – избранные. Но не в библейском, а в оккультном смысле. Демаскировка для этих «существ», вероятно, весьма нежелательна и неприемлема. Вполне вероятно, что в таком случае может ослабнуть контроль над сознанием всей людской массы. Мы не знаем, сколько в мире «скрытых», «избранных», насколько далеко простирается их власть, на каком языке они общаются между собой и по каким законам живут. Мы можем только излагать гипотезы и делать предположения. Но и этого довольно. И заметь еще, если ты читал Библию, что Господь сотворил рептилий и гадов на пятый день. Раньше человека. Так что они фактически – наши старшие братья по разуму. Ждут своего выхода на авансцену. Часа рептилоидов.

ГЛАВА 11. БЕЗОПАСНОСТЬ НАЦИИ

От Бортникова Муромцев ненадолго заскочил в свой кабинет, чтобы узнать последние «сводки с фронтов» у своего «начштаба». Губайдулин начал четко докладывать.

– Холмогоров, Ломидзе и Тер-Маркарян возвращаются из аэропортов, в самолеты сесть не успели. Кареев дожидает «ночников» в институте. Родионов продолжает вести богословские беседы с отцом Василием, духовником Егоршина...

– Что-то долго он их ведет, – проворчал Петр Данилович. – Придется самому в Хамовники ехать.

– Кузнецов «слушает голоса» наших подопечных. Отрошенко в архивах, поднимает все давние связи Тортошина. Федосеев отправился в Академию РАЕН, с ним неотступно находятся Арсений и Трынов. Капустин занял пост в институте. Ему там даже каморку с койкой выделили, – добавил, улыбнувшись, Ринат. – А Штокман по вашему распоряжению наблюдает за квартирой Будановой. И за ней самой.

Она только что вышла из дома и поехала куда-то в своей «тойоте».

– «По моему распоряжению»? – не смог скрыть удивления Муромцев.

– Ах, да! Полковник Тарута велел.

– А этот черт чего в наши дела лезет?

– Так он же курирует наше спецподразделение, – ответил Губайдулин.

– Ладно, – подумав, кивнул Муромцев. – Не помешает. Но передай всем нашим – больше никаких его «распоряжений» не выполнять. Только мои. С Сургутовым я этот вопрос согласую. Я – к Карееву, потом – в церковь. Давненько что-то там не был...

Он чувствовал, что его ожидает тяжелая неделя, насыщенная непредсказуемыми и опасными событиями. Стоило хотя бы помолиться в храме, а не только пообщаться с духовником Егоршина. Как оно потом все обернется – никто не знал. Кто вообще знает, что произойдет через день-другой, да даже в следующую минуту? Не в твоей это воле.

С такими невеселыми мыслями Муромцев поехал в Институт биологии и генетики. Вообще-то раньше, во времена директорства Парашникова, он назывался несколько иначе – НИИ особо чистых биологических препаратов. В начале девяностых – НИИ микробиологии Минобороны РФ. Потом просто «Биопрепарат». Затем еще как-то, пока, в конце концов, не сменил вывеску на нынешнюю. Неизменным оставался только барельеф Ивана Михайловича Сеченова на фасаде здания.

Не менялись и цели, задачи, поставленные перед сотрудниками института. В 1992 году Россия провозгласила на весь мир отказ от биологических программ наступательного характера, и было расформировано 15-е суперсекретное Управление Генштаба, занимавшееся этими проблемами и владевшее всем, что находилось в этом здании, да и им самим. Вместо «пятнашки» было создано Управление по биологической защите Минобороны РФ. Теперь институт официально занимался разработкой технических средств защиты от биологического оружия.

Ученые всегда создают что-то новое, природа у них такая. Что же касается потенциала вооружений, способных нести биологический заряд, то информацией о нем всегда владел только очень узкий круг лиц. Вряд ли даже Ельцин о нем знал. Ему показывали только макеты биологических боеприпасов, предназначенных, по соглашению с американцами, к уничтожению.

Но сами внимательно отслеживали в «замедленной съемке», как проходят испытания боеприпасов штатников. Наблюдали, как протекает их деформация. Как боеприпас разрушается, какое образуется облако. Как оно через одну-две минуты рассеивается, словно пыль. Самим нам не было нужды начинать для испытаний свои макеты боевыми рецептурами. Зачем выпускать в открытую атмосферу возбудителя сибирской язвы, например, когда можно снарядить боеприпас тем же вакцинным препаратом – эквивалентом возбудителя, не опасным ни для кого.

А работа со спецвирусами продолжалась. И здесь, в Институте биологии и генетики, где хранилась государственная коллекция микроорганизмов, являющихся потенциальными агентами биологического оружия (одних только штаммов сибирской язвы было более ста образцов), и в Екатеринбургском центре военно-технических проблем биологической защиты. И в Вирусологическом центре в подмосковном Сергиевом Посаде, и на бактериологическом полигоне в Аральском море, и во многих других местах. Включая пять эпидемиологических гражданских институтов в Саратове, Волгограде, Ростове, Санкт-Петербурге и на Урале.

А как же иначе? Внешняя разведка только в прошлом году выявила за рубежом 37 возбудителей различных новых заболеваний, в том числе вирусы атипичной пневмонии, а также геморрагических лихорадок – Марбурга, Эбола, Ласса, аргентинской, боливийской и конго-крымской. В военное время они могут доставляться на нашу территорию не только с помощью бактериологических бомб и снарядов, но и крылатыми ракетами «Томагавк». Порошенко со своими дебилоидами на Украине уже применял нечто по-

добное против Новороссии в 2014 году. Это доказанный факт. (Впрочем, и мы тоже опыляли вирусом сапа позиции душманов в Афганистане, и США травили биохимикатами людей, где только могли.) А в мирное время (где оно, ау?) подготовленные диверсанты легко могут использовать биооружие в качестве аэрозолей и жидкостей.

Бортников прав – начинается светопреставление. Так что нужно быть всегда не только начеку, но и готовыми ответить ударом на удар, перейти в наступление. Сильных боятся, но и уважают. Вот тогда наступит мир и порядок, и все успокоится. Чего совать голову туда, куда не надо? Могут ведь и откусить... И поделом будет.

А Парашников с Алибабаевым, выдав систему диагностики возбудителей инфекционных заболеваний и токсинов, различные гаммаглобулины и антибиотики, не успели сообщить самое главное. Поскольку сами еще не знали. Москве удалось овладеть, благодаря таким ученым, как тот же Тортошин и его команда, технологией перестановки генов, сделав болезнетворные микробы еще более устойчивыми к факторам окружающей среды и менее поддающимися лечению. И это, не считая проектов «Рептилии» и «Голубая кровь».

Собственно говоря, размышлял Муромцев, застряв в пробке по дороге к Институту биологии и генетики, именно кадровый вопрос, а не само биооружие, всегда вызывал и вызывает наибольшую озабоченность у наших «партнеров» – американцев. Вирусы они и сами умеют создавать. Никто не инкриминирует нам производство и накопление, власти волнует лишь то, что при желании мы можем сделать и то, и это. Они хотели бы, чтобы люди, которые способны запустить такой механизм, были бы отлучены от дел.

В том-то и состоит проблема навязываемого нам контроля – не за производством и арсеналами, а за учеными. За наличием или отсутствием инфраструктуры, способной применять в военных целях результаты их исследований. Вот почему им были так нужны и важны первые номера в этой иерархии – Парашников, Алибабаев, другие спе-

циалисты, военные ученые, медики, биологи, генетики. Тортошин тоже.

И тут Муромцев задумался: а не ищут ли они его сами? Не прячется ли он не только от нас, но и от них? Такой вариант не исключался. Но как же тогда Томас Ли Хадсон, Осипенко, Гринев, Чохов? А что если он вообще идет по навязываемому ему ложному следу?.. Как хорошо иногда застрять в пробке! Приходят разные мысли, неожиданные версии.

Муромцев всегда ставил в своей жизни на первое место безопасность нации. Вот с американцев бы в этом отношении брать пример. Они свое биологическое оружие не только не уничтожили, но еще и усилили. Плевать им на Конвенцию 72-го года! Штатники готовы контролировать и сокращать что угодно и где угодно – если только речь не идет об американском оборонном потенциале и территории самих США.

Перед входом в актовый зал лениво прохаживались «ночники» – девять человек: пятеро мужчин среднего возраста и четыре молодые женщины. Значит, Кареев «домучивал» последнего. Тут же стоял и Капустин, подперев дверной косяк своим могучим плечом. Увидев Муромцева, он заулыбался.

– Ну, Ляксандр, чё нового? – весело спросил подполковник. Он иногда любил прикидываться черт-те кем в рубахе. – Тебя еще тут не превратили в рептилию?

– Никак нет. Но кожа под чешуей уже чешется.

– Это хороший признак. Скоро все лишнее отпадет, начнешь молокой размножаться и икру метать. Знаешь, как спариваются змеи? Большими группами, свиваясь в один клубок.

– Вот здорово-то! Всегда об этом мечтал.

– А есть еще такой каламоихт калабарский, или рыба-змея. Головой и телом напоминает и ту и другую. На мордочке два усика, как у тебя. Зрение у этой рыбки плохое, приходится искать сексуального партнера «на ощупь». Вид у нее грозный, но сама она вполне миролюбивая. Правда, во время любовного азарта может и съесть.

– Так не со злобы же! Это простительно.

Дверь открылась, вышел последний из дежуривших в ночную смену.

– Никому пока не расходиться, – предупредил всех Муромцев, а сам вошел внутрь.

Кареев сидел за столом и зевал. На вопросительный взгляд Муромцева сказал:

– Нет, все эти ребята чисты. Действительно – пустой номер. Зря только время потратил.

– Чистых даже в бане не бывает. Всегда какая-нибудь грязнота под ногтями сыщется. А ты их «пробил» по базе данных?

– Всех. Через наше Управление. Да еще здесь, перед тем как начать дознание, просмотрел личные дела у Фуфанова. Думаю, это была спланированная инсценировка.

Муромцев помолчал, изучая невозмутимое лицо Кареева. Потом произнес:

– Ну, говори, не тяни. Я же вижу, что ты что-то нащупал.

– Один из них, лаборант Шелест, вдруг вспомнил, что позавчера ночью, примерно часа в четыре, с неожиданной проверкой нагрянул руководитель. Он и раньше часто так делал, поэтому ничего удивительного в том нет. Все привыкли. Потому и не обратили внимания. А кроме того, он сам любит ночью просто так приезжать и работать. Я-то все время заострял внимание на чем-то необычном, постороннем для слуха и глаза, а это для них – свой среди своих. Делай выводы.

– Сделал. Кто у нас руководитель? Федосеев. И что же получается?

– То, что получилось. Сейф вскрыт, компьютер работает, на полу – разбросанные бумаги.

– В «Элефанте» Алеша был пьян, как и все мы.

– Можно ведь и притвориться.

– С нами притворишься, как же! Наравне пили.

– Но зачем-то же он все-таки приезжал в лабораторию? Моя версия такова. Протрезвев или нет, но в четыре часа ночи он появляется тут. Заходит в свой кабинет. Устраивает

там бардак. С какой целью – пока не ясно. Может, действительно, пьян был, со злости. Потом выходит, запирает за собой дверь, устраивает разнос сотрудникам – кстати, они жаловались, что он очень суров с ними и даже гневлив, уезжает домой. Утром очухивается. Понимает, что хватил лишку. Это ведь ЧП. А на работу в это время уже приходит его секретарша. Катерина видит весь этот погром и звонит ему. Он, сориентировавшись, говорит ей, чтобы никому пока ничего не сообщала, и мчится в лабораторию. И на свет рождается версия о проникновении постороннего в кабинет Федосеева.

– Версия неплохая. Назовем ее – «Похмельная».

– Но есть и другая. Гораздо более серьезная. Сбить нас всех с толку. Пустить по ложному следу, дескать, опять Тортошин виноват. Уверить в его всемогущество. И подбросить в эту суму загадок еще одну.

– Тоже логично. Но я Алешу давно знаю. К тому же он начал первым раскручивать это дело. И меня привлек. Без него все было бы до сих пор под покровом тайны. Еще один факт в его пользу: вчера ночью, когда он ехал ко мне, его самого отслеживали. А Арсений ошибиться не мог. Зачем Федосееву вся эта инсценировка?

Кареев развел руками. Сказал только:

– Тогда остается последнее. Надо его показать психиатрам.

– Скоро нас всех будут там показывать, как павианов в зоопарке, а люди пальцем тыкать и хохотать, – усмехнулся Муромцев. – Давай так: никому пока об этом инциденте ничего не говори, ни нашему генералу, ни полковникам, ни ребятам. Не стоит бросать на Алешу тень подозрения. А если он сам начнет спрашивать, отвечай, что продолжаешь вести расследование, но забрел в тупик. Притворись идиотом. Скажи, что, вероятнее всего, это была тень Сеченова, которому надоело глядеть с барельефа на то, чем они все тут занимаются, вот и решил вмешаться. А с Федосеевым я сам поговорю. Не сейчас.

– Надо за ним понаблюдать, – согласился Леонид, уловив мысль Петра.

– Вот именно. А вдруг мы ошибаемся? И похмельная версия самая правильная. Пошли, отпустим «ночников» и поедем в Хамовники.

По дороге Муромцев вновь засомневался. А если Кареев прав со своим вторым предположением? Допустим, именно Федосеев, узнав три дня назад от него же самого, когда они пили пиво в пабе, что Гринева переместили на объект в Лосиный остров, отправился ночью туда. Лепехин с Бобровым его знали, более того, он уже был подключен к их группе. Приняли радушно. А дальше? Дальше – дело техники. Альфа-суматриптан был у него в кармане, доступ к нему Алексей имеет. И что?

Потом Муромцев дозволился к нему по мобильному. Федосеев, сделав свое дело, мог заговорить сонным голосом, вроде бы спал. А сам в это время разглядывал мертвых людей, лица которых были искажены ужасом. И поехал к нему. Даже не моргнув глазом при встрече. Ну, тогда он вообще великий артист, Роберт де Ниро просто. Но это было бы уже чересчур. В голове не укладывалось. А укладывалось ли то, что происходило в последние два месяца? Укладывался ли Тортосин со своими рептилоидами? Все это смысловое зазеркалье, которое происходит в мире? И Муромцев даже не стал высказывать свои предположения вслух. Но из головы не выбросил.

...Церковь Николая Угодника в Хамовниках считается одной из самых красивых и старинных в Москве.

Вечерняя служба еще не начиналась. Они вошли в храм, и Муромцев шепнул Карееву:

– Веди себя тут прилично, постарайся обойтись без сквернословия, громко не сморкайся и ногами не топай.

– Ты, Данилыч, совсем опупел? – таким же шепотом отозвался Леонид. – Еще поглядим, умеешь ты сам лоб крестить.

Внутри церкви было немногочисленно. Муромцев подошел к свечному прилавку и спросил у послушницы:

– А где можно видеть отца Василия?

– А там, – кивнула она куда-то в сторону. – На подворье.

Петр Данилович купил две свечи, одну передал Карееву. Разошлись в разные стороны, каждый к своему любимому образу. Куда пошел Леонид, Муромцев не знал, а сам встал перед иконой Остробрамской. Она была его защитницей в жизни. С самого крещения. Перед ней молятся о покое и радости в душе, она спасает от уныния и депрессии, умиротворяет, снимает проклятье и все плохое, до седьмого поколения рода.

Они почти одновременно вышли из храма. Больше не шутили. Обогнули церковь. Прошлись по заснеженной дорожке и на одной из лавочек между двумя елками увидели Родионова с молодым батюшкой. Они о чем-то увлеченно беседовали. Даже не замечали их, вставших неподалеку. Однако надо было спешить.

– Отец Василий, – сказал Муромцев, подходя ближе. – Мы коллеги этого несносного мирянина. Он уже сказал вам, что нам нужно?

– Сказал, – охотно откликнулся священник и улыбнулся. – Но только сам я вам ничего не скажу. Это ведь тайна исповеди.

– Но хотя бы ответьте: жив Валентин или нет?

– За упокой его души мы не молимся.

– Уже хорошо. Тогда так: куда он мог направиться, отягнув со своих ног земной прах?

– А он мне строго-настрого велел ничего никому не говорить. Просил оставить его в покое. Всех. Это ведь его внутренний постриг. Зачем же ему мешать, лезть в душу? А не боитесь навредить? Какой грех-то тогда на вас ляжет! Ему сейчас только духовный покой нужен. Нет, ничего не скажу.

Муромцев помолчал, переглянувшись с Кареевым и Родионовым. Ну что поделаешь? Батюшка, видно, был из крепких, стойких в вере, таких пытаться бесполезно.

– Вот что, – сказал Муромцев. – У меня последний аргумент. Всего я вам сказать не могу, но речь идет о национальной безопасности России.

Отец Василий задумался. Тень внутреннего борения отразилась на его лице. Наконец он произнес:

– Ладно, намек дам. Только ради безопасности России. А вы уж сами соображайте, коли что смыслите. Северная Фиваида. И все. Ступайте с богом! А мне – на службу.

Он встал с лавочки и направился к храму.

...Пока ехали в машине Муромцева обратно, все трое не переставали гадать: что это за Северная Фиваида такая? И где она находится? Первым сообразил Родионов:

– Господи, ну как же я забыл! Это же русский монастырский Север. Названный так по аналогии с Фиваидой Египетской.

– Давай, Толя, напрягай память, – обрадовался Кареев. А Муромцев добавил:

– Молодец отец Василий, зацепку дал. Круг поисков сужается. Всего-то предстоит несколько сотен тысяч километров объездить. К лету управимся.

– Не правы, Петр Данилович, – возразил старший лейтенант. – Это чуть более пятисот верст. А началось все еще в середине четырнадцатого века...

– Ну, так-то издалека тоже не надо, – попросил подполковник. – К весне бы успеть.

– Петр, дай послушать, – попросил Леонид. – Мне вот интересно, что там на заре моей юности происходило.

– Это была как бы одна сплошная иноческая область, усеянная монастырями, скитами и пустынями отшельников, – сказал Родионов. – А дело в том, что Русь, как пишет Ключевский, после Куликовской битвы начала приходить в себя от внешних бедствий.

– Возможно, как и сейчас, после лихих бедствий девятидесятых годов и правления внешних наследников Горбачева с Ельциным, – подсказал Кареев.

– Я закончу мысль Ключевского. Таким образом, древнерусское монашество стало точным показателем нравственного состояния общества. А стремление покидать мир усиливалось не оттого, что в России скапливались бедствия, а по мере того, как в ней возвышались нрав-

ственные силы. А где еще духовно поддерживать их, как не в монастырях?

– Хорошо сказано, – согласился Муромцев. – Теперь мне ясно, почему Валентин решил на такой шаг. Он, если можно так выразиться, по-своему служит национальной безопасности России. Охраняет ее и православную веру от рационализма Запада и сверхчеловеческой созерцательности Востока. Мы так, а он этак. И каждый воин на своем месте. Продолжай, Толя. Ну и где же нам его искать? Этак никаких сил не хватит. Там и дорог-то нормальных, наверное, нет. Не проедешь на машине.

– Бог поможет, управимся, – ответил на это Родионов. – Не пожалеете, что поехали. Даже сейчас, зимой. Попадете словно в хрустальную сказочную страну.

– Да мы ведь не любоваться красотами природы поедем, – заметил Кареев. – Хотя, конечно, одно другому не мешает. Но Петр Данилович прав: где прячется от греховного мира этот рак-отшельник?

– Придется подключать всю группу, – сказал Муромцев. – Определим каждому свой участок и начнем прочесывать всю Северную Фиваиду.

Он посмотрел на часы.

– Но это уже будем решать завтра, с утра.

Развезя своих боевых соратников и товарищей по домам, Муромцев отправился к Ирине Будановой. Припарковал свою чудо-«Волгу» по давней привычке на соседней улице, чтобы лишний раз не светиться, а вот «пежо» Штокмана обнаружил сразу. Тому-то надо было наблюдать за подъездом, потому и машина его стояла рядом с ним.

Петр Данилович открыл дверцу и сел рядом с водителем.

– В квартире, – коротко сообщил Игорь. – Больше никуда не выезжала.

– А куда ездила?

– Сначала в журнал «Биология и генетика», потом к деду на дачу. Это поселок Петелинка, комплекс ветеранов КГБ.

– Хорошие домики?

– Да так себе. Не сравнить с нынешними.

– И долго там была?

– Два часа тридцать восемь минут, – ответил педантичный обрусевший немец.

– Игорь, – задумчиво произнес Муромцев, глядя на него. – А как ты относишься к фрау Меркель?

– Как к тайной полуфашистской сволотной бабе, – ничуть не смущаясь, отозвался Штокман. – Вы поглядите, что происходит? В прошлом году, когда украинцы сбили малайзийский «Боинг», вся Европа по указке США набросилась на нас. Ну, Америка – это понятно. А европейцы во все века воевали против России. И пакостили. Даже болгары. В последней войне они были заодно с нацистской Германией, шли на Восток. Мы их раздавили. Но комплекс-то не прошел. Комплекс постоянного поражения. Вот и вновь пыжатыся. И так будет всегда. Их уже ничем не исправишь.

– Ясно, – сказал Петр Данилович.

– А почему вы спрашиваете?

– Да так просто. Думал, ты прусский шпион. А пошли, поднимемся к объекту, чайку попьем? Или чего покрепче.

– Не положено. Если только вы вообще распоряжение полковника Таруты не отмените.

– Нет, пока не отменю. Мало ли что. Ты за ней продолжай приглядывать, но в большей степени затем, чтобы с ней самой ничего не случилось. А сейчас поезжай домой и как следует выпишись. Порученное тебе тело ночью буду контролировать я. Надеюсь, справлюсь.

– Кто бы сомневался! – ухмыльнулся Игорь.

– Отставить улыбочки. Вернешься утром, часам к восьми. А мы с ребятами завтра же отправимся в Северную Фиваиду. Жаль, без тебя.

– Да я сам из Заволжья. И каждое лето туда езжу отдыхать.

– Ну, тогда... будь здоров, Ганс! Не обижайся.

Муромцев пожал ему руку и выбрался из «пежо». Предстоял трудный разговор с Ириной, потому и не торопился. Постоял у подъезда, покурил, пока кодовый замок сам собой не щелкнул и дверь не отворилась.

– Прямо как в сказке «Сезам, откройся!» – пробормотал Муромцев и шагнул в подъезд.

А Ирина уже поджидала его на лестничной клетке.

– Я тебя из окна увидела, – сказала она. Они поцеловались. Но поцелуй вышел какой-то прохладный и слегка отстраненный. По чьей вине? Наверное, обоюдной.

– Проходи в гостиную, ужин уже на столе.

– А вино?

– Коньяк тебя устроит? Есть текила.

– Главное, чтобы тебя все устраивало.

Аппетита у Муромцева не было, хотя стол был накрыт по-царски. Он вяло ковырял вилкой омара, разглядывая его как диговинную рептилию, отправлял в рот маленькими кусочками и не чувствовал вкуса.

– Тебе не нравится? – озабоченно спросила Ирина. – Я сама готовила. По бабушкиному рецепту.

– А бабушка тоже на даче? С дедушкой.

– Нет, умерла.

– А отец с мамой? Извини, я же о тебе практически ничего не знаю. Кроме тех чудесных дней юности.

– А это уже немало. Может быть, они-то и были самыми главными.

– Да, тут ты права. Но все-таки?

– Родители в девяносто первом году уехали в Америку. Мама – химик, папа – биолог. Работа нашлась. Они-то меня и пристроили в «Афтон Кемикл». О чем тебе наверняка известно.

– Вот как? А гражданство часом не поменяли?

– «Грин-карта». А тебе-то что? Опять «сыщика» включил? – она начинала злиться. Он, как ни странно, тоже.

– Значит, дедушка – заслуженный генерал КГБ, его сына с женой – почти америкосы, а внучка кто?

Муромцев залпом выпил большую рюмку коньяка, Ирина – маленькую текилы. Но тоже разом.

– Кто-кто... Лань в авто, – почти так же, как он когда-то, резко ответила она. Ишь ты, запомнила. – Любимая женщина механика Егоршина.

Они снова выпили. И начали остывать. Глупо же ссориться из-за ерунды. А что будет, если дело дойдет до семейной жизни? Забавно, но сейчас Петр думал об этом как о вопросе решенном, несмотря даже на то, что ее законный муж жив.

– Омар отличный, – примирительно сказал он. – Гарнир – прелесть. Почти как ты.

– Спасибо. Сравнил меня с китайским рисом. Хорошо хоть не с соевым соусом.

– Да ладно. Я же от чистого сердца и любя.

– Тогда поцелуй нормально.

Петр встал из-за стола, наклонился к Ирине и выполнил ее просьбу. На этот раз поцелуй оказался нежным и долгим. Потом он уселся обратно, выпил коньяка и, будто бы невзначай, спросил:

– А что у тебя за шашни были с Фуфановым?

Он никак не мог остановиться, его опять понесло.

– Какие шашни? Омар в голову бросился? – она тоже стала закипать.

– Ну, те... Когда ты у него попросила назвать код сейфowego замка.

– Ты, Петя, клинический идиот! – вспыхнула Ирина. – Это была шутка. И между нами вообще ничего не было! Нет, ну с тобой просто невозможно находиться за одним столом!

– А в одной постели?

– Это еще можно.

– Тогда чего же мы ждем?

– Когда ты справишься.

– Снова поцеловать?

– Хватит. Закончим ужин. По-семейному.

Очевидно, она тоже считала этот вопрос решенным. Но закончить ужин на этой ноте не удалось. У Иры зазвонил мобильный телефон, она посмотрела на определившийся номер, пожала плечами.

– Не знаю, кто такой.

– Тогда и не отвечай.

Но она все же нажала на кнопку соединения с абонентом, а когда услышала, кто это, рассеянно кивнув Петру, ушла в соседнюю комнату.

Прошло минут пятнадцать. Муромцев пил коньяк, курил сигареты, смотрел в окно. Разговор у Ирины, судя по всему, был очень важным, когда она появилась вновь, лицо ее выражало целую гамму чувств. Сразу и не определишь, каких.

– Извини, Петя, я должна некоторое время побыть одна, – сказала Ирина.

– Мне уйти?

– Нет, что ты! Я сама выйду ненадолго на улицу, пройду, подышу свежим воздухом. Здесь так накурено!

– Скажи только – и я вообще брошу.

– Не надо, Валентин тоже дымил. Я уж привыкла. С вами бороться бесполезно. Да я и сама иногда покуриваю. Дай мне с собой твоего «капитана».

Он протянул ей пачку сигарет и зажигалку. Вышел вместе с ней в коридор. Помог набросить на плечи шубку, Ирина выскользнула за дверь.

Тут и у него зазвонил мобильный. Это был старший лейтенант Кузнецов, с прослушки.

– Чувствую, Серега, тебе удалось кого-то выловить в мутной водичке радиоэфира, – произнес Муромцев. – Наконец-то! Какие новости? Тортошин объявился?

– Нет, другой. Помните, мы пытались отследить звонки с сим-карты Егоршина?

– Ну.

– Она была уничтожена, это зафиксировано операторами. Но четыре часа назад кто-то зарегистрировал на паспорт Егоршина и подключил новую сим-карту. А полчаса назад она заработала. Затем, после разговора с абонентом, тотчас же была ликвидирована. А хотите знать, откуда и кому был произведен звонок?

– Догадываюсь. Но говори уж.

– Я вычислил по электронной схеме. Это район Вологды, город Кириллов. Точнее назвать не могу.

– И не надо. Уже все ясно. Этого достаточно, спасибо.

– А кому звонили, неинтересно?

– Ирине Будановой.

– Точно. Вы прямо ясновидящий.

– Скоро я ясноспящим буду. И ты, давай сворачивай свою деятельность и иди отдыхать. Завтра мы сами нашего странника навестим.

– А Тртошин как же?

– Он в эфире не появится. Скорее всего, больше никогда.

Тут в коридоре хлопнула дверь, и Муромцев отключил сотовый. Интересно, скажет ли ему Ирина об этом звонке или нет? Вот и проверим ее честность.

Сейчас она выглядела более спокойной, умиротворенной. Видно, обдумала что-то и решила. Но ничего объяснять не торопилась. А Муромцев и не настаивал. Налил ей текилы, а пустую бутылку коньяка повертел в руке.

– Есть еще одна, – сказала Ирина. – Будешь?

– Пожалуй, хватит. А впрочем, доставай.

– За твоей спиной, в серванте.

Пока Петр открывал «Ной», она внимательно смотрела на него, будто старалась запомнить черты лица. Но потом вдруг улыбнулась и сразу повеселела.

– Что? – спросил он. – У тебя как-то слишком быстро меняется настроение.

– А скоро ведь Новый год, – отозвалась она. – Вместе встретим?

– Обязательно.

– Тогда давай обсудим – как? Пойдем куда-нибудь или здесь? А может, у тебя?

– Как хочешь. Это не имеет значения. Но лучше никуда не ходить.

– Да, согласна. А мы ведь с Валентином всегда куда-то собирались, или к нам вваливались гости. Так, кажется, вдвоем ни разу и не встретили.

– Что ж, у нас будет по-другому. Но до Нового года нужно еще дожить.

– Доживем как-нибудь... – не сразу ответила она.

Теперь уже он внимательно рассматривал ее лицо. Взгляд Ирины ускользал. Она, чтобы скрыть смущение (или что-то еще?), подняла рюмку.

– За тебя, Муромцев! За то, что ты есть и останешься в моей жизни.

– Что-то твой тост звучит похоронно. Я предлагаю другой: за нас обоих.

– Годится.

Они чокнулись рюмками и выпили. Коньяк был какой-то необычный на вкус. «Вот ведь как научились работать, даже фирменный «Ной» палят», – подумал Петр. Ему даже не пришло в голову, что в бутылку могло быть что-то специально добавлено. Тем более альфа-суматриптан.

– Ты ни о чем не хочешь меня спросить? – произнесла вдруг Ирина.

– Нет.

– Тогда я сама скажу. Это звонил Валентин.

Лицо Муромцева осталось спокойным. Она продолжила:

– И знаешь, о чем он меня попросил?

Петр по-прежнему молчал, только выпил еще одну рюмку коньяка и вновь поморщился.

– Что-то ты сегодня какой-то нелюбопытный. То расспрашиваешь обо всем, то строишь из себя афонского исихаста.

– Просто «выключил» сыщика, как ты хотела.

– Напрасно. Это же интересно, касается нас обоих, вернее, всех троих.

– Ну, ладно, говори. Что, вызывает меня опять на дуэль? На чем будем драться теперь? На кулаках, как купец Калашников с Кирибеевичем?

– Это было бы занятно, – засмеялась она. – Но не современно. Нет, все гораздо обыденнее. Он просто просил меня ускорить развод.

– Понимаю, – коротко отозвался Петр.

– Что ты «понимаешь»? – почему-то обиделась Ирина. – И это тебя совершенно не волнует?

– Я понимаю то, зачем ему нужен развод, в монастырь женатиков не берут. А что касается ваших взаимоотношений, так они давно закончились. Сама говорила.

– Да, говорила, но мне его все равно жалко. Я ведь тоже любила его.

– Уже не склеить. Насколько я знаю, он выбрал свой путь. Возможно, более трудный, чем наш.

– Давай выпьем, – предложила она. – За него теперь.

– Охотно.

Нет, коньяк явно отдавал каким-то купоросом. После этой третьей рюмки у Муромцева стала слегка кружиться голова, а в глазах появились слабая резь и жжение. Но он пока не придавал этому значения.

– И что же ты решила? – спросил Петр, покосившись на бутылку «Ноя».

– Дам развод и останусь с тобой.

– Ты всегда была умницей.

Он встал из-за стола, чтобы поцеловать ее, но ноги как-то предательски подкосились, и Петр счел за благо опуститься обратно на стул. Что творится с организмом? Резь и жжение в глазах усиливались.

– Так что, считай, последнюю, виртуальную дуэль с ним ты выиграл, – проговорила Ирина.

Она сама встала, передвинула стул рядышком к нему, обняла и поцеловала. А ему вдруг показалось, что стены в комнате раздвинулись, потолок приподнялся и исчез, в гостиную хлынул поток яркого света, словно в ночном небе вспыхнула ослепительная звезда.

– Я люблю тебя, – сказала Ирина без всякой вычурности. – А ты?

Муромцев не ответил, пытаясь совладать со своими странными ощущениями. На некоторое время ему удалось взять себя в руки.

– Что ты опять молчишь?

– Где ты покупала эту бутылку коньяка? – спросил он.

– Да нигде не покупала! Мне друзья дарят. А что с тобой? Ты как-то изменился.

– А этот «Ной» откуда? Кто презентовал?

– Сейчас, дай вспомнить... Кто-то принес. Стоит в серванте уже месяца три-четыре. Еще когда Валентин был. Кажется, у нас была годовщина свадьбы. Нет, в другой раз.

Муромцев ждал. Он уже припомнил те симптомы, о которых ему говорили Федосеев и доктор Либерзон. Комната теперь стала напоминать ему могильный склеп, даже холодом повеяло. А в зеркале напротив него вдруг отразился не он сам, а какой-то человек, который прямо на глазах стал покрываться трупными пятнами, а потом, в доли секунды, с него начали отпадать куски плоти.

– Эй! Очнись! – затормошила его Ирина. – Да что с тобой происходит?

– Ничего, – пробормотал Петр. – Я тоже тебя люблю. А ты видишь этого, в зеркале?

– Кого? Нас только. Тебя и меня, чудесную пару.

– Нет, там еще один, третий. Мертвец.

Муромцев почувствовал вдруг необычный прилив сил, возбуждение. Он вскочил, подбежал к трюмо и начал быстро «затирать» покойника обеими ладонями. Ему это, наконец, удалось сделать. Удовлетворенный, он вернулся обратно, к Ирине. Но она уже стояла возле окна, опасливо смотря на него. Причем сама выглядела совсем не так, как обычно. Волосы ее почему-то стали превращаться в пучки змеек. А вместо рук выросли щупальца.

– Я начинаю тебя бояться, – тихо произнесла она.

– Это был Тортошин, – пояснил Муромцев. – Теперь все в порядке. Ушел. А ты была его любовницей?

– Петя, прекрати! – жалобно попросила Ирина.

– Коньяк он подарил?

– Не помню.

– Все-то ты помнишь. Только притворяешься. Вы с Валентином не прекращали поддерживать с ним связь. Ты и сейчас с ним встречаешься.

Муромцеву казалось, что он расхаживает по комнате, хотя на самом деле сидел за столом. Теперь он чувствовал себя энергетически заряженным, как батарейка, оставалось только в какой-нибудь прибор вставить, чтобы начать работать. Тут-то и заработало:

– А чем ты занималась в «Афтон Кемикл»? Отвечай.

– Петя, ты не на службе, – несмотря на всю драматичность ситуации, улыбнулась она. – Ну, хорошо, скажу.

«Химтрейлерами». Знаешь, наверное, что это за гадость? Но когда я поняла, что их намеренно распыляют, я оттуда ушла.

– А в Отаре?

Тут уж Ирина ничего не ответила, просто покрутила пальцем-щупальцем у виска. А Муромцеву вновь показалось, что из-за ее плеча высовывается хитрая рожа Мори-арти.

– Убью! – сказал Петр и двинулся к Ирине. Вернее, к профессору Тортошину. – Сгинь!

На некоторое время, после женского выкрика, Муромцеву усилием воли удалось прийти в себя. Он вытащил мобильный телефон и стал набирать номер Кареева. Хорошо, что тот сразу же отозвался на звонок.

– Леня, быстро сюда. Звони Алексею, пусть тоже приезжает и захватит антидот альфа-суматриптана...

Больше он ничего сказать не сумел. Мобильный телефон выпал из рук.

– Ложись в постель, – сказала Ирина. – Я тебя доведу и вызову врача.

– Хорошо. Это правильно, давай займемся любовью.

– А ты сможешь?

– Я все смогу. Даже найти твоего Тортошина.

Тут он опять начал впадать в какое-то безумие. Его обуял ужас. Все вокруг стало напоминать картины Босха. Из зеркала на него полезли какие-то уродливые карлики, черти, трупы, ведьмы, смерть с косой и прочая нечисть. Муромцев отбивался от них и давил. Но силы начали покидать его. Бой был неравным. Нужно было сделать передышку и подкрепиться. Он схватил со стола бутылку и стал пить прямо из горлышка.

– Пошли! – услышал он голос Ирины. – Идем, родной, я доведу тебя до постели.

Но до кровати Муромцев не дошел. Он успел только пробормотать:

– А как все славно начиналось...

Голова закружилась, ноги стали сами собой заплетаться, подкашиваться, и он упал на пол.

ГЛАВА 12. СЕВЕРНАЯ ФИВАИДА

Муромцев пришел в сознание только через день, когда комнату, где он лежал, заливали лучи солнца. А чувствовал он себя, как ни странно, вполне сносно. Даже голова не болела. И зрение полностью восстановилось. И первое, что он увидел, – была Ирина, дремавшая в кресле, уютно свернувшись там калачиком. Но и она тоже открыла глаза, едва он пошевелился, будто от него к ней тянулась невидимая ниточка.

– Боже, как ты нас всех напугал! – сказала Ира, улыбаясь. – Лежи, лежи. Тебе еще рано вставать. Хочешь чего-нибудь? Чаю, кофе?

– Свежевыжатый сок из плодов свити, – подумав, ответил он.

– Заказ принят. У меня как раз есть такой фрукт в холодильнике.

– А что это вчера было? Как я оказался в постели?

– Одна бы я тебя не дотащила, в тебе килограмм восемьдесят. Грузчики помогли.

Тут как раз эти самые «грузчики» и заглянули в комнату, услышав их разговор.

– Здорово, симулянт! – радостно приветствовал его Алексей. А Леонид добавил:

– У тебя, Данилыч, железный организм, другой бы не выдержал.

Они пододвинули к кровати еще два кресла и устались на него, словно на человека, случайно вернувшегося с того света.

– Ну, чего разглядываете? У меня жабры с перепонками выросли?

Ирина ушла на кухню готовить сок, а Муромцев слез с кровати, открыл платяной шкаф, где, как он и предполагал, висела его одежда, и начал одеваться.

– Я слушаю, слушаю, – сказал он. – Не молчите.

Теперь они заговорили наперебой:

– Анализы твоей крови и остатки коньяка мы отправили в лабораторию.

– Результаты уже готовы.

– И ты был абсолютно прав. Это альфа-суматриптан. Причем в самом концентрированном виде.

– По сути, лошадиная доза. Такая, как у Лепехина, Боброва и Гринева.

– Одно отличие: они оказались на столе у Либерзона, а ты – в кровати Ирины.

– Тебе повезло. А знаешь почему?

Муромцев с любопытством посмотрел на Федосеева, задавшего этот вопрос:

– Ну, почему же?

– Да потому что ты сам, интуитивно, может быть, на бессознательном уровне, вспомнив мои слова, принял антидот.

– Это как же?

– Ирина сказала, что ты, перед тем как свалиться, вылакал из горла чуть ли не всю бутылку текилы, – пояснил Алексей. – А она содержит сильные медесодержащие элементы. Об этом мы еще вчера говорили. Вот тебе и противоядие. А так бы у тебя наступила последняя стадия – кома или апоплексический удар. Экзитус леталис.

– Бобров с Лепехиным об этом не знали, да и текилы у них под рукой не было, – добавил Кареев. – Но это бы их все равно не спасло. Тот человек придумал бы что-нибудь другое.

– Зато теперь я точно знаю, что они испытывали перед своим концом, – произнес Муромцев. – Это жуткое состояние, доложу я вам. А впрочем, если хотите попробовать... Тот коньяк еще остался? Не весь же вы его отдали на экспертизу?

– Спасибо, лучше уж водки, – усмехнулся Алексей. – Но я тебя поздравляю. Ты теперь тоже можешь считаться особой царского рода. Твоя кровь приобрела голубой оттенок.

– Правда, ненадолго, – высказал сожаление Леонид. – Через неделю пройдет. И ты вновь вольешься в ряды плебса.

Вернулась Ирина, неся на серебряном блюде бокал свежавыжатого сока и дольки лимона.

– Великому князю от его подданных, – сказала она. – Встал-таки! А я думала, примешь завтрак в постель, как полагается.

– А я могу опять лечь.

– Ну, это уже без нас, – произнес Кареев, подтолкнув Федосеева к выходу. – Да, кстати, что с Северной Фиваидой?

– Завтра поедem. Предупреди всех.

– Правильно, тебе сегодня лучше всего отлежаться, – сказал Алексей. – Только больше не злоупотребляй текилой. Хотя две-три маленькие рюмки разрешаю.

– Слышишь, Ира? Неси! – затребовал Петр. – Желание боярина – закон. Да холопов не забудь попотчевать.

– Вам бы в кино сниматься: Трус, Балбес и Бывалый, – улыбнулась Ирина, но пошла выполнять приказание хозяина.

– Да, но мы все-таки так еще и не знаем, откуда взялась эта бутылка коньяка? – произнес Леонид.

Ему никто не ответил. Это имя вертелось у всех на языке: Тортошин. Больше никому. Но говорить об этом не хотелось. Все равно это ничего не даст.

...Когда они ушли, Муромцев притянул Ирину к себе, крепко поцеловал и, в свойственной ему манере, не отделяя одно от другого, произнес:

– Вернемся, дорогая, к прошлому вечеру. Ты вспомнила, кто подарил вам эту бутылку коньяка?

– Нет, – отстранилась она. Между ними вновь начал пролетать холодный ветерок. – Я не уверена сейчас даже, что кто-то его вообще дарил. Хотя у меня весь бар забит подобными дружескими подношениями. Что мне на них – ярлыки вешать: от кого и когда?

– Но он же не мог появиться сам собой, ниоткуда?

– Не мог, – согласилась Ира. – Какой ты все-таки дошлый! Мне кажется, что он стоял в серванте всегда. По крайней мере, последние полгода.

– Давай вспоминать вместе.

Они уселись в кресла напротив друг друга.

– Ты говорила, что у вас была годовщина свадьбы... – начал он, сам радуясь тому, что к нему полностью возвратилась память. Даже четкость мысли обострилась.

Наверное, этот альфа-суматриптан в малых дозах не так уж плох. Способствует пробуждению и развитию скрытых потенциальных возможностей и умственных сил: мозг начинает работать на все сто процентов. А как же иначе? Ведь не для отравления же людей изобретали этот препарат? Да, при приеме его внутрь изменяется структура и оттенок крови, но одновременно происходят и положительные процессы в обоих полушариях коры головного мозга. В гипофизе. Во внутренних органах. Может, еще где. Надо спросить у Федосеева. Это, наверное, и есть метафорическое и метафизическое превращение людей в рептилоидов с голубой кровью.

– В тот день было много народу, – продолжила она. – Но теперь я припоминаю, что коньяк появился позже. Десятого октября. Когда меня не было дома. Точно.

– Вот почему ты не могла вспомнить, что кто-то его дарил, – сделал вывод Петр. – Итак, ты вернулась в квартиру и сначала, разумеется, не обратила на эту бутылку никакого внимания. Заметила только потом. И не придавала значения. А Валентин что-нибудь говорил о ней?

– Нет. Но в тот день у него была встреча с Ильей Гавриловичем. Я знала об этом. Поэтому ушла. Поехала в редакцию. Да у меня и свои дела были.

– Понятно. Но ведь Тортошин, насколько мне известно, относился к тебе с глубокой симпатией? А ты к нему?

– Это к делу не относится, – резко ответила она. – Мы бутылку обсуждаем или мои чувства?

– Одно другому не мешает, – ворчливо сказал Петр. – Допустим, альфа-суматриптановый коньяк принес Профессор. Но с какой целью? Отравить вас обоих?

– Ни за что в это не поверю. Валентин был его любимым учеником. А я...

– А ты – любимой ученицей. Или, без «ученицы», просто – «любимой»?

– Ты опять за старое? Это невыносимо! Лучше бы в сознание не приходил. Все равно его нет.

Они опять были готовы взорваться. Просто две гранаты в одной квартире. Но тут Ирина наморщила лоб и сказала:

– Постой, постой... В тот день, когда я вернулась, Ильи Гавриловича уже не было. Зато в кресле сидел Лешка.

– Федосеев? Этот-то откуда взялся?

– А он заехал к Валентину по каким-то своим делам. И ведь тоже всегда с подарками является.

– Имеешь в виду бутылки?

– А что же еще? Он же алкоголик.

– Вот о твоих чувствах к нему я спрашивать не буду.

– погоди-ка! Теперь я окончательно вспомнила: именно тогда в серванте и появилась бутылка «Ноя». Я еще подумала: странно, а почему Валя не убрал ее в бар?

Муромцев, взяв привычку у генерала Сургутова, забарабанил костяшками пальцев по подлокотнику кресла.

– Выходит, в деле появляется второй отравитель, – спустя пару минут произнес он. – Но мы не можем с уверенностью сказать, кто из них двоих – Мориарти или Федосеев – принес отравленный коньяк. А доступ к альфа-суматриптану имели оба. Но есть ведь еще и третий вариант.

– Какой? – заинтересовалась Ирина. – А ты знаешь, мне даже начинает нравиться, как ты ведешь расследование. Оказывается, это очень увлекательная штука.

Муромцев кивнул головой:

– Тут главное не упустить ни одной версии, ни малейшей детали, следа. Даже на первый взгляд ошибочное предположение может оказаться единственно верным.

– Так какой же третий след?

– Сам Егоршин. Я ничего плохого о нем сказать не хочу, но, согласись, зарядить коньяк альфа-суматриптаном мог он сам. И это ему было сделать проще всего. Доступ и у него имелся.

У Ирины округлились глаза.

– Что ты такое говоришь? Отравить меня?

– Ну, зачем же именно тебя? А если себя? А потом взял да передумал. Ведь самоубийство – великий грех. А о бу-

тылке он попросту забыл. Так и стояла в серванте, ждала своего часа.

– Вот и дождалась...

Они на некоторое время замолчали. «Однако есть еще и четвертая версия, – подумал Петр, но озвучивать не стал. – Это ты, любимая».

– Кстати, – произнес, наконец, он. – Завтра я, скорее всего, с ним встречусь. Передать ему что-нибудь от тебя?

– Нет, – ответила она, подумав. – Мы уже обо всем переговорили и все решили. Смотри только, сам не забудь вернуться. А то два монаха на мою голову – это уже будет слишком. Такого удара судьбы я не переживу.

– В этой беде я тебя не оставлю.

– Надеюсь. Что теперь будем делать? Кино посмотрим? Все вроде бы обсудили.

– Не все, но это не важно. Вчера, красавица, ты сомневалась, смогу ли я заняться любовью после отравления?

– Да, только я не помню, что ты ответил.

«Заодно и проверим, в чем еще может быть полезен этот альфа-суматриптан...», – подумал Петр.

Ранним утром чудо-«Волга» Муромцева мчалась по шоссе в сторону Вологды. Кроме самого подполковника в машине находились еще четверо из его команды: майор Кареев, «кап-три» Холмогоров, старлей Родионов и лейтенант Отрошенко. Зачем так много? Хотели Северной Фиваидой полюбоваться и остальные, да автомобиль больше не вмещал. Пришлось бросать жребий.

Проехали уже триста километров, находясь в дороге три часа, до Кирилло-Белозерского монастыря оставалось еще столько же времени пути и такое же количество верст. Сделали короткую передышку. За рулем Холмогорова сменил Кареев. Каждые сто километров кто-то из них работал водителем. Шефа пока решили избавить от лишних нагрузок. Он особо не противился.

– Егоршина будет найти не просто, – высказал общую мысль Холмогоров.

– Ничего, у нас теперь есть человек, продвинутый альфасуматриптаном далеко вперед, – усмехнулся Кареев.

– Начнем с монастырской библиотеки, – подытожил Муромцев. – Думаю, что отшельник в Егоршине еще не одолел ученого.

Так они и поступили, когда добрались до места назначения. И Петр Данилович как всегда оказался прав. Книгохранилище, построенное в двадцатых годах шестнадцатого века, осталось практически в том же виде. А возле его стен неспешно прогуливался сам Валентин, всецело погруженный в себя. Был он в цивильной одежде, но уже с печатью отрешенности на лице.

– Вы пока походите по храмам, полюбуйте фресками, а я с ним сам побеседую, – сказал Муромцев.

Он подождал, пока его товарищи разойдутся в разные стороны, потом направился к старому приятелю и дуэлянту.

– А я знал, что это будешь именно ты, – радушно произнес Валентин, но от протянутой руки отказался. – Убивать меня приехал? Да еще столько народу привез.

– Зачем? – опешил Петр.

– А ты разве не заодно с Ли Хадсоном?

– Вот уж никогда бы не подумал, что ты так поглупеешь.

– А-а... Ну, тогда пошли, пройдемся.

Они двинулись вдоль крепостных стен, усеянных башенками, высота которых достигала двадцати пяти метров, миновали древнюю святыню обители – часовню преподобного Кирилла, вышли за монастырскую ограду, поднялись на склон Мауры. Внизу блестела скованная льдом Шексна. Все это время они молчали.

– Наверное, трудно было отыскать уголок природы, более уединенный, чем здесь, – произнес Валентин, оглядывая чудный ландшафт. – А ты знаешь, я бы хотел тут умереть. Потому и ждал кого-нибудь, надеялся, что меня убьют. Вот только всю жизнь не тем делом занимался...

– Ну, это ты брось. Ты биолог, естествоиспытатель, мало, что ли, для России и науки сделал?

– Нет, не то, не тем занимался, – с сожалением повторил Егоршин. – Это ведь все, по сути, генетическое изменение сознания. Да там, в мире, уже и без нас управились. Смыслы перевернулись. Встали с ног на голову. Все в тартарары летит.

Помолчав немного, он сказал:

– Я позавчера звонил Ирише, она мне призналась, что теперь с тобой. И я даже рад этому. Лучшего спутника в жизни ей не сыскать. У нас счастья не было, а у вас будет. Это по справедливости. Ты должен был быть изначально вместе с ней. Несмотря на дуэль. Разве такие вопросы решались когда-нибудь с помощью рапир? Глупость это. Так что, считай, благословляю. Но ты ведь не за этим приехал?

– Я ищу Тортошина, – ответил Муромцев. – А почему ты думаешь, что тебя непременно должны убить?

– Так ведь и Илью Гавриловича, кажется, уже тоже... того. Сначала Хадсон пытался всячески склонить его на свою сторону. Меня тоже. А когда видишь, что не получается, лучший способ избавиться от конкуренции – сам знаешь какой. Это ведь не только бизнес, это – неограниченные возможности властвовать. Владеть миром. Что такое деньги? Бумажки. Главное – сила новых технологий, в данном случае – биооружия. Оно, плюс тотальная подавляющая лже-информация, да вкупе с другими компонентами – непобедимы. И тогда Земля превратится в планету послушных, дрессированных, а когда нужно, злобных и ядовитых рептилоидов.

– Если нет контроружия, контринформации и политической воли к противодействию, – возразил Муромцев.

– Сейчас мы находимся в потоке такой мощной информации, что это течение не в силах контролировать, – не согласился Валентин. – Наступила, Петя, эпоха, когда большинство людей безграмотны. А через пятьдесят лет наши дети вообще не будут уметь читать.

– Тут я с тобой согласен.

Егоршин, очевидно, слишком много времени проводил здесь в уединенном молчании, поэтому сейчас от души раз-

говорился. Даже лицо порозовело. Ученый-исследователь и аналитик в нем еще окончательно не пропали. А может быть, монастырь-то как раз и помог переориентироваться, взглянуть на вещи трезво, широко и промыслительно. Немного помолчав, он добавил:

– Не только техногенна природа экологических катастроф во всех уголках Земли и изменения климата. Наукой тут ничего не объяснишь. Но об этом еще более ста лет назад предупреждал святой Иоанн Кронштадтский. Он считал, что земля перестанет быть плодородной с усилением анархии, приближением времени антихриста. Кризис водопотребления прогнозируется учеными к 2020-2030 годам, но уже сегодня они бьют тревогу и говорят, что скоро цены на воду сравняются с ценой на нефть. А водные ресурсы государств станут причиной новых войн...

– Это ты так считаешь или Тортошин?

– Оба. Мы с ним часто говорили на все эти темы. Пойми, проекты «Рептилии» и «Голубая кровь» косвенно, а то и прямо, затрагивают вопросы и геополитики, и историографии, и теологии, и философии. А не только генетики и биологии. Профессор как-то очень верно подметил, сказал такую фразу: «Нас, конечно, касается все, что происходит в этом мире. Но в еще большей степени касается и то, что в этом мире не происходит».

– Как это понимать эту сентенцию?

– Как угодно, но лучше всего – в сакрально-метафизическом смысле. Поскольку все процессы, идущие в науке, политике, экономике, информатике, культуре, спорте даже – во всех сферах человеческой деятельности, – симметричны и взаимосвязаны. Но главное то, что не происходит. А могло бы быть.

– Выходит, вы там не только рептилий на завтрак жарили.

– Кто определяет нашу судьбу? – спросил Валентин, отмахнувшись от его шутки. – Мы находимся в виртуальном обществе, которое создают некие люди. Где они находятся? Кто они? Эти люди собираются раз в месяц в Манхэттене и решают в течение получаса, куда направить

три-пять триллионов долларов. Они – настоящие хозяева. Это «Masters of the Universe» – владыки Вселенной. Они имеют всю информацию, но скрывают ее. Все средства массовой информации, которые нас обрабатывают, включая большинство отечественных, находятся в руках этих людей. Когда где-то происходит очередной государственный переворот, они оккупируют все СМИ.

Муромцев внимательно слушал, больше не перебивая.

– Интернет – самое «хлебное» место работы для спецслужб. Только очень грамотный человек может разделить правду и неправду в Интернете. А количество неправды преобладает с абсолютной очевидностью. Миллионы людей это смотрят, и происходит их перерождение. В кого?

– В «рептилоидов», – ответил Петр. – Я правильно понял?

– Назвать можно как угодно, – кивнул Валентин. – Тортошин взял именно это слово за образец грядущего поколения людей. А это уже не столько биология, сколько психофизиология. А если еще глубже – комплекс науки, философии и футурологии. Термина опять же еще нет. Но я бы сказал проще: в основе нынешнего мира лежит пирамида манипуляций, где наверху – кланы, а у подножия – все остальное человечество. Почему? Да потому, что формирование мозга современного человека происходит сейчас только через развлечения и рекламу – это два элемента фундаментальной манипуляции человеком.

Гора Маура, на вершине которой они стояли, сама напоминала древнюю пирамиду. Только не ту, о которой упомянул Егоршин, а иную, откуда исходила божественная сила духа, питающая всю окрестную Северную Фиваиду. Весь Русский космос.

Они начали спускаться с горы к скованной льдом речке. Там, возле лунок, сидело несколько человек, то ли мирян, то ли насельников монастыря, терпеливо поджидавших улов.

– Да ведь и построенные до Всемирного потопа пирамиды предназначались для связи с «космосом», – словно угадав его мысли, произнес Валентин. – А на самом деле,

и на это вполне основательно указывают христианские исследователи, – с демоническим миром.

– Федосеев дал мне кое-что об этом в своих файлах, – сказал Петр. – Но я не особенно жалую конспирологию.

– Да ты разуй глаза! «Шоки будущего» являются частью программы, которая так и называется – «Изменение образа человека». Доклад с таким названием был подготовлен еще для администрации Рейгана в 1981 году. Не потому ли и разрушился Советский Союз, что у нас были очень удачно применены эти «шоки»? Подготовка религии антихриста всегда шла не в открытом виде, а все время под какими-то красивыми соблазнительными лозунгами. И в наши дни она идет в обличье «добра и милосердия», под видом исцеления ран общества, восстановления на Земле мира, справедливости и порядка.

– Из тебя выйдет хороший проповедник, – предрек Муромцев. – Складно глаголешь. А то и старцем станешь, к которому будут стекаться массы убогих и прокаженных.

– Не шути так. Нынче проект создания всемирного государства предполагает не только отмену границ и единое экономическое и информационное пространство, но и отрыв людей от национально-культурной почвы, традиционной морали, норм поведения. «Американизация» народов для «мирового правительства» является средством подавления в человеке духовного начала и уничтожения его самобытности и индивидуальности. Идеология «нового мирового порядка» направлена на унификацию сознания. А «либеральная демократия» является наиболее благоприятной средой для тайны беззакония.

Муромцев, отправляясь сюда, на встречу с Егоршиным, считал, что тот будет говорить только о Боге, душе, православию, но он, оказывается, оставался в курсе мировых проблем, более того, заглядывал в самую их сердцевину. Вот тебе и монастырский послушник!

– А возьмем чипы? – вспомнил Егоршин. – По мнению каббалистов, цифра и имя являются важнейшими инструментами воздействия на материальный и духовный миры. Согласно каббале, имя определяет самую сущность пред-

мета. Это прямо выводит нас на нынешнюю цифровую идентификацию, которая сочетает в себе два этих инструмента. Если человеку присвоен безличный номер, значит, он, по логике сатанистов, в действительности есть не человек, а предмет или животное. С помощью цифровых имен они собираются управлять человечеством. Это уже не скрывается. Опять же вакцинация... Это тоже одна из составляющих сатанинского плана. Прививки, по сути, – биологическое оружие. Но сначала сознательно организуется в мировом масштабе разрушение иммунной и генетической системы человеческого организма, потом их же и «вакцинируют». Тем, чем надо.

– Приближая к «рептилоидам», – добавил Петр.

– Исследования сатанистов включают в себя опыты с энергетикой человека, а также с различными аспектами сна, гипноза, телепатии, – увлеченно продолжал Валентин. – Им известно, как манипулировать биоплазмой человека. Они способны замедлить твой пульс при помощи дельта-волн глубокого сна, ввести в состояние статического шока. А затем запрограммировать, подключив компьютер к мозгу. Они могут вводить информацию и программирующие команды. Это так называемая «пропитка информацией» – «библиотека сна». Разведслужбы уже имеют людей «с дистанционным управлением», которые не помнят о том, как их программировали, но выполняют поставленную им задачу, как только получают звуковой или визуальный сигнал.

– Откуда ты обо всем этом знаешь? – не смог скрыть удивления Муромцев. Это была закрытая информация. Но еще двадцать лет назад профессор Геррелз в приватной беседе говорил ему, что подземные объекты для этих целей есть не только в США, но и в ущелье Пайн-Гэп возле Алис-Спрингса, в Австралии. В Пуэрто-Рико тоже. Возможно, именно в таких пещерных глубинах проводятся опыты с «другими измерениями» и перемещениями в «пространстве-времени». А побочными эффектами этих экспериментов являются катастрофические землетрясения, цунами, всяческие природные катаклизмы. Сама Земля не выдерживает, не в силах больше терпеть.

– Знаю. Один ты умный? – коротко отмахнулся Егоршин. – Несть числа дьявольским выдумкам. А многие нам еще и неизвестны, так хитроумно они запрятаны под вывеской «благоденствия». И все это не случайные, разрозненные эпизоды, а целенаправленная и последовательная политика по превращению человечества в управляемое стадо, доведению его до состояния окончательного духовного озверения. И все эти вышеуказанные явления, если смотреть на них с духовной точки зрения, например, отсюда, из монастыря, говорят о ведущейся против человечества войне. За основу взят принцип ИЗМЕНЕНИЯ, – он выделил голосом это слово, – то есть трансформации человека в рептилоида. Целенаправленно, планомерно и необратимо разрушается все – от генотипа человека и окружающей его среды до менталитета и сознания людей, традиционных, естественных и привычных стереотипов поведения. А мы знаем, что первый и главный разрушитель – дьявол. Вот почему я не стал больше принимать в этом участие.

– А Тортошин?

– Тут я тебе ничего сказать не могу, не знаю. Последний раз я его видел... подожди, дай вспомнить? Кажется, больше двух месяцев назад.

– Десятого октября, – уточнил Муромцев. – Он приходил к тебе домой, Ирины не было. А о чем вы говорили?

– Да вот обо всем этом, – ответил Валентин.

Они повернули обратно, к монастырю.

– Во времена Ельцина была гигантская потеря знания и самостоятельности, – продолжал Валентин. – Пример Тортошина тебе ни о чем не говорит? Ученые были не нужны, их и выбрасывали.

– Был бы я женщиной – испугался бы, – сказал Муромцев. – Но когда же они претворят свои планы в жизнь?

– По убеждению многих ученых-христиан, уже сейчас мы живем в апокалиптические времена, – отозвался Егоршин. – Так же думает и Илья Гаврилович. А сроки... Как только созданные ими же самими войны и экономические кризисы вымотают население Земли, вытрясут последние сбережения людей, тогда и будет внедрена всемирная си-

стема электронных платежей, основанная на чипах радиочастотной идентификации. Цель – имплантировать датчики в население для тотального контроля над ним. Ну а дальше все по плану. Создание новых военных конфликтов, природных катастроф, волн самоубийств и безумия, а тут еще и «нападение пришельцев» ко всему прочему. После стольких бедствий человечество будет просто умолять о появлении «Спасителя», чтобы восстановить мир любой ценой, даже за счет собственной жизни. Нравится? Можешь не отвечать.

– Но о нас-то они свои зубы обломают, – отозвался все-таки Петр. – Россия могла проиграть отдельные битвы, но не всю войну. Так всегда было. Неужели тебе и на нее наплевать? Только себя спасти?

– А я буду тут за нее молиться.

– Это, конечно, тоже дело, но... у меня свое. И мне нужен Мориарти. Я не верю, что он мертв, убит. Слишком ценный кадр. Не такой, как отработанный материал – Катаджан Алибабаев. Или Парашников.

– Что, и этих тоже? – усмехнулся Валентин.

– С ними Хадсон мог легко расстаться. А Катаджана даже на ФСБ навесить. Так сейчас и кричат в Вашингтоне. Но Тортошина они будут дожимать до конца. Ты не предполагаешь, где он может скрываться? И вообще, почему? Отчего бы ему с самого начала не попросить защиты и поддержки у государства? У силовых структур?

– А то ты не догадываешься! Знаешь ведь, какой он обидчивый и тщеславный. А после той истории, когда ему со скрипом, словно нехотя, дали Государственную премию, лишь в самый последний момент включив в коллектив ученых-биологов, а потом «забыли» выдвинуть на Нобелевку и это сделали другие, он и обозлился. На всю Россию. Но и на Америку тоже. В общем, на весь научный мир. И решил всего достичь в одиночку. Как Тесла. Нет, я ему, конечно, помогал. Другие его ученики тоже. И он во многом преуспел. Но это гений в автономном плавании.

– А о какой «бездне» ты говорил Леше?

– О той, которая нас всех ждет. О которой мы только что толковали. Пойми, мы занимаемся богопротивным делом. Не только Тортошин или я с Федосеевым, не говоря уж о Катаджане и Хадсоне. Все. Ты тоже. Мы, вольно или невольно, подталкиваем мир к пропасти. Ускоряем его конец. Единственное спасение – внутри тебя. Там у тебя должна расцвести Северная Фиваида.

– Еще посмотрим, кто первым концы отдаст, – проворчал Петр. – Так что же Тортошин?

– Илья Гаврилович, если сначала и склонялся к Хадсону, к его корпорации «Blue light», то потому, что не рассчитывал больше ни на чью поддержку. А потом, так я думаю, он и от Хадсона отвернулся. Но за ним наверняка и другие охотятся. Еще какие-нибудь тайные силы. Из других корпораций или кланов. А почему бы не из Китая или исламского мира? Между ними всеми ведь тоже идет борьба. Вот он от всех и бежит. Но долго так продолжаться не может. Все равно кто-то найдет.

Немного помолчав, он добавил:

– И лучше, если это будешь ты, Петр. Так что, пожелаю тебе удачи... Если, конечно, он еще жив, в чем я очень сильно сомневаюсь.

И Валентин, с какой-то тихой грустью и радостью одновременно, поглядел вдаль. Пора было возвращаться в монастырь. Сигналом к этому прозвучал колокольный звон.

– Минут пять у нас еще есть, – сказал Егоршин. – Но и опаздывать к обедне не годится. Что ты еще хотел у меня спросить?

– Так где же все-таки может находиться Профессор?

– Даже не догадываюсь.

– Тогда такой вопрос. Томас Кастелло, невадская подземная «Зона-51» – могли у Тортошина оказаться фото и видеоматериалы с этой секретной базы? И вообще, все, что там творится, – правда?

Валентин кивнул. Ему не хотелось говорить на эту тему. Его это больше не касается.

– Ладно, вернемся к десятому октября, – поняв его, сказал Муромцев. – Вы переговаривали с Тортошиным, по-

том Илья Гаврилович ушел. Вслед за ним явился Федосеев. Один из них принес тебе коньяк «Ной». Он был заряжен лошадиной дозой альфа-суматриптана. Вывод: кто-то из них двоих пытался тебя отравить. Хотя в итоге пострадал я.

Эти слова не произвели на Валентина никакого впечатления.

– Да любой мог! – подумав, ответил он. – У обоих голова не на том месте. Но может быть, ты что-то путаешь? Я что-то не припомню, чтобы один из них приносил мне в тот день коньяк.

– Может быть, – охотно согласился Муромцев. Эта версия и его устраивала.

– Тогда давай прощаться. Вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся.

– Типун тебе на язык. Я еще буду тебя навещать. А когда станешь старцем, пойду пешком в колонне других юродивых, за вразумлением.

– Ты, Петя, не исправим.

Они обнялись, Валентин махнул рукой и направился к монастырским воротам. Рядом стояла машина Муромцева, где его уже поджидали друзья: Но тут Егоршин вдруг остановился и вернулся к Петру.

– Вот еще что, – произнес он, будто только что вспомнил что-то важное. – Илья Гаврилович тогда, при нашей последней встрече, обмолвился насчет «Сходни».

– А конкретней?

– Да я на его слова особого внимания не обратил. У него это вырвалось. То ли «Сходить надо», то есть – с этого пути, то ли «Сходня остается». А что это означает, не знаю. Поможет тебе это или нет, но ты подумай.

ГЛАВА 13. ЛИСА И ГОНЧИЕ ПСЫ

На следующий день с утра Петр Данилович созвал на оперативное совещание всех своих сотрудников. Задачу перед ними поставил такую: прочесать вдоль и поперек район подмосковной Сходни. А вдруг Егоршин окажется прав, и Профессор засел в какой-то берлоге именно там?

Проверке, в первую очередь, подлежал частный сектор. Но действовать надо было осторожно, от помощи местной полиции он отказался. Ребята и сами справятся.

Когда они разошлись, Муромцев отправился к генералу Сургутову. Секретарша Лида, милая девушка, сказала, что Василий Семенович занят.

– Мне можно, – ответил подполковник, презентовав ей магнитку на холодильник с видом Кирилло-Белозерского монастыря и открыл дверь.

– А-а, кстати, – сказал генерал. – Как съездил?

В кабинете сидели все три зама-полковника и Бортников. Последнему Муромцев обрадовался больше всего. Он ведь хотел сначала прямо к нему пойти, посоветоваться, но так даже лучше. Не надо будет лишний раз рассказывать о поездке в Северную Фиваиду. И Петр Данилович стоял обстоятельно докладывать о своей встрече с Егоршиным. Изложил практически все, что говорил ему Валентин. Генерал, полковники и Афанасий Никитич внимательно слушали.

– Таким образом, – подытожил Муромцев, – на сегодняшний день мы имеем следующее. Тортошин, скорее всего, находится в автономном плавании, а охоту на него ведем не только мы и корпорация «Blue light» вкупе с АНБ, но, вполне вероятно, другие зарубежные спецслужбы и финансово-промышленные концерны. Какие именно – сейчас нет времени выяснять, да это и не получится без самого Профессора. Но и просто смотреть на схватку бульдогов за лакомую кость тоже нельзя, дело обстоит очень серьезно. Приз – судьбы России и всего мира, без преувеличения. И последнее. Если тезисы Егоршина верны, то необходимо выходить на высшее политическое руководство страны.

После откликнулся Тарута:

– Вот это как раз и есть преувеличение. – И тотчас поправился: – То есть я хотел сказать не о компетенции президента и премьера, а о том, что ты тут наговорил.

Тайный приверженец Зюганова, ортодоксальный Рогов дополнил:

– Всего этого не может быть потому... что не может быть вообще.

А самый трезвомыслящий из них, Смышляев, добавил:

– «Теория заговоров» хороша только для кино и романов, но отдельные части твоего выступления верны, и мы о них знаем не понаслышке.

– Да, но откуда о них известно Егоршину? – продолжил Тарута.

– А что касается апокалиптической картины мира, то наши аналитические отчеты об этом каждый квартал ложатся на стол в Совбез. Президент в курсе, без монахов разберется, – высказался Рогов.

– Не будем спешить, чтобы... не насмешить, – закончил его мысль Смышляев.

Остановил их Сургутов:

– Муромцев прав. И Егоршин тоже. Счет идет на какие-то месяцы и недели. Никто не знает, что случится в следующем году. А до него осталось всего несколько дней. И, пока мы здесь во всем сомневаемся и рассуждаем, зреют самые зловещие планы, чтобы покрыть всю землю могильными крестами. Россию уж точно. А остальное человечество превратить в этих... Как ты их назвал?

– Рептилоиды, – подсказал Бортников.

– Но это название метафизическое, – добавил Муромцев, – хотя генетические изменения, несомненно, произойдут, учитывая радиоактивную мутацию после ядерных взрывов. Таким образом, проекты «Рептилии» и «Голубая кровь» будут завершены сами собой и уже без нас. Никого не останется.

Сургутов забарабанил костяшками пальцев по столу.

– А ты что обо всем этом думаешь, Афанасий Никитич? – спросил он.

– Думаю, что результатами исследований профессора Тортошина и его лаборатории наши потенциальные противники воспользоваться никак не должны. Хватит им и того, что успели слить Алибабаев с Парашниковым. И теперь нам важен не столько сам Тортошин, сколько то, чтобы его первыми не нашли другие. А он, судя по всему, до сих пор находится на распутье – в какую сторону податься? Если, конечно, уже не подался на тот свет. Что было бы в его случае наиболее благоразумным.

– А если он все-таки жив? – спросил Смышляев.

– Будем искать, – ответил Рогов.

– Легко сказать! Мы его уже третий месяц вылавливаем, а все без толку, – возмутился Тарута. – Муромцев предлагал поиграть с ним в рыбака и рыбку, а он все не клюет. Не тот ты карась оказался, Петр Данилович. Не клюнул он на тебя.

– А с Будановой что? – задал вопрос Рогов. – Тоже пшик.

– Зато, чую, его личные дела там далеко продвинулись, – ехидно подхватил Тарута.

– А знаете, почему мы до сих пор не можем его найти? – произнес Бортников. – Потому, что Илья Гаврилович постоянно находится в курсе того, что тут делается. Все наши планы ему известны. Мы делаем один шаг, а он два. Мы атакуем ладьей, а он бьет ее ферзем. Мы ищем его там, а он уже здесь.

– Где, под столом, что ли? – спросил Тарута. И впрямь заглянул туда.

– Афанасий Никитич выражается фигурально, в логике шахмат, – пояснил Смышляев. – Профессор и в самом деле гроссмейстер, в отличие от нас. Вынужден это признать.

– Гений, – коротко констатировал Рогов. – Мастер многоходовых комбинаций. Вот уж действительно – Мори-арти.

– Но я сейчас не об этом, – продолжил свою мысль Бортников. – Ускользает он от нас потому, что у нас самих происходит утечка информации. Именно здесь, в отделе.

Вновь повисла пауза.

– Что ты хочешь этим сказать, Никитич? – недовольным голосом спросил Сургутов.

– А то, Семеныч, что и сказал. Кто-то из нас, вольно или невольно, опосредованно ему все передает. Может быть, не напрямую, а кому-то еще, но до него доходит. Возможно, даже не специально передает, а по глупости, по ошибке, но это так. Кто-то, кого мы хорошо знаем, кому доверяем, работает против нас.

Поскольку все молчали, он продолжил:

– Я не хочу тут никого обвинять, да у меня и нет доказательств, только интуиция. Но она, поверьте, немало стоит.

– Мне кажется, Афанасий Никитич прав. Надо провести тщательную проверку, – сказал Смышляев.

– Но не нас, а всего личного состава из подразделения Муромцева, – добавил Рогов. – Я думаю, этот крот и клещ – там.

– И Федосеева не забыть, – подсказал Тарута. – Вместе с его невестой. Я с нее подозрения не снимаю.

– Ну, тогда уж и меня тоже, – сердито произнес Петр Данилович. – Своих ребят я вам на глумление не отдам. Буданову тоже.

– А придется, – зловеще пообещал Рогов. – Чего ты их выгораживаешь? Слышал, что сказал Бортников?

– Я ведь имел в виду другое, – отозвался Афанасий Никитич. – Не включать на полную мощность контрразведку с бериевскими методами, а всего лишь тщательно обдумать: кому это выгодно? Кто, находясь среди нас, имеет контакт с Тортошиным?

– Проверка действительно не помешает, – миролюбиво произнес Сургutow.

– Разрешите, я этим займусь? – предложил Смышляев. – Деликатно.

– Разрешаю, валяй. Докладывай мне лично.

– А самим Смышляевым тогда кто займется? – логично спросил Бортников. – Да и тобой, Василий?

После очередной нервной паузы Муромцев сказал:

– Давайте не будем устраивать охоту на ведьм. Этак голова совсем кругом пойдет, а толку никакого. Пока мы станем сами с собой разбираться, Мориарти от смеха живот надорвет.

– Так что же тогда делать-то? – озадачился Тарута.

– А я вот вам стихи почитаю, для разнообразия, – предложил Бортников. – Сочинение товарища Сталина. И не тогда, когда он был семинаристом, об этой его поэзии всем известно, а много позже, на исходе жизни, в 1949 году.

И, не дожидаясь ответа от ошарашенной публики, начал:

Поговорим о вечности с тобою.

Конечно, я во многом виноват!

Но кто-то правил и моей судьбою,

Я ощущал тот вездесущий взгляд.

Он не давал ни сна мне, ни покоя,

Он жил во мне и правил свыше мной.

И я, как раб вселенского настроя,

Железной волей управлял страной.

Кем был мой Тайный высший повелитель?

Чего хотел Он, управляя мной?

Я, словно раб, судья и исполнитель,

Был всем над этой нищею страной.

И было все тогда непостижимо.

Откуда брались силы, воля, власть?

Моя душа, как колесо машины,

Переминала миллионов страсть...

Конец уж близок. Дальше – только атом.

Он в сорок пятом прошептал в ушко:

– Ты был моим послушником, солдатом,

И твой покой уже недалеко!..

– Аплодисментов не надо. Или вот еще.

– Ну, все, хватит, – остановил его Сургутов. – Заканчиваем совещание. У нас тут не изба-читальня. Все свободны.

Уже идя к выходу, Муромцев обернулся и спросил у генерала:

– А как с досье Буданова и его архивными делами?

Сургутов сожалеюще развел руками:

– Доступ закрыт. Увы, даже я не в силах тебе помочь.

В приемной Бортников, опираясь на костыль, свободной рукой похлопал Муромцева по плечу и шепнул на ухо:

– Не переживай так, пошли ко мне. Я тебе сам о нем все расскажу. У меня это досье вот тут, – и он постучал себе по лбу.

– Чтобы я без вас, Афанасий Никитич, делал? – воодушевившись, ответил на это Муромцев.

– Буданов, Глеб Викторович, мой давний приятель и сосед по даче, – сказал Бортников, начиная заваривать чай. – Постарше меня будет лет на десять. Сейчас ему под восемьдесят. Мы все там, в одном дачном кооперативе ветеранов КГБ, в Петелинке. Вот куда бы американцам маленькую бомбочку сбросить, чтобы всех разом и накрыть, – усмехнулся саркастично он. – Поскольку головы у старичков по-прежнему светлые. В отличие от замов Сургутова. Все Васины полковники – дураки. И перестраховщики. А кто-то из них еще и предатель.

– Вы серьезно? – спросил Муромцев.

– Да. И думаю, это Смышляев. Он из них самый сообразительный. А такие всегда носом чувят, где кормежка по-лучше. И кто в конце концов победит. Давно уже, наверное, переметнулся к Хадсону. Или к другим, кто за Тортошиным бегают. Жить-то хочется. И вкусно жить.

– А Тарута с Роговым?

– Эти просто тупые консерваторы. И карьеристы. Смотри, ты вот в их возрасте, а все еще «подпол», а он – «полканы», хотя ничем особым свои звездочки не заслужили. Ну чем, скажи, они достойней тебя? Мыслят штампами, за новыми веяниями в мире не следят. Так, только изображают видимость деятельности. И командовать мастера. Я вот давно старик и скоро, наверное, вообще уйду – и отсюда, и навсегда, но мне-то прогностические размышления Егоршина понятны, а им – нет. Более того, я всецело разделяю его опасения по поводу судеб мира и России.

– А Сургутов?

– Вася начинал как очень грамотный и толковый специалист, когда я тут этим отделом верховодил, – отозвался Афанасий Никитич. – Я же потом его и выдвинул, а сам на заднюю скамейку отошел. Вроде запасного игрока или тренера.

– «Серого кардинала», – поправил Петр Данилович.

– Можно и так, – согласился Бортников. – Но меня эта роль устраивает. И забот меньше, и ответственности. Годы все-таки... Но пока есть силы – сражаюсь. А Сургутов тоже несколько заостенел. Кресло начальника всегда этому

способствует, магически влияет на человека, в основном, на его задницу. Запомни. Так что наверх особенно не рвись. Сохранишь трезвую голову и умное сердце.

Они стали пить чай. И продолжать беседу.

– А это, в самом деле, стихи Сталина? – спросил Муромцев.

– Да. Я их сам в его архивах раскопал. Вот что скажу по этому поводу. Стихи промыслительные. Сталин фактически никогда не был коммунистом. В отличие от Троцкого и его команды, он являлся националистом и государственным. И по идеологии, и по делам. Не был он и атеистом, категорически запрещал выписывать в свою личную библиотеку атеистическую литературу, брезгливо называя ее «анти-религиозной макулатурой». Как и всякий теист, он думал и о посмертном существовании. Сталин хотел победить Нечто... А не пойти ли нам перекусить в «Элефант»? – предложил вдруг Бортников, взглянув на ручные часы. Они у него были массивные, в хромированном корпусе, еще старой советской марки «Победа» с красной звездой на циферблате.

– Да, – кивнул Муромцев. – От ваших лекций не оторваться.

– Была бы польза, – со значением ответил Афанасий Никитич, берясь за костыль.

В «Элефанте» ветеран спецслужб продолжил свою лекцию.

– Банки управляют миром. Мейер Ротшильд говорил: «Дайте мне контроль над выпуском денег в государстве, и мне плевать, кто будет писать его законы». Эта формула действует всюду. А Томас Джефферсон, один из «отцов-основателей» США, вообще утверждал, что если американский народ когда-либо позволит частным банкам контролировать эмиссию долларов, то сначала посредством инфляции, а потом – дефляции, банки и корпорации будут отнимать у людей собственность до тех пор, пока их дети однажды не проснутся бездомными. Но к его словам не прислушались. А Егоршин прав. За профессором Тортошиным, этим старым лисом, сейчас гоняются многие борзые

псы – финансовые корпорации и кланы. Но твой давний приятель упустил из виду одно. Главных кланов на земле только два. Это Ротшильды и Рокфеллеры.

Муромцев быстро расправился с бульоном и котлетами. А ветеран ел не спеша.

– Не буду останавливаться на противостоянии и жесткой войне этих двух кланов, которая попутно вылилась в многомиллионные жертвы войн реальных. Определимся с приоритетами Ротшильдов и Рокфеллеров.

– Давайте, – кивнул Муромцев.

– Если Рокфеллеры – это, прежде всего, «нефтяная» династия, то для Ротшильдов главное – золото и другие драгметаллы. Группу Рокфеллеров условно назовем «Процентщики». Еще в период промышленной революции ей удалось закрепить за собой финансовые потоки от добычи нефти и военно-промышленного комплекса. Однако ссудная денежная накачка реального сектора экономики, а затем и виртуальной экономики, оторвалась от натуральных стоимостей земных богатств.

– То есть?

– Подходим к кризису 2008 года. В обеспечение долларовой эмиссии инвестиционные банки группы Рокфеллеров стали использовать даже такие гипотетические вещи, как запасы гелия-3 на Луне. И ссудной накачке пришел естественный конец, несмотря на Нобелевские премии Обама и двум проходимцам – Роберту Мертону и Майрону Шоулзу – за «научное доказательство» того, что экономических кризисов больше никогда не произойдет. А в результате еще больший мировой финансовый крах грозит подорвать и экономику мира, и целостность самой США.

Суп закончился, в ход пошли котлеты.

– Группа Рокфеллеров оказалась в положении «удерживающего» позиции ссудной экономики бумажного доллара. Удержание валюты обеспечивалось ими демонстрацией военной силы: удары по Югославии, Афганистану, Ираку, Ливии, Сирии, развал Украины. После чего силы стали иссякать. Курс этой группы – на медленную гиперинфляцию, а распространение влияния происходит через «про-

ект глобализации», имеющий линейную направленность. Субъектом богатств капитала этой группы выступают тайные организации, которые объединяют преимущественно белых англосаксонских протестантов. Но Рокфеллеры в распаде СССР особо заинтересованы не были. Важно это подчеркнуть.

– И на том спасибо.

– Теперь о Ротшильдах, которых условно назовем «Менялы». Группа сформировалась в конце восемнадцатого века из этно-религиозного клана менял, антикваров и ювелиров. Укоренилась она в первую очередь на инфраструктуре Британской империи. Группа специализируется на контроле оборота драгоценных металлов и камней, финансовых пирамидах, спекуляции на обменных курсах любых трех учетных единиц стоимостей, например, золото-серебро-медь, и контроле над такой «резервной ликвидностью», как наркотики. Опиум, героин, кокс и прочее.

– Вам бы в университете с экономическими и политологическими лекциями выступать, – заметил Муромцев.

– Да я ведь читаю спецкурс в Высшей школе ФСБ. Не только биофак, но в свое время еще и Институт Плеханова закончил, – скромно отозвался Бортников. – Но это детали. Главное в другом. Слушай дальше. Группа Ротшильдов опирается на знание каббалы. Ее международное влияние изначально шло через «Проект Интернационал» и этно-религиозную диаспору. В 1971 году, когда Никсон вынужденно отменяет золотое обеспечение доллара США, положив начало демонтажу Бреттон-Вудской системы, Ротшильды в Европе создают Интер-Альфа-группу – банковский консорциум. Он объединяет одиннадцать контролируемых Ротшильдами ведущих европейских банков.

Проводив взглядом официанта, принесшего кисель из клюквы, Бортников дополнил:

– Несколько особняком стоит только банк Сантадер – проект, совместный с Ватиканом. Одновременно, осознав «ересь неограниченного и необеспеченного ссудного процента» и предвидя очередной после Великой депрессии «кризис перепроизводства» финансовых бумажек, клан

Ротшильдов частично уступает свой контроль за Федеральной резервной системой США клану Рокфеллеров. Взамен получает контроль золотого запаса Форт-Нокса – переместив большую часть металла в хранилища Нью-Йорка и Лондона. Добавлю, что за обнародование этой информации в 1974 году личный секретарь Рокфеллера поплатилась жизнью.

– Наверное, не она одна.

– Уж это точно. Готовясь к неминуемому кризису кредитно-финансовой системы, Ротшильды двинулись в Китай. При этом главный инвестиционный банк группы Ротшильдов Goldman Sachs, известный как «Фирма», еще в 2005 году на десятилетие вперед предрек экономический рост Китая на 10 % в год и стал переносить свою операционную базу в Поднебесную, где имеется независимый от Запада громадный внутренний рынок.

Покончив с обедом, они вышли на улицу.

– Ротшильды сейчас контролируют глобальную торговлю банковским золотом, получая выгоду при массовых перемещениях металла в результате кризисов и войн, – продолжал Бортников. – А Китай с помощью этой банковской группы стремительно наращивает свой золотой запас. Сегодня группа Ротшильдов находится в положении наступающего, держа курс на внезапный государственный дефолт США по доллару, обнуление виртуальных учетных записей и переоценку стоимостей в унциях золота. А основным субъектом богатств финансового капитала группы Ротшильдов-Кезвиков, в первую очередь, выступает масонский орден «Бнай Брит». Его сакральное место – «Стена Плача». Главные ячейки сети находятся в Лондоне, Эдинбурге и Гонконге. Так что, вполне возможно, именно они и нацелились на Тортошина.

Муромцев молчал. Что можно было тут сказать? А Бортников продолжил:

– Справедливости ради, следует добавить, что в мире существует еще и третья финансовая сила. Это банковская группа Ватикана, условно называемая нами «Оценщики».

– Кем «вами»? – спросил все же Петр Данилович.

– Нами, аналитиками спецслужб, я ведь не только сверхъестественными возможностями и прочими чудесами занимаюсь, – нехотя ответил легендарный генерал-майор. – Меня привлекают и для других «историй»... Более реальных. И скажу так. «Оценщики» также могут охотиться за Илюшей. Я тебе все это по-дружески рассказываю, чтобы ты был в курсе. Ты слишком близко подошел к Тортошину, а это смертельно опасно. Всегда будь теперь начеку. Потому и посвящаю тебя в некоторые сверхсекреты.

– За это – отдельное спасибо.

Они шли по переулкам, решив пока не возвращаться в Управление.

– Началось продвижение интересов Рима через банковскую группу Сантадер с момента своего основания в 1857 году. Она находится в сфере влияния группы Ротшильдов, с которыми связаны представители семейства Ботин, возглавляющие этот банк. В 1942 году Ватикан создает свой собственный банк, назвав его «Институт религиозных дел». Он, согласно уставу, управляет ресурсами, принадлежащими религиозным агентствам. И предоставляет возможность инвестировать средства, привлеченные на их вклады, конфиденциально и без уплаты налогов. Понимаешь теперь? Данные о его деятельности и финансовом положении практически не разглашаются.

– Понимаю...

– Он относится к числу тех финкорпораций, которые осуществляют крупные инвестиции в банковское дело и в торговлю не только в Италии, но и во всем мире. Об этом немного рассказано в фильме «Крестный отец-2».

– Дело ложи «П-2» и внезапная смерть Папы Иоанна Павла I, – вспомнил подполковник.

– Именно. Ватикан после неудачных попыток начала 1970-х обратить внимание на проблемы масонской экономики и политики, теперь вновь пытается занять позицию третьей силы. Над схваткой за лидерство между остающейся в США группой Рокфеллеров и уходящей в Китай группой Ротшильдов. Благодаря Ватикану Сантадер создал сеть сначала по всей Испании, затем провел финансовую

экспансию в Латинскую Америку и закрепил свое присутствие в Европе, заключив стратегический союз с Королевским банком Шотландии, где преобладают католики.

Стал накрапывать мелкий дождь, сменившийся быстро тающим снегом.

– Сантадер является главной финансовой группой Испании, первым банком в Еврозоне и девятым в мире по рыночной капитализации. Распространение влияния группы Ватикана идет через проект «Универсализм». За ней стоят финансовые потоки «человеческого капитала» и «экономики знаний». А раз так, то можно не сомневаться, что они и намерены упрятать Профессора в свою банковскую ячейку. Коллекционировать ученых – это их прямая обязанность.

– Выходит, старый лис мечется между флажками, представленными «процентщиками», «менялами» и «оценщиками»?

– Пока не угодит в чью-то сеть, – кивнул Бортников. – Но нам нужно, чтобы он работал на Россию. Или, по крайней мере, умер бы уж, что ли...

Дальнейший разговор происходил в кафе «Де Марко» на Тверском бульваре.

– «Оценщики» делают ставку на потребности человека и доверие к его мускульным и творческим способностям, – продолжал Бортников. – В рамках группы Сантадер был создан специальный фонд со штаб-квартирой в Мадриде, где проводятся встречи с представителями политкругов Китая, Индии, России и Бразилии, то есть почти всей группы БРИКС. Для частных обсуждений вопроса о том, какой должна быть ориентация той или иной страны. Сантадер сотрудничает с академическими сообществами в различных странах мира. При этом Ватикан располагает самым обширным и непрерывным историческим опытом управления глобальными процессами.

– Да, похоже, что Мориарти прямая дорога туда.

– Тем более что главное направление этой группы – «оценка», или goodwill. А в постиндустриальном обществе, где основным богатством будет якобы не земля и

не капитал, понимание мировых процессов создается различающими иллюзии и понимающими правду «оценщиками». Словом, сплошной «Новый Вавилон». Только уже по-католически. Влиятельными носителями взглядов группы Ватикана на мир в концептуальном и организационном плане, а также субъектом богатств «человеческого капитала», сегодня выступает «прелатура папского престола» – орден «Опус Деи». Он объединяет старо-европейскую романо-германскую родовую аристократию – «роялов»... С «голубой кровью».

– Это уже совсем близко к теме.

– А их штаб-квартира находится в Испании. Тайным знаком посвящения в «Опус Деи» считается картина Веласкеса «Менины» в музее Прадо. У «менял», как я уже говорил – Стена Плача в Иерусалиме. А у «процентщиков» – в Риме на Viale Bruno Buozzi, 73. Окажешься там – заходи. Всегда будем рады, – пошутил Афанасий Никитич.

– Заскочу при случае.

– Кстати, наших президентов, когда они еще находились в тандеме, при посещении Мадрида и Иерусалима, якобы случайно, подводили и к этой загадочной картине Веласкеса и к Стене, следили за реакцией на лицах, но что-то там не срослось, посвящения не произошло.

– А в Риме?

– Тоже. Но вернемся к противостоянию двух кланов. Для Рокфеллеров Советский Союз всегда был неким противовесом Ротшильдам. Рокфеллеры в равной мере поддерживали как германских национал-социалистов, так и советскую индустриализацию – «деньги не пахнут». И в отличие от их извечных конкурентов, им нужна объединенная Евразия со всей ее нефтью. Потенциальными лидерами континента они считали как Гитлера, так и Сталина. Кто бы из них ни победил – все равно, но только при их собственном непременном контроле. А для этого требовалось довести обе страны в междоусобной войне до состояния неспособности бросить вызов Соединенным Штатам. Но Сталин их переиграл. В 1945 году он сам стал самостоятельной фигурой глобального масштаба.

Кофе был превосходным. Бортников продолжал:

– Существует малоизвестный, в отличие от пакта Молотова-Риббентропа, пакт Молотова-Хисса, заключенный в 1944-1945 годах на конференциях Объединенных Наций в Думбартон-Оксе и Сан-Франциско. Их патронировал будущий губернатор Нью-Йорка и вице-президент США Нельсон Рокфеллер. Этот пакт стал щелчком по носу политической «элиты» США. Отныне ей не следовало совать этот самый свой нос в дела народов СССР и стран Восточной Европы, как, впрочем, и Москве в «британский» Иран и «американскую» Саудовскую Аравию. Здесь я позволю сделать одно лирическое отступление.

– Сделайте, если вам так уж этого хочется, – милостиво разрешил Муромцев.

– Свой первый серьезный опыт революционной борьбы Иосиф Джугашвили приобрел, выступая против клана Ротшильдов, спонсоров мировой революции. Именно в Закавказье к Сталину пришло практическое понимание истинного талмудизма и нюансов нефтяной войны, которые стали главными причинами «великих потрясений» двадцатого века. Оттуда же – неприятие космополитизма и перманентной революции – троцкизма.

«Если он так же интересно читает лекции в Высшей школе ФСБ, то надо как-нибудь непременно туда заглянуть», – подумал Муромцев.

– Однако первые же революционные события на Кавказе отрицательно сказались на нефтяном бизнесе. И если предприятия Нобеля не столь сильно страдали от большевиков, то о хозяйстве Ротшильдов такого не скажешь. Главной задачей Ротшильдов в России в конце девятнадцатого века являлось установление контроля над нефтяными месторождениями Баку. И они этого добились, превратив попутно древний город в «символ нового времени» – Вавилон... Вот так «либералы» запускали в Россию международных спекулянтов и капитал, который стал впоследствии финансовой основой свержения законной власти – русского самодержавия.

– Какой же вывод напрашивается?

– А такой. В период своей деятельности на Кавказе Сталин фактически боролся не столько с самодержавием и местными «буржуйчиками», сколько с представителями иностранного капитала, Ротшильдами, для которых главной задачей на тот момент как раз и было – свалить это самое самодержавие. При первом же взгляде на эту, не уместящуюся ни в какие рамки историческую фигуру бросается в глаза его необычайная целеустремленность, внутренняя сила и спокойное достоинство. А также неиссякаемая уверенность в своем высоком предназначении, особой миссии в мире.

– То есть он не был истинным революционером?

– Нет, скорее уж «контрой». Он действовал всегда целесообразно, в интересах большинства, развивая в этом смысле «традиции русского большевизма». Я бы даже сказал: не большевизма, а нашего врожденного максимализма в неприятии рабства и несправедливости, служения «золотому тельцу». Это вернее. Его обвиняют в том, что он был «посланником ада», «демоном во плоти», хитрецом из отряда «трижды проклятых». Но мы считаем, что это, напротив, – «Бич Божий», «Правый разбойник», «Савл, ставшим Павлом».

– Опять «мы»? – спросил Муромцев.

Афанасий Никитич несколько смутился и вынужденно ответил:

– Ну, мы – ветераны спецслужб, дачники в Петелинке. Старики, одним словом. Сталинисты. Даже больше в шутку, чем всерьез, общественный комитет такой на даче создали. Заняться-то все равно большинству нечем.

– И вы там, конечно, председатель?

– Не я. Буданов.

Они вышли из кафе и стали прогуливаться по Тверскому бульвару, направляясь в сторону Лубянки.

– Так кем же он был, этот, как называл его Ленин – «чудесный русский грузин»? – спросил Петр Данилович. – Ваше мнение?

– Он был умнейшим аналитиком, опередившим свое время минимум на два поколения, отвергнувшим «Вавилонский проект» покорения мира. Он отрицал его ветхозаветную составляющую в части служения мамоне и поклонения Ваалу, а также претензии на «богоизбранность» жреческой касты, под незримым руководством которой и сейчас совершается перманентная мировая революция... И учти, если бы победил Троцкий со своими присными, то мы бы уже давно оказались на самом деле «винтиками». Все стали бы «трудовой армией» для темных сил.

– Это даже не оспаривается.

Некоторое время они шли молча. Потом Афанасий Никитич продолжил:

– Однако ситуация, к сожалению, радикально поменялась после ухода Сталина из жизни. Ему, конечно же, «помогли» это сделать.

В беседе с Бортниковым пролетело уже несколько часов. Но Муромцев нисколько не жалел о потраченном времени. Напротив, этот день он начинал считать очень удачным для себя.

Многое становилось понятным. И не только в психологическом портрете Тортошина. В скрытых пружинах мироздания. Картина определилась полностью. Тайные связи прояснялись. Но и это было еще не все. Афанасий Никитич продолжил:

– У России, с одной стороны, появляется уникальный шанс: сыграть в глобальной Большой игре вместе с Рокфеллерами – партнером временной значимости, который сегодня сам жизненно заинтересован в консолидированной и сильной России. Что будет завтра – уже другой разговор: это – политика, в которой, наряду со стратегией, существует и тактика, и компромисс... С другой стороны, реализации этого шанса будет всячески препятствовать агентура Ротшильдов. Ибо в их стратегии Российская Федерация должна быть расчленена, как того добивался Горби.

– Но России требуется, конечно же, новая элита – национальная, а не компрадорская.

– Да.

– Начиная разговор о Профессоре, мы вышли вон на какие масштабы! – усмехнулся Муромцев. – Но так или иначе все взаимосвязано.

– Конечно, – согласился Бортников. – Финансовый кризис в нашей стране может быть начат в любое время. Сошлюсь на данные нашей внешней разведки: каждый месяц в каком-нибудь ресторане на Уолл-стрит собираются руководители девяти мировых банков. И каждый месяц эти девять человек принимают решения, касающиеся шести миллиардов людей: каким будет процент безработицы в мире, сколько умрет от голода, какие правительства будут свергнуты, и так далее. Это респектабельные преступники, но они влиятельнее любого мирового политического лидера. У них реальная власть – власть денег.

– О том же мне говорил и Егоршин в Северной Фиваиде. Бортников усмехнулся.

– Да это я объяснял Илье Гавриловичу, а он уже, наверное, пересказал своему ученику и твоему приятелю.

– Меня интересует вопрос: Ротшильды и Рокфеллеры – это последняя линия влияния, о которой мы знаем, или за ними еще кто-то стоит?

– Вопрос очень занятный. Сами факты говорят о том, что мировое правительство – это тот горизонт, который удаляется по мере приближения к нему. А что за ним? Этого никто не знает, можно только догадываться. В то же время мир действительно держат за горло несколько групп или кланов, сплоченных в кластеры. Они имеют неограниченные возможности. У них на поводке целая свора цепных псов. Это власть, собственность, СМИ, прикормленная наука, масс-культура, тотальная слежка, о которой нам поведали Сноуден и Викиликс, – да мы и без них знали! – а еще суперсовременное оружие, в том числе и бактериологическое, и даже такое, о котором мы еще не догадываемся. И, когда нужно, они спускают гончих псов на лис. То есть на неугодные им государства и народы...

– А когда вы видели Тортошина в последний раз? – задал главный для себя вопрос Муромцев.

– Когда? Дай вспомнить. Да месяца четыре назад. Он вдруг позвонил, я и приехал.

– А куда?

– На природу, – коротко ответил Афанасий Никитич. – Побродили по лесу, грибы пособирали. Славно пообщались.

– А потом? О новой встрече не договаривались?

Бортников лишь вздохнул и многозначительно с долей сожаления произнес:

– Петя, Тортошин всегда появляется тогда, когда сам захочет. И большей частью – неожиданно.

Они попрощались, и Муромцев поехал к Будановой. Она еще накануне сказала, что его ждет сюрприз.

ГЛАВА 14. «ВИРУСЫ В ПОГОНАХ»

Ирина открыла дверь, поцеловала его и шепнула:

– У нас дедушка. Ужинает. Мой руки и веди себя прилично.

– А я сегодня и так на удивление трезв, даже самому странно и обидно до слез, – тихо ответил Петр. – Может, мне лучше не светиться?

– Не мели ерунды. Он специально из-за тебя приехал.

– Тогда надо причесаться. Галстука-бабочки или банта какого-нибудь на шею у тебя нет?

– Бумажный флокс тебе в петлицу. Устроит? Могу принести.

Буданов сидел за столом в гостиной, но к ужину еще не приступал. Ждал жениха. Расставшись с одним ветераном КГБ, Петр с ходу угодил «в лапы» к другому. Хотя генерал-полковник выглядел совсем не страшно, напротив, как обыкновенный дедушка, не знающий, чем бы еще заняться на пенсии. Вот, разве что, посмотреть на женишка...

С Глебом Викторовичем Муромцев виделся всего один раз в жизни, когда летел кубарем с балкона на клумбу, получив щелчок по лбу. Но встреча запомнилась. И ему показалось, что Буданов нисколько не изменился. Седины прибавилось, морщин, но сухощавая фактура осталась прежней. И взгляд умный, пронизательный, совсем не

старческий. Ему бы еще работать и работать, а не в огороде копаться.

– Прошу, молодой человек, присаживайтесь, – радушно произнес отставной генерал в ответ на приветствие. – А я ведь вас помню. Только вы тогда как-то очень уж скоротечно исчезли. Но давайте продолжим наше знакомство.

– А уж я-то как рад... не поверите... – смутился и запнулся Муромцев.

– Рассказывайте. Не стесняйтесь. Хотя я и так все про вас знаю. Мне Афанасий докладывал. И очень вас хвалил.

– Он слишком добр ко мне. Еще не все темные стороны моей души исследовал.

– А стороны сердца?

– Сердце принадлежит Ирине, – честно ответил Петр. – Давно и бесповоротно.

– Что ж, ответ годится. Тогда начнем ужинать.

Буданов полез в сервант и достал из него бутылку коньяка. «Опять «Ной», – отметил Муромцев. Странное совпадение. «Ты стал слишком подозрителен, – тотчас же сказал он себе. – Во всем ищешь след Тортошина».

Ирина принесла запеченную в духовке курицу, выставила на стол рюмки. Буданов, иронично улыбаясь и с любопытством поглядывая на Муромцева, вдруг засмеялся:

– Не бойтесь, пейте! – сказал он. – Это я на Арбате в супермаркете покупал. Так что не отравитесь, как в прошлый раз. Мне Ириша рассказывала...

Петр вздохнул с облегчением. Действительно, глупо думать черт-те что. Он расслабился, тоже улыбнулся, чокнулся с генералом. Беседа между ними приобрела совсем непринужденный тон.

– А ты что же? – посмотрел на внуку генерал.

– Ты же знаешь, дедушка, я не пью, – скромно потупилась она.

– По праздникам. Только по будням, – добавил Петр.

– Но от шампанского-то не откажешься? Принеси там, коллекционное, из морозилки, которое я привез. Одну сейчас выпьем, а вторую на Новый год оставь. И икорки захвати.

Пока Ирина ходила выполнять просьбу генерала-дедушки, Муромцев спросил:

– А по какому случаю такое торжество?

– А мне говорили, что ты очень догадливый. Прирожденный сыщик.

Буданов сменил тон и без долгих церемоний перешел с ним на «ты». Имел право. И по возрасту, и как старший по званию, и просто в качестве будущего родственника. Он продолжил:

– Теперь скажи мне вот что. Что там у тебя за канитель с Тортошиным? В двух словах, пока Ириши нет.

– Да все никак не изловим.

– Пустой номер – искать черную кошку в темной комнате, особенно, когда ее там нет.

– Конфуций, я знаю.

– Вот и думай.

– Но я вашу аллереорию в данном случае не понимаю.

– Просто будь с ним поаккуратней, что ли. Если найдешь, конечно. Не прессуй. Илья Гаврилович, я знаю, всегда хорошо относился к Ирише и Валентину.

– Слушаюсь, товарищ генерал! – Муромцев приподнялся со стула и даже отдал честь.

– К пустой голове... – усмехнулся Буданов. – То, что у внучки с Валеи личная жизнь не заладилась – это их проблемы. Еще надо поглядеть, как у вас сложится. Но ты мне симпатичен. Вот и Афанасий советовал присмотреться. Рекомендовал.

– Куда? Неужто в Союз кинематографистов?

– Единственный твой недостаток – много шутишь. Но это пройдет, когда с головой окунешься в то, о чем тебе сегодня рассказывал Афанасий. Он ведь не случайно ввел тебя в курс всего того, что творится в России и во всем мире. Приоткрыл завесу. По моей просьбе. Дальше узнаешь больше. Но теперь все зависит от тебя самого.

– А что именно?

– А то, – со значением сказал генерал, – как ты себя проявишь в деле с Тортошиным. Правильно себя поведешь

или нет. Тогда и поглядим, стоит ли тебя вводить в наш круг, или промахнулись.

– А как надо-то? – спросил Петр.

– Надо как положено.

Ответ Муромцева не удовлетворил. Но он понял, что это и было главной целью приезда Буданова. «Прощупать» его на какую-то профпригодность. К чему? Не к тому ли, чем эти «старички» занимаются на дачах в Петелинке? Но это же смешно. Или нет? Или он еще многого не знает? Но во все не на «смотрины» жениха приехал дедушка. Хотя и на них тоже. Судя по всему, генерал умел отделять «личное» от «конкретного», и никогда, даже совмещая их, не упускал из виду то, чем занимался всю жизнь.

– А что это за «круг избранных»? – на всякий случай спросил Муромцев.

Вернулась Ирина, неся на подносе бутылку французского шампанского и бутерброды с икрой. Но в разговор не вмешивалась, сидела в сторонке с отстраненным видом.

– Скорее посвященных в тайны общества, – отозвался генерал. – Но об этом с тобой еще рано говорить.

– То есть не прошел еще обряд инициации? Вроде стояния перед картиной «Менины» в Прадо? А у вас, должно быть, надо будет прислониться к Царь-колоколу?

– Прекрати. Никакого обряда и прочей чепухи нет. Мы не масоны. Это на Западе всякие там каббалистические инсинуации. «Процентчики», «Менялы» и «Оценщики» только на том и держатся. Нам кажется, что у них все – власть, СМИ, банки. Да, это так. Но за ними нет главного – правды и Духа Божьего. Поэтому окончательная победа будет за нами.

Муромцев стал открывать шампанское. Буданов продолжал:

– Некоторые называют нас сталинистами, но мы просто патриоты России, государственники-консерваторы. Да, ядро составляют бывшие и лучшие работники спецслужб. Но это же естественно. Кто, как не они, умеют мыслить аналитически, докапываться до самой сути? Раскрывать самые запутанные тайны. И так было испокон веков. Едва ли не с сотворения мира.

Пробка с громким хлопком вылетела, срикошетила от потолка прямо на колени Ирины, но шампанского ни капли не пролилось. Это Муромцев умел делать: практика.

– Bravo! – похвалил генерал. – Потом как-нибудь у меня на даче посоревнуемся в меткости. Там пара ящиков еще осталась. Так вот. Змей искушал Еву яблочком, соблазнил ее, в конце концов, а она – своего дурачка-мужа. А как шло обольщение? Змей говорил: откройте глаза, вкусите от Древа Познания и тогда поймете, что плоды эти очень вкусны и хороши. Более того, приятны для глаз и вожделенны. Как мутагенные продукты в красивой рекламной упаковке. И вот тогда, добавлял он, вы сами станете как боги. Вот в чем главный смысл его слов. Самим стать богом. Так всегда было в «Вавилонском проекте». Что прежде, что ныне. Понимаете, дети мои?

– Понимаем, – вступила в разговор Ирина.

– Но на страже райского сада находились преданные архангелы, – подвел итог Глеб Викторович. – То есть работники органов. И они тоже не дремали. И когда они поставили руководство в известность об этом хитроумном заговоре, первые люди на Земле были высланы за пределы суверенного Эдема. А на границе для охраны выставлены усиленные посты херувимов с «пламенными мечами». Вот вкратце история начала спецслужб.

– Да, любопытная интерпретация Ветхого Завета, – улыбнулся Муромцев.

– И в этом деле никакой мягкотелости быть не должно, – насмешливо добавил Буданов. – Мы тоже умеем поступать жестко и адекватно. А с предателями и болтунами не церемонимся. Как произошло с Катаджаном Алибабаевым. Так что и ты это запомни. На всякий случай.

– Дедушка, ты моего Петю очень-то не пугай, – сказала Ирина.

– Его запугаешь, как же! – откликнулся генерал. – Сам на кого хочет страх нагонит. Но Тортошина поостерегись.

Буданов посмотрел на часы.

– Ладно, мне пора. Все, что хотел сказать – сказал. Увидеть – увидел.

– Как же ты поедешь? Поздно уже, оставайся, – посоветовала внучка.

– А меня шофер внизу ждет.

Муромцев помог Буданову надеть отороченный волчьим мехом полушубок. Гражданская одежда забавно сочеталась с генеральской папашой.

– Да, вот еще что! – вспомнил Глеб Викторович. – Дам тебе напоследок один совет. Рептилии живут в каждом из нас. Умей совладать с собственной, внутри тебя. Раздави ее, гадину. Беспощадно. Даже если тебе будет от этого больно.

И он, поцеловав на прощанье внуку и пожав жениху руку, ушел. «Смотрины», судя по всему, прошли удачно.

«Чес» в Сходне результатов никаких не дал. Кареев предложил на утренней оперативке это занятие прекращать. Между ним и Холмогоровым возникли по этому поводу разногласия. Тот сказал, что надо расширить зону поиска по всему Подмоскovie.

– Это тебе, «кап-три», не твой родной Крым, где все в одном котле варятся, – вмешался Кузнецов. – Здесь народу в три раза больше, да еще напуганные беженцы с Украины. А мигрантов из Средней Азии сколько!

– И если на полуострове практически все друг друга знают, то в Подмоскovie – локальные автономные зоны. Возьмите любой городок или поселок. Там жители ведать не ведают, кто как живет и чем занимается в соседнем, за десять километров, – добавил Родионов.

– Но не это главное. Нашли бы и в Подмоскovie. Времени нет, – сказал Штокман.

– Да уж, – согласился Кареев. – До конца отпущенного нам генералом срока остается четыре дня. Включая сегодняшний.

– Если увязнем в Подмоскovie, не успеем, – откликнулся Тер-Маркарян.

– Помните «Гусарскую балладу»? – спросил Кузнецов. И процитировал: – «На рассвете генерал расстрелять нас обещал. Свое он держит слово...»

– Нет, применит инъекцию альфа-суматриптана, – возразил Отрошенко.

– Наркоту я тебе сам могу достать, башку снесет – только свистни, – предложил Ломидзе.

– А ты торгуешь дурью, что ли? – поинтересовался Губайдулин. – Тогда и на мою долю бери. На райских дев в эротическом танце перед встречей с Аллахом и я не прочь взглянуть.

– А вот моим последним желанием будет на балет сходить. Никогда не был, – высказался Капустин.

Муромцев все это время молчал. Ему не давал покоя вчерашний разговор с Бортниковым, затем неожиданная встреча с Будановым, а потом еще и полубессонная ночь с рептилиями. «А как же тогда его ищут эти, другие, у них что, ума больше?» – думал он и пытался поставить себя на место спущенных с цепи гончих кобелей и сук из псарен «Процентчиков», «Менял» и «Оценщиков». Хотелось влезть в их шкуру и понять, как бы повели себя они в этой охоте на лиса?

– А где Трынов? – спросил он.

– За Федосеевым вместе с Арсением приглядывает: как бы и того не украли, – отозвался Леонид.

– Так. Какие еще будут предложения, помимо того, чтобы сходить на балет, ломануться коксом и поглазеть на стриптиз пери?

– Да никаких! – развел руками моряк.

– Тогда, чтобы не портить вам настроение, ставлю такую задачу. Сегодня всем... разойтись и заняться своими личными делами. Но не отдыхать, а просто расслабиться. И ни в коем случае ничего не пить кроме минералки. И постоянно думать о Профессоре. Смена рода занятий – лучший способ возврата к нему же, но по кратчайшему пути, по себе знаю. Вдруг чем-нибудь да озарит. И всем держать связь через Губайдулина.

Приняв такое решение, Муромцев отправился к генералу. Изложив ему свою оценку событий в свете последних двух дней, он услышал вопрос:

– А кто, по-твоему, стоит за спиной Хадсона?

– Поскольку «Blue light» сосредоточила свои основные капиталы в Америке, то это клан Рокфеллеров.

– «Процентщики», значит, – перешел на «бортниковскую» терминологию Сургутов. – Кстати, Хадсон вчера вернулся в Москву. По-видимому, получил новые инструкции и хочет активизировать свою деятельность. Но мы с него глаз не спускаем.

– А с другой стороны, банк Сантадер «коллекционирует» ученых со всего мира. Я склоняюсь к мнению, что он способен перейти дорогу Рокфеллерам. И умыкнуть Профессора прямо из-под их носа.

– А «менялы»? – спросил Василий Семенович.

– Тоже мастера на все. И даже наверняка принимают участие в этой коллективной охоте. Но Ватикан, контролирующий Сантадер, из всех трех групп наиболее хитер. Так что я отдаю свой голос за «роялистов», – подвел итог Муромцев.

Сургутов забарабанил костяшками пальцев по столешнице. Подполковник, пока генерал размышлял, добавил:

– Но, в любом случае, чтобы грамотно противостоять на должном уровне столь мощным силам, – нужен другой масштаб личности, не мой, и даже не ваш. Причем имеющий большой политический вес и влияние в международных кругах. Я могу изловить Боксера, распутать дело с убийством на Лосином острове или кражу из Института биологии и генетики. Но если дело обстоит именно так, как я говорю, то даже Тортошина поймать не в состоянии. А если он прячется где-нибудь в посольстве США или Великобритании? Испании, Италии или Ватикана? А то и в китайском... Тогда что? Прикажете влезть туда ночью через чердак и вынести его сонного, как чемодан? Нет, нужен дипломатический нажим сверху. Может быть, министра иностранных дел, президента или премьера.

– Хорошо, – промолвил, наконец, Сургутов. – Продолжай искать Тортошина. А я пойду к директору. Будем решать.

В половине одиннадцатого Петр Данилович уже сидел в кабинете Бортникова.

– Значит, ты хочешь разузнать все о Буданове? – выслушав подполковника, произнес Афанасий Никитич. – На него теперь нацелился? Что ж, хвалю. А почему не на самого Сургутова? Тоже подозрительная фигура. В свое время занимался биооружием в отделе Буданова, пока я его не перетащил к себе.

– Так вы удовлетворите мое любопытство?

– Конечно, мой юный друг, товарищ и приемный сын, – начал балагурить Бортников. – Ох, не хотел бы я и сам попасть к тебе под прицел! Оказаться под твоим колпаком будет страшнее, чем в Третьем рейхе у Мюллера. Вот какие кадры мы умеем готовить! Любо-дорого.

– Значит, – перебил его Муромцев, – Буданов тоже имел отношение к проблемам бактериологического оружия? Как Катаджан и Парашников?

– А как же! Курировал их, – сменил свой шуточный тон ветеран. – Над Тортошиным, правда, поначальствовать не успел. Глеб Викторович к тому времени из КГБ уже ушел. Вернее, «его ушли».

– А почему?

– А потому, что на него как раз и «повесили» Алибабаева с Парашниковым, когда те сбежали на Запад. Это, как ты сам понимаешь – провал. Такого у нас не прощают. С тех пор он их попросту возненавидел. Этих перебежчиков. Карьера-то пошла на слом. А мог бы на самый верх вскарабкаться. На место Крюкова метил. И еще неизвестно, как повернулась бы судьба всего СССР, если бы Буданов сел в кресло Председателя КГБ, вместо этого размазни и провокатора.

Задумавшись на некоторое время, видно давно и часто вспоминал и переживал эту наболевшую тему, он чуть позже пояснил:

– Вон, китайцы, подавили танками свою оппозицию на площади Тяньаньмэнь, и живут теперь припеваючи. С коренного пути не сворачивают. А укропы вообще войну против своего же народа затеяли – и ничего. Госдеп молчит, доволен. Весь мир этим нацикам-бендеровцам аплодирует.

Думаешь, власть не должна применять силу, чтобы защитить не только себя, но, главное, государство?

– Я не политик, – ответил Муромцев. – Я всего лишь работник спецслужб. И обязан выполнять любой приказ руководства.

– Но думать-то тоже надо. И думать правильно. А когда руководство ошибается или, более того, преступно, идет против своего народа – надо его менять. И именно спецслужбы призваны тут играть главную роль. Вот «убери» мы в свое время Горбачева с Ельциным, а до кучи и всех остальных предателей, то... Эх! – махнул он рукой. Но в этом жесте выразилась вся его обида и досада.

Потом Афанасий Никитич продолжил:

– Ну ладно, это дело прошлое. Теперь о Буданове. Он придерживается правила, наиболее четко сформулированного философом Иваном Ильиным: «Россия есть величина, которую никто не осилит».

Теперь пришла очередь Муромцева задуматься. Он спросил:

– Выходит, вы в своем «Обществе сталинистов» не просто чаи на веранде гоняете и вспоминаете прошлые годы?

Афанасий Никитич нахмурился.

– Да, – ответил он, – и ничего смешного в этом не вижу.

– А я и не шучу. Просто интересно. Более того, поддерживаю.

– А я в том и не сомневался. Давно к тебе присматриваюсь. И хочу ввести тебя со временем в наш круг.

Это он вчера уже слышал от генерала Буданова. По-видимому, они всерьез рассчитывают привлечь его в свое «Общество» и делают на него какую-то ставку. Об этом Муромцеву сейчас думать было некогда. Но он все же спросил:

– А в качестве кого? Я не такой уж сталинист. Тем более не идеолог.

– Да это же не важно! – махнул рукой Бортников. – А вот пассионарий ты уже давно, по натуре. И практик. Аналитик. Вообще здоровый душой и телом мужик. Просто для того, чтобы, когда мы уйдем, остались те, кто продолжит наше дело. Так что не разочаруй меня, Петр.

Тут уж Муромцев не знал, что ответить: поблагодарить или вежливо отказаться? Решил просто промолчать. А Афанасий Никитич продолжил, возвращаясь к Буданову:

– Но есть еще одна причина, почему руководство начало относиться к нему настороженно. И отчего его личное досье и некоторые архивные дела попали под гриф: «Совершенно секретно. К открытому допуску не подлежат». Наверное, пройдет еще лет пятьдесят, прежде чем их можно будет обнародовать. Но я-то знаю. Поскольку сам там был.

– Где? – уточнил Муромцев.

– В Свердловске, в 1979 году. В СССР секретные работы над биологическим оружием велись всегда, начиная еще с 1926 года. Тогда исследования проходили в Институте химической обороны, а испытания – на полигоне в Кузьминках. Первые опыты ставились на козах, собаках и кроликах. Но уже в то время обращали внимание на змей, ящериц... Ученым не давал покоя феномен их «голубой крови». Пресмыкающихся и млекопитающих бросали в яму, где взрывали снаряды со спорами смертоносных бактерий. Следили, как животные себя поведут и через сколько часов погибнут.

– А с людьми тоже так поступали?

– В 1933 году испытания биооружия перенесли в Суздаль, – Бортников пропустил вопрос Муромцева мимо ушей. – Тогда же стало ясно, что опытов на кроликах и гадюках оказалось недостаточно. Обезьян покупать – дорого. И нарком здравоохранения Семашко, выставлемый у нас всегда этим доктором Айболитом, «рыцарем белого халата и скальпеля», дал согласие на проведение масштабных химических опытов на людях.

– На заключенных, конечно?

Бортников кивнул.

– А еще через год такое же решение приняли по биологическому оружию. На месте Покровского монастыря в Суздале находилась колония строгого режима. Именно на «сидельцах» стали проводить испытания. Входили туда не только уголовники, но и «политические». Все равно

бы потом расстреляли... Из Харькова и Саратова вызвали микробиологов. Но большинство из них отказались проводить испытательные работы. Тогда, закрытыми постановлениями органов НКВД, ОГПУ и самого ЦК ВКП (б), вопрос с отказниками решили просто. Их официально объявили врагами народа и посадили в ту же суздальскую тюрьму. Как материал для опытов. Никого из испытателей и испытуемых уже нет в живых. И это одна из самых темных страниц в истории нашего биологического оружия.

– Я об этом, по крайней мере, ничего не слышал, – признался Муромцев.

– С 1933-го по 1937 год испытания велись на острове Городомль, близ озера Селигер. Там, где сейчас президент ежегодно встречается с молодежью. Забавно, не так ли? – усмехнулся Афанасий Никитич. – Тоже, в своем роде, подопытные кролики... Кстати, пейзаж на этом острове изобразил Шишкин на картине «Утро в сосновом бору». Нравится?

– Еще бы! И конфеты вкусные.

– А параллельно спецслужбы подыскивали и другие места. Задерживаться долго на одном месте считалось нецелесообразным. Почему? Местные жители могли заподозрить что-то неладное. Любой шум в этом деле вреден. Работы над биооружием должны проходить в тишине и темноте. Без лишнего эпатажа. В итоге идеальное место нашли. Им стал остров Возрождения в Аральском море. И далеко, и жителей почти нет. А первая масштабная операция там была проведена в сентябре 1937 года. С самолетов распыляли бактерии сибирской язвы. А в 1969 году после подобной ударной опылительной акции все завезенные на остров обезьяны с рептилиями вкупе с солдатами и оставшимся упертым населением, которое отказывалось уезжать, погибли. А ведь предлагали.

– Не хотели покидать малую родину. Как у Распутина в «Прощании с Матерой», – напомнил Муромцев.

– Ну да, но вот что любопытно, – усмехнулся Бортников. – Макаки умерли не все. Те, которым кроме бананов, а их не ленились доставлять самолетами, давали еще и

спирт, выжили. Мучились, конечно, с похмелья, но сибирская язва их одолеть не смогла.

– Надо было и людям давать.

– Позже этот факт учли, давали. Риск и здоровье экспериментаторов, как писал в одном из своих рапортов начальник полигона в Кузьминках, должны компенсироваться солидным денежным вознаграждением, усиленным питанием и бесплатными путевками в дома отдыха. К его мнению прислушались. И все потекло без проблем...

– С трудом верится. Дело-то «черное».

– Ты не прав. В Кирове, например, ученые трудились не только над созданием бактериологического оружия, в сфере их интересов находились и микробиология, эпидемиология, иммунология, биофизика, аэробиология, генетика, конечно, а также физическая и коллоидная химия и новые биотехнологии. А в результате именно там, в Кирове, куда во время войны были эвакуированы военные бактериологи, была создана первая промышленная партия пенициллина, который спас жизни тысячам воинов... Был выработан первый стрептомицин, другие антибиотики, чумное противоядие, лекарство против туляримии, сапа, той же сибирской язвы. Так что науке в ее прогрессе всегда сопутствуют «темные стороны», они идут рядышком, и это нужно принять как должное, а не орать «какие мы все плохие»!

Бортников надолго замолчал, чтобы успокоиться.

Они решили выйти на улицу, перекусить в «Элефанте», как вчера, и там продолжить. За обедом Афанасий Никитич сказал:

– Но ты не думай, что в других странах работали иначе. Всюду одно и то же.

– А я так и не думаю. Наверняка у вас найдется «доброе слово» и для них.

– С точки зрения Фонда Рокфеллера, одна из причин мировых проблем – это постоянная тенденция человеческих популяций, по крайней мере, менее богатой их части, воспроизводить и умножать себя. Рост количества людей в мире означает растущий потенциал претензий с их сторо-

ны на все большую часть «Большого пирога жизни», который Рокфеллеры, Ротшильды, их богатые друзья и прочие «братья прохоровы с сестрами» расценивают исключительно как свою «данную Богом» собственность. Одним из первых филантропических проектов, предпринятых Фондом Рокфеллера еще в 1920-х годах, стало финансирование евгеники во всех ее проявлениях.

Муромцев еще раз удивился: откуда старик так много знает?

– Сделаем вывод: вопреки широко распространенному мнению идея скандинавской свержрасы не была фантазией исключительно нацистской Германии. У нее были свои ранние корни в Штатах. Президент Стэнфордского университета Дэвид Старр Джордан в своей книге 1902 года «Кровь нации» выдвинул идею «расы и крови». Он утверждал, что бедность является такой же генетической чертой, как талант. Образование не играло никакой роли: люди либо имели «это», либо нет.

– Что «имели»?

– Голубую кровь. Штат Калифорния стал моделью государства евгеники. Согласно его расширенному закону о евгенике, принятому в 1909 году, стерилизовались все слабоумные или другие психически больные, а любой преступник, которого признали виновным в каком-либо преступлении три раза, также мог подвергнуться стерилизации, по усмотрению врача. Калифорния в то время стерилизовала приблизительно десять тысяч человек, главным образом женщин, квалифицированных как «плохие девочки», многие из которых были вынуждены заниматься проституцией.

Он усмехнулся и продолжал:

– Таким образом, деньги Рокфеллера сыграли важную роль в финансировании немецкой евгеники в течение 1920-х годов. Американский евгенист Мэдисон Грант, личный друг Гитлера, даже написал, что США отравлены большим и все увеличивающимся количеством слабых, убогих и умственно отсталых из всех рас. Он обосновывал в качестве «лечебного» средства «твердую систему отбора» через устранение тех, кто ослаблен или не годен.

Они вернулись в кабинет Бортникова.

– Так что же случилось в Свердловске? – спросил Муромцев.

– Третьего апреля семьдесят девятого года в Чкаловском районе этого города произошла утечка биологического компонента, – ответил Афанасий Никитич. – При наладке новой установки в одном из сушильных цехов. Как раз тогда, когда там находился Буданов и руководил очередными испытаниями биологического оружия. Рабочие секретного предприятия начинали боеприпасы – ракеты и бомбы. В том числе и вирусами чумы и черной оспы. А они могут сохраняться долго. И возможно, до сих пор «дремлют» где-нибудь в окрестностях Екатеринбурга... А одна такая бомбочка с «суперчумой», «случайно» сброшенная на стотысячный город, способна убить все его население в кратчайший срок.

Он стал раскуривать очередную трубку.

– Подобные катастрофы случались часто. Мало кто знает о подмосковной деревушке Изварино, где размещался военно-промышленный «Объект-100». А это – километр железобетонного забора, труба крематория и высоковольтная подстанция, питающая его плазменную топку. И корпус № 5, производящий боевые токсины первой степени опасности. А также множество других лабораторий, где сотни специалистов колдовали над различными вирусами. Словом, гигантский виварий, где в ожидании мучительной смерти от рака, СПИДа или чумы стонали по ночам тысячи подопытных животных и рептилий.

– И что произошло?

– Однажды и из-за этих бетонных стен что-то такое вырвалось. Как «вырвалось» нечто подобное, похожее на бруцеллез, в 1976 году через вентиляционную систему Всесоюзного государственного научно-контрольного института на улицы Москвы. Но тогда обошлось малой кровью. Количество жертв этого биологического инцидента также засекречено. А Буданов и этот институт курировал.

– Так вот почему его личное досье и архивные дела засекречены, – произнес Муромцев.

– Ну, разумеется! – кивнул Афанасий Никитич. – Сам посуди, сколько он знает. Какой информацией владеет. Его вообще надо бы под стеклянным колпаком держать. Я шу-чу. Даже взять то же Изварино, которое он опекал. А сейчас прикинь: в одном миллиграмме ботулического токсина Б содержится примерно один миллион смертельных доз для людей. Кстати, к этому «Объекту-100» еще при Ельцине подбирались американцы, создали даже совместное коммерческое предприятие «Медтех», якобы для улучшения медицинского обслуживания окрестных сел. Но как нам удалось выяснить – и в том заслуга Буданова, – американским партнером в этом СП являлась частная фирма «Vitas», которую возглавлял некто Виктор Голанд – в прошлом представитель крупнейшего химического концерна «Мансанта». А его позже поглотил «Blue light». Хорошо, что вовремя по рукам дали. Опять благодаря Глебу. Хотя он к этому времени из «системы» уже ушел.

Он вновь задумался, что-то вспоминая.

– Так что там, в Свердловске, конкретно произошло при утечке этого биоконпонента? – спросил Муромцев.

– Сначала в местные больницы поступило сразу несколько десятков человек с одним и тем же диагнозом: острое воспаление легких. Спасти никого не удалось. Вскрытие установило новый диагноз: сибирская язва, причем очень редкой формы – легочная. Позже все истории болезней были уничтожены. Местные власти бить тревогу не собирались. Ельцин, а он в то время был первым секретарем обкома КПСС, просто отмахнулся от случившегося. Он, конечно, догадывался о существовании в Свердловске секретного биохимического предприятия, но его держали в стороне.

Помолчав, Афанасий Никитич продолжил:

– Это предприятие – «Объект-19» – насчитывало пять тысяч человек. Автономный айсберг, большая часть под землей. Выход в город запрещался. Разрешение надо было писать за месяц, да и не всем давали. Даже одежду шили одинаковую, чтобы по ней определять, где свои. Военные тоже ходили в «гражданке». Но все зарабатывали

хорошо. Инженеры получали по восемьсот рублей в месяц – огромная по тем временам сумма. Жителям городка выделяли спецпак с красной и черной икрой, шампанским и шпротами. На «Объекте-19» был свой госпиталь, роддом, детсад, загс.

– Только выйти никуда нельзя. Как в элитной тюрьме.

– Но ведь и пострадали они в первую очередь. Конечно, не так, как в городе. Там умерло на порядок больше. Но сперва санитарные службы Свердловска повели идиотскую активную пропаганду: «Мойте руки перед едой!» Все начали валить на торговцев с рынков. Мясо, дескать, некачественное. Частники виноваты. Источником заражения, по мнению врачей, стал один из скотомогильников в пригороде Свердловска. А люди уже стали умирать, страшно и быстро. Некоторые прямо на носилках. К пятому апреля больницы Свердловска были переполнены. Покойников не успевали выносить. В палатах мертвые и живые лежали рядом. Я сам не могу забыть: разговариваешь с человеком, а у него вдруг прямо на глазах по лицу трупные пятна начинают расходиться... Через минуту – идет горлом кровь. Еще через секунду – мертвец.

– Просто апокалипсис какой-то.

– Так тогда и мы думали. Респираторы не снимали круглосуточно. По Свердловску ежечасно курсировали микроавтобусы с включенными даже днем фарами и громкоговорителями: предупреждали не выходить из домов. Картина Босха. Словом, ситуация практически вышла из-под контроля.

– А как же разрешилась?

– К этому времени в город уже стали съезжаться чекисты из Москвы. Они-то знали, в чем дело. Причина была ясна. Прислали профессора Никифорова, который в КГБ занимался особо опасными инфекциями. Но специфики лечения и он не знал. Применялись обыкновенные антибиотики. Проводилась принудительная массовая вакцинация. Доставили вакцину из Тбилиси, там тоже был подобный «объект». Она не помогла. А потому, что в Свердловске произошел выброс смеси бактерии сибирской язвы

с вирусом Марбурга. А полноценное противостояние против двух таких болезней изобрести невозможно. Но к концу месяца обстановка в городе сама собой более-менее нормализовалась. В больницах и на квартирах провели полную дезинфекцию.

– А как произошла сама утечка?

– Банальный случай. От этого никто не застрахован. Один рассеянный ученый при наладке установки забыл на столе колбу. Утром ее обнаружила уборщица и уронила на пол. Осколки, следуя инструкции, положила в вытяжной шкаф. А дело было в пятницу, так что вскрылся сей факт только в понедельник. Было уже поздно. Но даже тогда подчиненные Буданову сотрудники скрыли это ЧП. Понадеялись на русский авось. По шапке не хотели получать. А авось не прошел. Пока было холодно, вирус спал. Как только третьего апреля пригрело – проснулся.

– Обыденно и просто, – согласился Муромцев.

– Московские медики, приехавшие вместе с чекистами, были в шоке. Этот вирус поражал не кишечник, а уничтожал легкие. Причем, как сказали бы сейчас, избирательно: по гендерному признаку. Только мужчин в расцвете сил, призывного возраста. Это тебе о чем-нибудь говорит?

– Говорит.

– Нашим ученым еще в 1972 году с помощью генной инженерии удалось изобрести оружие массового поражения, которое воздействовало исключительно на сильную половину человечества. И в этом, скажу тебе, огромная организаторская заслуга Буданова. Примерно такая же, как у Берии, когда он курировал атомный проект.

– Выходит, Глеб Викторович продолжил «дело» Лаврентия Палыча, пошел по его стопам?

– Такие люди необходимы. Кто-то же должен держать ученых в жесткой узде, пока они что-то там изобретают в своих шарашках. Иначе разбегутся... Людей для разработок нового биологического оружия он отбирал тщательнейшим образом. Национальность не учитывалась, хотя в основном это были русские и украинцы, а человек давал подписку о неразглашении военной государственной тайны

до конца жизни. И размеры премий за работу до сих пор проходят в архивах ФСБ под грифом «секретно». Потому-то у тебя и вышел облом, когда ты попер на Буданова. Но деньги выплачивались такие, что можно было купить себе шикарную дачу в правительственном поселке, иномарку и еще оставить на безбедную жизнь своим детям.

– А внукам? – не удержался Муромцев.

– Имеешь в виду свою Ирочку? – усмехнулся Афанасий Никитич. – Не волнуйся, твоей невесте что-нибудь да осталось... Глеб Викторович, надеюсь, и себя не забыл. А вот мне своей внучке и передать-то будет нечего, кроме чистых помыслов и знаний.

– А у вас разве тоже дети и внуки? – удивился Петр Данилович, впервые, кажется, услышав от легендарного ветерана что-то «личное». Тот всегда представлялся ему некоей живой энциклопедией, этакой ходячей схемой спецслужб, ее формулой с костылем в руке.

– Ну а как же? – улыбнулся Бортников. – Только она не такая красавица, как твоя Ирочка. И не столь удачливая: пятикомнатную квартиру в центре Москвы не имеет, звездногопогонного дедушки не досталось, обычный генерал-майор, двух мужей сразу тоже нет, вообще ни одного, и в Америке не работала, где прочно обосновались Иринины папа с мамочкой.

Эта желчная тирада Муромцеву совсем не понравилась. А Афанасий Никитич еще и добил его прибауткой:

– Не у всякого дедушки, Петя, есть Иры с порфирой, бывают и просто Кати с русской полати. Но вот такие-то внуки Родину не предадут.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожился Петр Данилович. Разговор пошел не туда. А может быть, Бортников намеренно подводит его к чему-то важному?

– Я с тобой опять же буду предельно откровенен, – через минутную паузу отозвался тот. – Ничего такого не могу сказать о самом Глебе, но его внучка всегда вызывала у меня... у нас, – поправился он, – большие сомнения и подозрения в том, что ее там, на Западе, не вербанули. Сам посуди: для этого были все условия и возможности. Работала

в «Афтон Кемикл» – раз. Родители – там же, два. Характер у нее «нордический», такие ставят себя на самый верх – три. Натура впечатлительная, любит жить красиво и комфортно – четыре. И, главное, родственная близость к генерал-полковнику Буданову, далеко не последнему человеку в органах. Это пять. Идем дальше. Муж – ученый-биолог, ведущий сотрудник лаборатории профессора Тортошина. А к нему у них особенно повышенный интерес. Да она просто ценнейший кадр для АНБ! Что скажешь?.. Уж я бы ее на их месте непременно завербовал. И думать нечего.

Муромцев ничего не ответил. Просто сказать было нечего. Логические умозаключения Бортникова были основательны и верны. Но это с точки зрения опытного чекиста. А как быть с голосом человека, который любит? С его мнением? Или тут надо всецело положиться только на разум, а не на сердце?

Афанасий Никитич стал набивать трубку, поглядывая на собеседника. Закурил и Муромцев. «Ладно, – подумал он. – Разберемся. Еще есть время». Сейчас его больше всего интересовал психологический портрет Буданова.

– Оставим пока эту тему, – сказал он, – вернемся к деятельности Глеба Викторовича. Что было дальше?

– Ну что ж, продолжим. Но и о моих словах задумайся. Так вот, в итоге на секретные заводы он собрал всю медицинскую элиту СССР. А для отвода глаз их оформляли на работу в обычные больницы и поликлиники. Но настоящая служба секретилась Будановым так, как ни один советский военный проект, включая атомный. Так что Глеб Викторович пошел, в этом смысле, еще дальше Берии. Штаб по биологическому оружию располагался в центре Москвы. Туда и стекалась вся информация, а перевозка документов осуществлялась в сопровождении вооруженной охраны на спецавтомобилях. И руководителей проектов охраняли почти как членов Политбюро.

– Сейчас бы так, – сказал Муромцев. – При таком внимании и заботе и Тортошин бы никуда не делся. Незачем ему было бы обижаться на власть и бегать наперегонки со мной.

– Конечно, все перевернулось в девяностые годы. А в семидесятые, скажу еще, Будановым был начат проект, в котором ученые занимались белками пептидами, с помощью которых можно воздействовать на мозг человека. Изобрели вещество, которое полностью отключало сознание испытуемого на сутки. То есть он все понимал, соображал, но... Им можно было манипулировать и контролировать его действия. Это усыпляющее, зомбирующее химическое оружие готовилось на основе ЛСД. В Штатах шли подобные параллельные разработки. Но мы их опережали на шаг. В последние годы это вещество хранится в Вольске.

– А применяли его когда-нибудь?

– Только испытывали. Для этого нужен мощный генератор, который позволял бы равномерно распределять массу отравляющего вещества в пространстве. Такие генераторы в восьмидесятых годах испытывали по ночам в столичном метро. Потом для этих же целей построили метро в Новосибирске. Город стал центром аэрозольной науки.

– Погодите-ка, Афанасий Никитич, – остановил его подполковник. – А все эти массовые полумиллионные митинги в Москве в разгар перестройки – не отсюда ли? Ведь тогда люди были буквально фанатично одержимы идеей-фикс. А в Киеве? Да это же беснующийся дурдом. Орда очнувшихся мертвецов.

– Много будешь знать – скоро состаришься и умрешь, – хитро улыбнулся Бортников. – Но скажу, что над этим проектом работали лучшие специалисты в области биологического оружия. Но все документы до сих пор засекречены, а мораторий на информацию об этих спецпроектах и спецоперациях наложен на пятьдесят лет. Потом, думаю, продлят еще на столько же.

– То есть в результате – навечно.

– Так же поступают и в Штатах. Кстати, всем спецпроектам Буданов почему-то давал названия, начинающиеся с буквы «Ф» – «Флейта», «Факел», «Фагот»... Не знаю, отчего. Это ты у него сам спросишь, когда станешь родственником. Но именно с его легкой руки и наш спецотдел стал называться просто и коротко: «Ф».

– Финиш, – произнес Муромцев, вкладывая в это слово все смысловое разнообразие.

– Однако вернемся к Свердловску, – отозвался Бортников. – Сейчас в том секторе кладбища, где хоронили погибших, до сих пор не разрешают раскапывать рядом землю. Поскольку искусственный вирус может вновь проснуться. И знаешь еще что? Против этой заразы все-таки существовал и антивирус. В начальной стадии разработки. Но его не применили просто потому, что на всех бы не хватило. Но ведущие специалисты и сотрудники этого «Объекта-19» себя спасли...

– Ну, это понятно...

– Позже Катаджан Алибабаев очень красочно описал всю эту трагическую катастрофу в своих выступлениях на Западе. Говорил о тысячах жертв. Но их было меньше. А вот в чем он был прав, так это в том, что после 91-го года многие бывшие советские ученые оказались рассеянными по всему миру. Некоторые в странах-изгоях. В Северной Корее, например. Были они прикуплены и известными диктаторами. Контроль над ними даже нами утерян. Не хватает потерять еще и Тортошина. А что, если за ним ведут охоту не только кланы и корпорации, а еще и международные террористы?

– Тоже не исключено, – кивнул Петр Данилович. Эта мысль еще раньше приходила ему в голову. – А сейчас этот «Объект-19» существует? И кто понес наказание?

Бортников сначала ответил на второй вопрос:

– Начальник и его зам застрелились. Вернее, им помогли. Посадили стрелочника – директора керамического завода, который незадолго до трагедии закупил в соседнем подшефном колхозе две туши коров для своих подчиненных. Там скончалось три десятка человек, это и стало главным поводом для обвинения директора во всем, что произошло в Свердловске. Но умерли-то они не от ящура! А само секретное предприятие частично перевели на другие объекты в СССР.

– А Буданов?

– После этого случая наверху только и ждали удобного предложения или момента, чтобы избавиться от Глеба Викто-

ровича. И он им представился с «уходом» на Запад Парашникова и Алибабаева. Это явилось последней каплей в карьерном росте Буданова. Тут уж они не церемонились. Отправили с почетом на пенсию. Как раз перед развалом Союза...

Муромцев поднялся со стула и с сожалением произнес:

– Ну, все. Пора.

– Несколько слов напоследок, – отозвался Бортников. – Все люди, Петр, делятся на три части. На тех, которые никогда не узнают правды, да и не хотят ее знать. На «избранных» – эти в курсе всего, но главная их забота в том, чтобы правда, ужасная и далекая от реальности, никогда не вышла на поверхность, не стала общедоступной. И есть небольшое количество людей, как ты, к примеру, которые пытаются узнать правду, но они никогда не будут иметь полных доказательств. «Избранные» старательно уничтожают все улики.

– Не стоит даже и пытаться? – спросил Муромцев.

– Ну отчего же? Попробуйся. Только, боюсь, ничего у тебя не выйдет.

Прозвучало это пророчески.

– Что ж, приму к сведению.

Муромцев направился к двери, но остановился, услышав вопрос Афанасия Никитича:

– Не нашел еще, где скрывается Тртошин?

Петр Данилович только пожал плечами, ничего не ответил. А ветеран добавил:

– Смотри не опоздай. И не промахнись, Асунта!

– Не понял?

– А так звали одну девушку из одноименного смешного итальянского фильма в наше время. Она все пыталась изловить и пристрелить своего неверного жениха, да потом нашла другого и передумала.

– А что? Тртошин теперь и впрямь со мной какими-то кровными, почти брачными узами связан, – ответил Муромцев. – Только стрелять в него я не буду. Можно ли попасть в мираж?

ГЛАВА 15. СТАРИЧКИ

На следующий день, двадцать третьего декабря, события стали развиваться стремительно и приобрели необратимый характер. Накануне Муромцев провел бессонную ночь. За ужином Ирина спросила:

– А почему бы тебе вообще не перебраться ко мне?

– Потом как-нибудь, – рассеянно отозвался он, думая о разговоре с Бортниковым и о его прямых намеках. Но сосредоточив внимание, сказал все же: – Квартирка у тебя, конечно, получше моей будет, да и сколько комнат, до сих пор не успел подсчитать. Но разве в этом дело? Главное, не где жить, а с кем? А кроме того, у каждого должно быть свое лежбище. Где можно сосредоточиться в уединении.

– Вот я и гляжу, что ты весь вечер о чем-то своем только и думаешь, – обиженно произнесла она.

– Извини, работа не отпускает.

– А она у тебя всегда будет на первом месте. Как у Валентина – его исследования. Вы оба – трудоголики. Психи, короче. Лучше бы закололи друг друга на дуэли.

– Но хорошо хоть, что не алкоголики, согласись? Налей текилы. Я после того случая от коньяка решил напрочь отказать. И перестань нас постоянно сравнивать.

Ирина достала из бара початую бутылку «Gold star» и ответила:

– Сам нальешь. И мне тоже. А я вас вовсе и не сравниваю. Я размышляю. За что мне такое наказание? И тот, и другой забирали мою жизнь под видом любви, а потом превращали в брошь, пусть даже и дорогую для них.

– Ты не права, красавица, – сказал Петр. – Какая же ты «брошь»? Ты – богиня. Тебе поклоняться надо. И обожать на расстоянии.

– Но только не на очень длинном, – смягчилась Ирина. – Я все-таки в первую очередь женщина.

– А вот это уже доказательств не требует. Но и лишняя проверка не повредит. Приступим прямо сейчас? На столе или на ковре?

– Не хами! – она засмеялась. – Вот такой ты мне больше нравишься. Я всегда ценила в тебе вольность мыслей.

Муромцев, вспомнив еще что-то из беседы с Афанасием Никитичем, вдруг спросил:

– А как звали твою бабушку, жену Глеба Викторовича?

– Фаина, а что?

– Нет, ничего. Он очень ее любил?

– Можно сказать, души не чаял. Пятьдесят лет вместе прожили.

– Завидую.

Вот теперь и понятно, почему всем своим спецпроектам Буданов давал названия, начинающиеся на букву «Ф». Еще одна маленькая загадка разрешилась. Но как в нем могли сочетаться такая преданная любовь и работа над биооружием, несущим смерть?

Ужин подходил к концу. Муромцев вновь стал серьезным, продолжая размышлять о том, что вынес из общения с Егоршиным, Будановым и Бортниковым. Затем спросил:

– Кстати, эта квартира тебе от деда досталась?

– Ну да. Сама бы я на нее не заработала.

– Но ты же, наверное, неплохо получала в «Афтоң Кемикл» и в Отаре?

– Не так уж и много, как тебе кажется. Я ведь всего-навсего была техническим сотрудником. И там, и там. Меня никто бы никогда и не подпустил к секретным исследованиям, которые вознаграждались самыми лакомыми кусками. Я ведь не Катаджан.

– А ты была и с ним знакома?

– Отчасти. Если так можно назвать обмен незначительными фразами по ходу дела. Ну, встречались еще на общих совещаниях, приемах.

– Понятно.

– А что? Хочешь теперь спросить: а не был ли он моим любовником? Ты ведь и Тортошина туда записал.

– Нет, не хочу. Думаю, ты все-таки не нимфоманка. Надежда на выздоровление есть. А спросить я хочу вот о чем. Расскажи мне о деде. Не о работе даже, какой он в личной жизни?

– Зачем тебе? Опять окунулся в свое расследование? Перед ним сидит любимая женщина, а он все пятаком

землю у дуба роет. Желуди ищет. Свинья ты, Петя. Ничего говорить не буду.

Между ними привычно заискрило. Это стало уже доброй традицией. Но так даже интересней и полезней для семейной жизни. Не дает соскучиться и расслабиться.

– А я, может, хочу знать. Чего ты в Мата Хари играешь? И он ведь тоже не Рихард Зорге. Да я вот пойду сейчас и сам все о нем выясню. Архивы ФСБ работают круглосуточно. Для меня, – добавил он со значением. Глупо вышло.

– Иди! – разозлилась она. – Так там тебя и ждали. Поплю хоть спокойно. И можешь не возвращаться.

– И пойду! – с вызовом ответил он. Но остался сидеть на месте.

Некоторое время они не смотрели друг на друга и молчали.

– Ладно, – произнес он наконец. – Давай мириться.

– А мы разве ссорились? – спросила Ирина, улыбнувшись. – Я что-то не заметила.

– Вот и я тоже. Так, ворона покружила, крыльями помахла, покаркала. Уже в форточку вылетела. А мы остались.

– Знал бы ты, как я этому рада. Иди ко мне.

Но в ту же минуту в квартире зазвонил стационарный телефон.

– Кого несет? – недовольно проговорила Ирина. Она сняла трубку, и лицо ее изменилось. Муромцев интуитивно чувствовал, что сейчас многое должно решиться.

– Это – тебя! – удивленно произнесла она, протягивая ему телефонную трубку.

– Кто?

– Тортошин.

«Вот и проявился, наконец», – подумал Муромцев, почему-то ожидая чего-то подобного.

– Слушаю вас, Илья Гаврилович, – сказал он, делая знак Ирине, чтобы она не уходила. – Как здоровье?

– Ничего, нормально. Сердце иногда пошаливает. Давление скачет.

Голос был с легкой хрипотцой, но звучал радостно, юношески. Наверное, и сам он до сих пор выглядел молодо.

– А вы меньше волнуйтесь и больше двигайтесь. Хотя последнее тоже ни к чему. За вами и так не угнаться.

– Вот об этом я и хотел с вами переговорить, Петр. Можно вас так называть, без отчества?

– Ну, конечно! Я буду этому только рад, – повторил он фразу Ирины.

– А вы знаете, я ведь вас вспомнил. Вы посещали мои лекции в конце восьмидесятых. Правда, недолго.

– Да, я был не слишком радивым студентом. Гранит науки давался мне с трудом. Не то что Федосееву или Егоршину.

– Согласен, из них толк вышел. Мои любимые ученики. Как там, кстати, они поживают?

– Все нормально, Илья Гаврилович. Один уже в монастыре. Другой пока в биологии застрял.

– Ладно, передавайте им при случае мои самые искренние пожелания и напутствия. И Афанасию тоже. Вы ведь теперь вместе служите?

Странный у них получался разговор. Словно двух старых, но давно не видевшихся знакомых.

– А Буданову что передать? – спросил, на всякий случай, Муромцев, бросив пробный шар.

– А это уже внучка сделает, – ответил Профессор. И добавил: – Она – умница. Тоже многого могла бы достичь на нашем поприще, если бы не вы.

– Мы?

– Ну да, оба. Валентин и вы, Петр. Любовь – делу помеха.

– Это я знаю. Но можно ведь как-то и совмещать?

– Не получится. Или – или. Либо ты всецело отдаешься науке, либо живешь личной жизнью. Иначе никогда не докопаешься до сердцевины истины. По крайней мере, я всегда придерживался этого правила.

– А вы, стало быть, докопались?

– Как сказать... Но всегда был к ней близок. В шаге. Может, еще и получится. Время есть. И знаете еще что? Берегите Ирину. Она того стоит. Я всегда относился к ней

как к своей дочери. У самого-то детей нет. Теперь даже жалеть начал.

Беседа все больше стала приобретать какой-то семейный нравоучительный оттенок. Разговор бабушки с внуком. Заслуженного пенсионера со старшеклассником. Но Муромцеву было все интересно. И он пожалел, что Кузнецов больше не следит за радиоэфиром. Хотя наверняка Профессор звонит с чужой сим-карты. А квартира Будановой с прослушки тоже снята.

– А где вы сейчас? – спросил на всякий случай Муромцев.

– Не важно. Но вы меня больше не ищите. Это бесполезно.

– Почему? За вами ведь и другие бегают. Разве не знаете? Охотников много.

– Вот именно поэтому. Не подставляйте свою голову под удар. Успокойтесь и живите с Ириной. Поженитесь. А обо мне больше не думайте.

– Но я не могу не думать. Дело-то еще не закрыто.

– А какое дело? Я разве совершил что-то противозаконное? Кого-то убил, ограбил? Или продал что-то вражеской разведке?

– А нет?

– Нет, конечно.

– А смерти на Лосином острове? А Чохов?

– Ничего об этом не знаю. Гринев и Чохов крутились возле меня, когда я еще сотрудничал с Хадсоном, да и то просто потому, что мне некуда было деваться. Потом-то я разобрался, что к чему, и порвал с ними со всеми все контакты. А о Лосином острове вообще слышу впервые.

– А кража в Институте биологии и генетики? Кому были нужны результаты последних исследований?

– Хадсону. Тут вы правы. Но и здесь я ни при чем.

– А не вы разве просили Ирину узнать у Фуфанова код сейфа?

Тортошин в ответ только рассмеялся.

– Да вы понимаете, о чем говорите? Я, профессор, буду заниматься какой-то дешевой уголовщиной? Да еще Ирину

к этому подключать? Лабораторные исследования по этим двум проектам мне не нужны, сам все отлично знаю. Я ведь в одиночку ушел далеко вперед целого института.

– Похвально.

– Вы меня там, случайно, не «пишите»? – забеспокоился Илья Гаврилович.

– Нет. Это честно.

– Хорошо, верю. Не хотелось бы, чтобы сюда среди ночи вдруг нагрянули ваши бойцы с автоматами. Еще пальбу устроят... Помешают работе ума. А у меня давление скакнет.

– Никто не приедет. Кроме меня одного. Если вы скажете – куда.

Профессор помолчал.

– Вы, Петя, идете по ложному следу, – произнес он. – Кто-то вас намеренно путает. Кто – не знаю. А Хадсону я однажды передал кое-какие бумаги, но материалы не представляли никакой ценности, они были устаревшие. А некоторые я специально искажил, сфальсифицировал. А потом и вовсе исчез. Чтобы больше не приставал и не морочил мне голову.

Муромцев подумал, что он, скорее всего, говорит правду. Оставалось последнее.

– Но почему вы тогда от меня прячетесь? Хотелось бы поговорить не по телефону, а тет-а-тет. Я вам гарантирую, что никакого ареста не последует.

– Да я этого и не боюсь. Просто говорить больше не о чем. Пора заканчивать. А Россия – велика, – добавил Тортошин. – Уголок для покоя и работы всегда найдется. Буду смотреть на перелетных птичек и заниматься любимым делом. В одиночестве. Прощайте.

И он повесил трубку. Тоже самое, но минуту спустя, продолжая слушать короткие гудки, словно Профессор мог вернуться из телефонной пустоты, сделал и Муромцев.

– И что? – спросила Буданова.

– А ничего, – отозвался он.

– Но что-то же он тебе сказал?

Петр долгим взглядом посмотрел на нее, помолчал, потом все же ответил:

– Что я не туда иду. И что нам надо пожениться.

– А ты?

– А я с ним согласился. Теперь дело за тобой.

Ирина была явно разочарована его словами и тоном.

– Я подумаю и решу, – с вызовом ответила она.

– На это у тебя нет времени.

– Это еще почему?

– Потому что я сам могу передумать, – улыбнулся он. –

Так что решать тебе придется сию минуту. Ты готова выйти за меня замуж?

– Готова, – наконец-то улыбнулась и она тоже.

Они обнялись и скрепили свой «брачный контракт» поцелуем.

– Тогда надо получить благословение у твоих родителей, – чуть позже произнес Петр. – Но поскольку ехать за ним в Америку далеко, завтра же отправимся к твоему дедушке. Глеб Викторович также имеет на это полное право. Икона у него найдется?

– Полный дом. Он сам из церкви в Сходне не вылезает.

В голове у Муромцева что-то вспыхнуло. Озарило мозг.

– В Сходне? – переспросил он, насторожившись.

– Ну да.

– А при чем тут Сходня? Он же живет в Петелинке.

– Ты, Петя, совсем географии Подмосковья не знаешь. Или на электричках давно не ездил. Петелинка – следующая маленькая станция за Сходней. А церковь там только одна, на узловой. Вот дедушке и приходится пешком топать... Что с тобой?

Муромцев молчал. Обрывки разорванных нитей стали связываться воедино.

– Ты что, опять текилы объелся? – раздраженно спросила Ирина.

– Погоди-ка. В Петелинке поезда останавливаются не всегда? А если очень надо туда добраться, то можно сойти на узловой станции – Сходне?

– Ну да. Они рядом.

– Вот и ответ! – щелкнул он пальцами. И добавил: – Мне надо срочно исчезнуть. Ты уж извини. Брачную ночь проведем позже.

И он поспешил к двери, не желая больше слышать никаких вопросов и возражений. Но едва Муромцев шагнул за порог, как остановился после слов Ирины:

– Погоди. Я теперь точно вспомнила, откуда взялся тот коньяк.

Петр развернулся, ожидая продолжения.

– Его принес сам Валентин. Привез с дачи деда. Сказал, подарок.

Муромцев, выйдя из подъезда, отыскал среди припаркованных машин «пежо» Штокмана.

– Побудешь здесь еще одну ночь, Игорь? – спросил он. – Завтра все разрешится.

– Как скажете, Петр Данилович, – отозвался тот. – Мне не впервой.

– И гляди в оба. Может статься, появится кто-то тебе хорошо знакомый.

– Тогда что?

– Тогда просто обозначься. Споткнись, упади, вырони пистолет. Просто произведи шум. Он сам уйдет.

– Хорошо.

Больше «умный немец» никаких вопросов задавать не стал. Муромцев, пересев в свою «Волгу», на предельной, но допустимой в Москве скорости, помчался к Федосееву, с которым предстоял нелегкий разговор. А за ним тотчас же двинулась еще одна машина с тонированными стеклами. В ночной Москве, всецело поглощенный своими мыслями, Муромцев этого не заметил. Но слежка велась давно.

Неизвестный мотор нагнал «Волгу» на одном из перекрестков, когда та остановилась на красный сигнал светофора. Сразу же опустилось ветровое стекло и прозвучало несколько выстрелов. Муромцев успел среагировать раньше, как только показалась рука с пистолетом. Мгновенно откинувшись на сиденье, он завалился вбок, оставив перед собой и стрелявшим бронированную дверцу. А потом из своего «глока», не поднимая головы, произвел через разлетевшееся вдребезги стекло ответные выстрелы навскид-

ку, наугад – в сторону машины. И еще несколько дополнительных, поднявшись, уже ей вслед.

Все это произошло за считанные секунды.

Номеров умчавшегося автомобиля он, конечно же, разобрать не успел. Но марка – «ауди». Не та ли самая, которая выслеживала и Федосеева четыре дня назад? А стрелял кто? Нижняя часть его лица была укутана шарфом, меховой убор надвинут до бровей, на глазах – темные очки. Но по некоторым признакам: беличьей шапке, тонкой руке в перчатке, выбившейся пряди волос – это была женщина.

Хотя теперь и некоторые мужчины носят длинные кудри и дамскую одежду. А если это не специальный камуфляж и стреляла действительно женщина, то тогда и понятно, почему промахнулась. Слишком торопилась, сама нервничала. Видно, не профессионал, не обучена. Словом, в любом случае, повезло.

Муромцев постоял возле своей пострадавшей от пуль «Волги», ласково погладил спасшую его дверцу. Посмотрел вокруг. Выстрелы, конечно же, должны были слышать, но их приняли, наверное, за «кашель» выхлопных труб. Только в одном или двух окнах зажегся свет. А на перекрестке людей и вовсе не было. Инцидент исчерпан. Обменялись любезностями.

«Надо было и стекла ставить пуленепробиваемые», – запоздало подумал Петр Данилович, вновь забираясь в свою «чудесницу». И продолжил путь к Федосееву. Причем на той же скорости. Медлить нельзя, а это происшествие только подтверждало его догадки. Противник пошел ва-банк. Теперь от него можно ожидать всего.

Алексей еще не ложился, да и времени было только около одиннадцати. Он играл в преферанс с Арсением и Трыновым.

– Ребята, вы свободны, – сказал им подполковник. – Охрана больше не нужна. Я сам этим займусь.

Ему не хотелось, чтобы при беседе с Алешей присутствовали посторонние. Они хоть и свои, но лишние уши тут не нужны. Он ведь и сам пока не во всем до конца разобрался. А бросать тень подозрения... Хуже этого ничего нет.

– А доиграть партию? – расстроенно спросил Федосеев. – Я только прикуп взял. Фарт ломаешь, начальник!

– Я сам с тобой доиграю.

– Какой-то ты сегодня чересчур серьезный. Случилось что? Мориарти весточку подал? Или Ирина тебя бортанула?

– Угадал. Но особо-то не смейся, сам скоро шутить перестанешь. Как бы не заплакать.

– Пошли! – Арсений толкнул в бок Трынова.

– А нам больше не возвращаться? – спросил на всякий случай Николай.

– Нет.

Когда они ушли, Муромцев сел напротив Алексея, взял брошенные на стол карты и просмотрел их.

– Все равно бы проиграл, – сказал он после минутной паузы. – Как ни верти.

– Будто?

– Не повезло тебе, Леша. Масть не та.

– А ты не можешь изъясняться проще? – напрягся Федосеев.

– Могу. Но сначала тебе нужно ответить на мои вопросы. Что за инсценировку ты устроил в своем кабинете в лаборатории? А главное, с какой целью? И кого из своих приятелей или сотрудников привлек к тому, чтобы он изображал слезку за тобой? Опять же зачем? Хотел запутать меня ложными следами? Или ты просто в детстве в Джеймса Бонда не наигрался? А смерть людей на объекте в Лосином острове – твоих рук дело?

Алексей как-то сразу скис. Веселое настроение сменилось подавленным.

– Слишком много вопросов, – вяло и не сразу откликнулся он. – Но ты не прав...

Беседа продолжалась около часа, но так ничего окончательно и не прояснила. Хотя результат все же был. Он привел к некоему соглашению между ними. Можно сказать, был заключен Пакт «Муромцева – Федосеева»...

После полуночи Петр Данилович вышел из его квартиры и помчался через всю Москву к майору Карееву, уже не обращая никакого внимания на скорость. А когда его на

одной из улиц остановил пост ГИБДД, Муромцев сунул под нос сержанту свое удостоверение и жестко сказал:

– Времени нет. Но если попробуешь сейчас еще хоть слово вякнуть, то я тебя попросту пристрелю.

А в эти минуты, после мучительного оправдательного разговора с Муромцевым, Федосеев торопливо бросал в дорожную сумку самые необходимые вещи. Что же еще успеть взять? В первую очередь бумаги с материалами исследований, документы, деньги, флешки. Ничего, кажется, не забыл.

Надо было немедленно исчезнуть. Стать хотя бы на время невидимкой. Через полчаса он вышел из подъезда, пугливо посмотрел по сторонам и, подняв воротник пальто, растворился в ночной Москве...

Муромцев и Кареев проговорили до самого утра. Наместили план дальнейших действий, обсудили каждую деталь в нем. Нельзя было допустить ни одного промаха, противник оказался очень хитер и опасен. Затем, позавтракав на скорую руку, они вместе вышли из дома, чтобы ехать на работу.

В «Волге», сбросив с сиденья осколки разбитого стекла, Леонид спросил:

– В тебя что – стреляли?

– Как видишь.

– Есть какие-то предположения – кто?

– Есть, – ответил Муромцев. – Тот, о ком мы с тобой говорили. Вернее, близкий ему человек. Я ведь «ауди» тоже задел. Надо будет с утра послать кого-нибудь из наших ребят, чтобы тихо так, не привлекая внимания, осмотрел машину. Должны остаться следы от пуль. Тогда все сойдется.

– Сделаем, – кивнул Кареев. – Я сам этим займусь.

Теперь предстоял самый трудный день за все время их службы. На кон было поставлено слишком много...

Вначале, как и положено, Муромцев отправился к генералу Сургутову. Обрисовал ему обстановку и свой план. Василий Степанович долго барабанил по столу костяшками пальцев. Наконец произнес, глядя в окно:

– Давай так. Будем считать, что ты у меня не был. Не застал. И решил действовать на свой страх и риск. Это ведь тебе свойственно? Все знают.

– А с вас, стало быть, в случае провала взятки гладки?

– Я не могу очертя голову броситься в твою очередную авантюру. Вслед за тобой. Не имею права. Все это очень серьезно.

– И не станете меня прикрывать?

– Стану. По мере сил. Но если ты там чересчур напортачишь – уволь. Тогда сам выкручивайся.

Генерал криво усмехнулся и развернул свежую газету, давая этим понять, что разговор закончен.

– Вас и без меня уволят, – сердито бросил Муромцев и вышел из кабинета, хлопнув дверью.

– Что случилось? – испуганно спросила генеральская секретарша Лида. – На вас лица нет.

– А оно здесь нужно? – ответил ей подполковник.

Вернувшись к себе, где его уже поджидали все ребята, он поставил задачу и четко распределил обязанности:

– Значит, так. Готовность – десять минут. Две служебные машины к подъезду. В первой – я, Холмогоров, Тер-Маркарян и Отрошенко. Во второй – Родионов, Кузнецов и Ломидзе. Это группа прикрытия. Все с личным оружием. Еще неизвестно, какие сюрпризы нас там подстерегают, с чем и с кем придется столкнуться. Кареев работает по своему плану. Губайдулин остается здесь, на связи. Арсений и Трынов – к дому Федосеева. К нему не входить, ждать снаружи. Если Алексей выйдет, не задерживать и следовать за ним. Штокман и Капустин – к Будановой. А вот им – прямо к ней в квартиру.

– А если не пустит? – спросил Игорь.

– А если начнет не пускать и возмущаться, вежливо наденьте на нее наручники и объясните, что это для ее же пользы. Сошлитесь на мой приказ. И беречь как зеницу ока.

– Это шутка? – задал вопрос непонятливый Капустин.

Муромцев в ответ только улыбнулся и похлопал его по плечу. Затем добавил, обращаясь к Холмогорову:

– Захвати на всякий случай судмедэксперта. Не опоздать бы.

Поездка до Петелинки заняла полтора часа. По дороге в головной машине все молчали, лишь в самом начале Холмогоров спросил:

– Думаете, за Тортошиным могут и другие выехать? Хадсоны всякие, «менялы»...

– То-то и оно, – отозвался Муромцев.

– А если генерал нас вообще на порог не пустит?

– В щель влезете.

Однако «гостей» на даче Буданова не оказалось. Дом вообще был пуст. Если не считать самого хозяина, безжизненно развалившегося в кресле у потухшего камина. Лицо генерала было искажено ужасом. На столике стояла бутылка коньяка, две рюмки. Значит, посетитель все-таки был. Но самого Тортошина и след простыл. Или он уже не жил на даче Глеба Викторовича, а здесь был кто-то другой? Скорее всего, именно так. Иначе во втором кресле в точно такой же позе расположился бы и сам Мориарти.

– Смерть наступила около полуночи, – сказал судмедэксперт. – Только не пойму от чего?

– Альфа-суматриптан, – коротко отозвался Муромцев. – Мне эта микстура от головной боли хорошо знакома, на себе испытал.

– А как тогда выжили? – удивился судмедэксперт.

– А я вообще живучий, – усмехнулся подполковник. – Потому и не генерал.

Весть о смерти Глеба Викторовича Буданова достигла Лубянки еще раньше, чем туда вернулся Муромцев. В кабинете Сургутова сидели все три зама-полковника и Афанасий Никитич. Обсуждали печальную новость.

– Да-а, какой был человек... Золото. Таких больше нет и не будет, – говорил Бортников.

– Чего в дверях застыл? – бросил Муромцеву Сургутов. – Садись уж. Надо было тебе еще вчера вечером к

Буданову отправиться, коли уж ты такой догадливый. Эх, Петя, Петя... Нет в тебе инициативы.

– Нет, – согласился Муромцев. – Одно раболепие только и осталось.

– Ну, что теперь скажешь, умник? – спросил у него Тарута. – Опять Тортошина упустил? А если знал, что Профессор обитает на даче у Глеба Викторовича, то почему нас в известность не поставил?

– Да он просто не успел, – вступился за Муромцева Афанасий Никитич. – Времени мало было.

– Скажу по секрету: операция была строго конфиденциальной, – добавил Сургутов. – Все было тщательно взвешено и проводилось под моим личным контролем. Нельзя было допустить ни малейшей утечки информации. Так что вы особо Муромцева не корите. Он сделал все, что было в его силах. Просто противник вновь оказался хитрее и изворотливее.

– Значит, утечка все-таки произошла, – предположил Рогов. – И я сильно подозреваю, что именно из окружения Петра Даниловича.

– А вот с этим мы еще будем разбираться, – пообещал генерал.

– Нет, но как ловко этот Мориарти все продумал: прятаться там, где его никогда сроду искать бы не стали – на даче генерала КГБ! – с восхищением произнес Смышляев. – Что вы там все время говорили о рыбаке и рыбе? Вот вам и налим под корягой, у самого нашего носа.

– Даже я этого не мог предположить, – вздохнул Афанасий Никитич. – А ведь мы с Глебом Викторовичем почти соседи. Правда, я к нему редко в гости заходил. А Тортошин наверняка где-нибудь в мансарде жил. Да посмеивался.

– Зачем в мансарде? У Буданова дача на сто комнат, так я думаю, – усмехнулся Смышляев. – Да бункер на случай ядерной войны, уверен в этом.

– А я знаю, кто предупредил Буданова и Тортошина, – сказал Тарута.

– Кто? – спросил Сургутов.

– Да кто же еще, кроме этой Ирочки – вдовы Егоршина и жены Муромцева, а по совместительству и внучки генерала?

Тут уж все посмотрели на полковника Таруту, как на небезопасного больного. Первым высказался Бортников:

– Во-первых, никакая она не вдова, поскольку Егоршин жив, просто ушел в монахи. Как говорится: не из мира сего, а от мира сего. Во-вторых, Ирина Викторовна пока еще не жена Пети, а невеста, насколько я знаю. Да и это еще не факт. А в-третьих, именно она-то, как я понимаю, и навела его на след Тортошина. Вольно или невольно.

– Какая разница! – буркнул Тарута. – Вы, Афанасий Никитич, к словам не цепляйтесь. А раз навела, то и теперь должна знать, где этот налим новое лежбище выискал. С ней бы тоже разобраться.

Слово взял Рогов:

– Так или иначе, но Муромцев сработал грамотно. Одного не пойму: чего он туда еще на танке не поехал? Зачем такой вооруженный до зубов эскорт, да еще в элитный поселок ветеранов КГБ? Над нами же сейчас вся пресса смеяться начнет!

– Он что, думал, что Буданов с Тортошиным начнут из пулеметов с чердака отстреливаться? – подхватил Тарута. – Как Буденный с Ворошиловым. Ох, не дай бог, вся эта клоунада в печать просочится.

– Вот пусть сам Муромцев с прессой и объясняется, – сказал Смышляев. – Но я думаю, он поступил правильно. Был риск, что Профессора может упаковать кто-то из охотников – вражеских спецслужб. Подстраховаться не лишнее.

– А вот зачем Буданов его у себя на даче прятал – это вопрос, – подал голос Рогов. – И вопрос очень для всех нас неудобный.

– Да еще прятал на свою же голову, он же его и убил, – высказался Смышляев.

– Тоже не факт, – возразил Бортников. – Во-первых, мотив? Ему же там жилось очень удобно. Во-вторых... Да и «во-первых» достаточно.

– А кто же тогда виновен в смерти генерала Буданова? – спросил Сургутов. – У вас есть на этот счет какие-либо соображения, Афанасий Никитич?

– Есть. Но я их пока попридержу. Подожду, что Петр Данилович скажет. Выслушаем его версии. Думаю, мы с ним сойдемся во мнениях.

– Темное все это дело, – вздохнул Тарута. – Оно у меня уже в печенках сидит, честное слово. А на носу Новый год.

– И что ты хочешь этим сказать? – задал вопрос Сургутов. – И вообще: какая разница, что там у тебя на носу?

– Я, Василий Степанович, хочу сказать только одно. Убийство заслуженного работника КГБ ни в коем случае нельзя афишировать. Его смерть можно представить лишь либо как несчастный случай, либо как какой-нибудь инфаркт с инсультом. И похоронить со всеми полагающимися почестями.

– Это верно, – согласился Смышляев. – Похоронами займусь я. Церемонии знаю. Надо только список приглашенных согласовать.

А Рогов добавил:

– И вообще закрыть к чертям собачьим это дело, все равно нам за этим Мориарти не угнаться. Пусть катится куда хочет. Надоел.

– Вот-вот, – согласился Тарута. – И я о том же. Новый год на носу.

– Кто о чем, а вшивый все о бане, – проворчал Сургутов. – Ладно. Давайте, что ли, помянем генерала по-человечески?

Он вытащил из ящика стола бутылку коньяка. Муромцев, сидевший в сторонке ото всех, слушавший их болтовню и посмеивающийся про себя, наконец, не выдержал.

– Знаете, чем лечится словесная диарея? – спросил он.

Тут уж на него глянули, как на очнувшуюся мумию фараона.

– Ну? – хмуро поинтересовался Сургутов.

– Сменой жанра. Это когда от водевиля переходят к драме. От басен к лирике. Или наоборот. От скучного ро-

мана к юморескам. Главное, перейти в новое словесное русло. Как сменить белье.

– Поясни.

– Тут Афанасий Никитич интересовался моей версией происшедшего, так я не против того, чтобы ее изложить. Пришло время. Хотя и насчет коньяка не возражаю. Помануть Глеба Викторовича надо. Вот только нужно решить: что прежде? Пить или бить? Коньяк или истина?

– А можно ведь и то и другое, – предложил Смышляев.

– Правильно, – согласился Сургутов. – И версию твою выслушаем, и долг памяти отдадим. Одновременно. Я только что-то насчет «истины» не понял?

– А я все объясню. Только, Василий Степанович, прошу вас пригласить сюда еще и моего заместителя майора Кареева. Он ведь тоже участвовал в операции и немало потрудился.

Полковники недовольно зашевелились. Однако Сургутов остановил их движения одной фразой:

– Ну что же, не возражаю.

Генерал нажал на селекторную кнопку и произнес:

– Лидочка, вызови ко мне Кареева и порежь нам там лимончик с семгой.

После чего откинулся на спинку стула и забарабанил по столешнице костяшками пальцев. В кабинете Сургутова наступило временное молчание. Но это ведь тоже некая разновидность словесного жанра. Может быть, даже самого главного из всех. Думать всегда лучше, чем говорить. Более того. Даже думать неправильно лучше, чем не думать вообще.

Вскоре Лида внесла поднос с закуской, а затем в кабинет вошел и майор Кареев. Семь мужчин стоя возле круглого «гостевого» столика молча, после краткого тоста Сургутова помянули заслуженного генерала Буданова, павшего на боевом посту. Затем уселись.

– Итак, рассказывай свою версию, – сказал Василий Степанович, посасывая дольку лимона.

– Это, как я уже говорил, не версия, – ответил Муромцев. – Это то, что мы все привыкли называть истиной, хотя

не для всех она далеко одна и та же, каждый относится к ней по-своему, а многие и вовсе считают ее ложью, так удобнее. Истина, конечно же, всегда одна, просто она напоминает кочан капусты, кому-то нравятся ее листья, кому-то – кочерыжка внутри. А кто-то и вовсе предпочитает капустную грядку без капусты.

– Ладно, оставь свои философские присказки. Ты что же, знаешь, кто убил Буданова?

– Знаю. И кто виноват в гибели моих ребят на объекте в Лосином Острове. И вообще – кто за всем этим стоит.

– Как «кто»? Профессор Мориарти, как вы его называете.

– Нет. Он только в самом начале имел дело с Хадсоном, да и то косвенное. От безысходности. Но во всей этой истории главную роль играли другие люди. Конечно, за Ильей Гавриловичем Тортошиным гонялись, и еще будут гоняться и охотиться, пока мы его не найдем первыми, все кому не лень. Он представляет слишком большую ценность для науки и является носителем огромной, стратегически важной информации.

– Это мы знаем, – сказал полковник Смышляев. – И про корпорацию «Blue Light», и про «оценщиков» с «процентщиками» и «менялами». А что дальше-то?

– Да. Не темни, – добавил Тарута.

– Ты хочешь сказать, что есть еще кто-то, кто включился в эту гонку? – спросил Рогов. – Уж не японцы ли?

– Нет, не японцы. И не китайцы. Свои.

– Как это понимать? – задал вопрос Сургутов.

– А вам к столу одни капустные листья подать или сразу кочерыжку? – отозвался Муромцев.

– Ты у меня дождешься со своими остротами!

– Ладно. Тень на плетень больше наводить не буду. Лучше выпьем.

Муромцев разлил остатки коньяка по рюмкам, а генерал вытащил из ящика вторую бутылку. У него там, судя по всему, был целый склад.

– Продолжай, – сказал Василий Степанович.

– Так вот. Моя версия, думаю, полностью совпадет с версией Афанасия Никитича. Просто он, как более умный человек, догадался обо всем раньше меня.

– Ты мне льстишь, Петя, – улыбнулся ветеран спецслужб. – Какой от меня, старого хлама, прок?

– Будет вам! Вы еще многим сто очков вперед дадите. Но сейчас не об этом. Видите ли, господа генералы и полковники, наука и искусство, по моему глубокому убеждению, это два главных рычага человечества, которые не дают ему скатиться вниз, в пропасть. Не только удерживают, но и постоянно поднимают все выше и выше, к горнему небу. Знания, красота и чистота мыслей – вот основа всего. Это та самая платформа, на которой стоят люди, а не рептилоиды. Хотя понятие «рептилоид», конечно же, условное.

– Ты еще стихами заговори, – проворчал Тарута.

– А что? Поэзия также относится к категории того не-много прекрасного, что еще есть в нашей жизни. Умел бы – заговорил. Запел бы даже, если бы был голос, как у Хворостовского. Но поскольку бог такого таланта не дал, продолжу по-своему. В той же науке, да и в искусстве тоже, к сожалению, наиболее развиты одни из самых больших пороков, присущих человеку. Это гордыня и зависть. Вот они-то и нарушают всю гармонию этих двух сфер деятельности, а также и всю симфонию мира.

– Ты поближе к теме, – напомнил Рогов. – Развел тут какую-то какофонию...

– А мне нравится, как он излагает, приятно слушать, – возразил Смышляев.

– А я начинаю понимать, куда он ведет, – произнес Сургут. – К окружению Тортошина. У которых еще больше гордыни, чем у того самого. А уж зависти хоть отбавляй.

– Верно, Василий Степанович, – улыбнулся Муромцев. – Поэтому-то они, эти люди, и заварили всю кашу. Чтобы отодвинуть Профессора, а лучше – вообще убрать, убить, то есть, а самим занять в науке его место. Тогда не им, а тобой заинтересуются всякие транснациональные корпорации с «оценщиками» и «процентщиками», да и гоняться за тобой не надо будет, сам на дорогу с фонарем выйдешь, станешь сигналить: вот он я, тут вот жду, берите, возьму недорого. Однако есть одна только незадача: как

найти самого Тортошина, чтобы его с лавки скинуть? Он ведь и сам быстро бегаёт. Для этого и понадобился я. Поскольку я профессионал и умею искать. И находить.

Тарута вновь проворчал:

– Профессионал... Чего ж тогда не нашел?

– Да сейчас это уже и не нужно, – отмахнулся от него Муромцев. – Вопрос с повестки дня снят. Я даже считаю, что Илья Гаврилович сам вскоре объявится.

После минутного молчания вопрос задал полковник Рогов:

– Так кто же эти люди?

– Те, кто подключил меня к этой игре наперегонки. Кто втянул меня в проекты «Рептилии» и «Голубая кровь». Федосеев и Егоршин.

Наступила еще одна пауза. Первым ее нарушил Афанасий Никитич, не удержавшись от одобрительных хлопков в ладоши.

– Bravo! – сказал он. – Я в тебе, Петр Данилович, не ошибся. Ты умный малый. Пожалуй, умнее меня будешь.

– Спасибо, учитель, – скромно улыбнулся Муромцев. – Я просто следую вашим мыслям. А теперь, когда я объяснил мотивы, скажу еще, что они оба очень большие хитрецы. Один якобы в монахи подался, другой делал вид, что всячески мне помогает в расследовании. Но сам использовал мои наработки. Опережал меня всегда на шаг. Знал, на какой объект поместили Гринева. Имея доступ к альфа-суматриптану, ликвидировал его, а заодно и Лепехина с Бобровым. Устроил в своей лаборатории инсценировку с взломом сейфа. Потом решил и вовсе меня убрать, как лишнего в этой игре. Нанял кого-то, но у того не получилось. А может быть, это Егоршин в меня стрелял прошлой ночью. Не исключено. Так или иначе, но делать это качественно они не умеют. Поскольку занимались всю жизнь другим. Потому-то я и остался жив. А вот генерала Буданова убрать сумели. Но это было проще. Чего стоило тому же Валентину приехать на дачу к Глебу Викторовичу и воспользоваться тем же альфа-суматриптаном? Не повезло ему только в том, что там не оказалось Тортошина.

Тот, судя по всему, уже сменил среду обитания. Что ж, придется искать заново.

– А где сейчас Федосеев? – спросил Сургутов, разливая по рюмкам коньяк.

– Исчез, – ответил вместо Муромцева Кареев. – Так же как и Ирина Буданова. Она же и пыталась отравить этим чертовым альфа-суматриптаном Петра Даниловича. Да тот вовремя текилы нахлебался.

– Да, это так, – кивнул Муромцев. – И как ни горько мне это признать, но она всегда была заодно вместе с ними. И тоже очень ловко водила меня за нос.

Он залпом выпил свою рюмку, ни с кем не чокаясь.

– Ладно, не переживай так, – утешил его Афанасий Никитич. – Найдешь другую. Ты парень видный. Любая за тобой вприпрыжку побежит.

– Любой не надо, – сумрачно отозвался Муромцев. – Мне именно эта была нужна. И у меня сейчас такое ощущение, что я опять Егоршину дуэль проиграл.

Некоторое время вновь все молчали. Наконец, Бортников с облегчением произнес:

– Ну вот, благодаря умнику Пете, все и разъяснилось. Думаю, Василий, не далек тот день, когда он займет твое место. А вы, полковники, у него в замах окажетесь. Так что, уже сейчас будьте с ним повежливее.

– Да мы что? – смутился Смышляев. – Мы не против.

– Ты за себя говори, – буркнул ему Тарута.

– А мне вообще все равно, – добавил Рогов.

– И что теперь? – несколько разочарованно спросил Сургутов. – Мне эти твои «капустные листья» не очень нравятся.

– Мне тоже, – кивнул Муромцев. – Тогда могу предложить кочерыжку.

Он подошел к селекторной связи, нажал нужную кнопку и произнес:

– Лида, запускай следующего.

Когда дверь открылась и в кабинет вошел Федосеев, то нервы у Бортникова не выдержали. Возраст все-таки... Он изменился в лице, поднялся со стула, выронил свой

костыль, стал заваливаться набок, упал. Муромцев поспешил к нему, поднял старика с пола и заботливо отвел к удобному креслу.

– Сидите, Афанасий Никитич, что вы так разволновались? Все уже кончилось. Надо уметь проигрывать. Хотя... Вы сами учили меня тому, что проигрывать никогда нельзя. Можно лишь претерпеть временное поражение. А победа всегда будет за нами. Но времена изменились. И нужны другие методы. Более гибкие, человеческие. Да что я говорю! Кого мне учить? Я ведь вас действительно уважаю. И это правда. Я даже во многом разделяю ваши взгляды. И то, что вы делали, – вы делали из идейных соображений. По воле души и сердца, а не из-за каких-то там корыстных интересов. Но вы переступили черту. И вот смерть ребят, Боброва и Лепехина, я вам не прощу уже никогда.

– Да... я все делал... исключительно... ради национальной безопасности России... – едва слышно отозвался Бортников, держась рукой за левую сторону груди.

В наступившей тишине раздался резкий голос генерала Сургутова:

– Может быть, кто-нибудь мне объяснит, что здесь происходит?

Ответил Федосеев:

– Интермедия, Василий Степанович, всего лишь сцены из частной жизни спецслужб. А вы ведь сами знаете, что мы еще и не такой маскарад умеем разыгрывать. Но как иначе было усыпить бдительность Афанасия Никитича и уверить его в полной победе?

– Истина, – добавил Муромцев, – как я уже и говорил, бывает только одна-единственная. Но сначала с нее необходимо сорвать капустные листья. Что я хочу сказать? Что обыграть нашего уважаемого Афанасия Никитича было далеко не просто. Он достойный противник. Нет, не противник, тут я неправильно выразился. Он на нашей стороне, на стороне России, как и все мы. Но и друзья могут быть разными.

– Давай конкретней! – потребовал генерал.

– А вам врача не вызвать? – спросил Муромцев у Бортникова.

Тот отрицательно покачал головой, начиная понемногу приходить в себя. Землистый цвет лица сменился на более-менее нормальный. Стали возвращаться в привычное русло и ошарашенные поначалу полковники. Они тоже ничего еще не понимали. Но теперь даже за рюмками с коньяком потянулись, с интересом ожидая досмотреть до конца вторую часть этой «шекспировской пьесы».

– Вот в чем, собственно, дело, – начал Муромцев. – Буданов, Бортников и другие ветераны КГБ-ФСБ, так называемые «старички» из дачного комплекса в Петелинке, это и есть та третья, четвертая... десятая сила, которая рассчитывала заключить профессора Тортошина в свои стальные объятия. Он был им нужен, необходим со своими биолого-генетическими разработками. Уж не знаю точно, какими знаниями он располагает, – да мне это и не столь важно, я все-таки следователь, а не ученый, но они рассчитывали с его помощью вновь утвердиться во власти на своих идейных позициях. Или делегировать Кремлю свои искренние желания. И я неслучайно употребил термин «стальные объятия». Ведь все они приверженцы именно сталинского курса. На мой, может быть, совершенно аполитичный взгляд, это и не хорошо, и не плохо. В мобилизационный период – да. В иное время – нет. Пусть это решают властные верхи. Мне главное, как и Афанасию Никитичу, национальная безопасность России. Вот только хочу заметить одно: в рептилоидов люди и при Сталине превращались. И в любые иные времена, когда кто-то хочет навязать людям свою волю или ограничить волю других, превращая само их существование в ад. Ты что-то хочешь добавить, Алеша? – обратился он к Федосееву.

– Только одно. Тортошин обладает действительно уникальными знаниями. Это вам не отработанная батарейка, типа Катаджана Алибабаева, и не мешок с мусором, вроде Парашникова. Илью Гавриловича можно считать национальным достоянием России. А проекты «Рептилии» и «Голубая

кровь» – это огромный, еще не выявленный до конца вклад в прикладную науку. То, что мы там уже сделали, – американцам и не снилось. Кстати, и в области наступательного биологического оружия тоже, – добавил он.

– В вашу «рептилоидную» теорию я не слишком-то верю, – признался Муромцев. – Во всех этих гибридных существ, в инопланетян, в нефилимов и прочее – в то, что ты мне насовал в файлы. Но я, повторюсь, практик, профессионал только в одном, своем деле. Тешьтесь там чем хотите, лишь бы была польза. И лишь бы сами с ума не посходили от тайн древних цивилизаций. Но Глеб Викторович за день до своей смерти сказал мне одну умную вещь. Рептилии живут в каждом из нас. Сумей совладать с собственной, внутри тебя. Раздави гадину. Тогда снова станешь человеком. И я так понимаю, что цель всего мирового закулисья – это переделать не физическую, а духовную, умственную, нравственную сущность человека, всего человечества. Заменить расу людей на послушных им «рептилоидов». Таких же «гадов», как они сами. Я прав, Афанасий Никитич?

– Прав, – кивнул Бортников. – А теперь скажи: как ты обо всем догадался? Я вроде бы не совершил ни одной ошибки.

– Да, любопытно послушать, – вставил генерал. – И почему мне ничего не докладывал?

– А я опасался, что произойдет утечка информации, – усмехнулся Муромцев. – Это ведь теперь столь частая вещь в наших рядах. Вот только они, – он кивнул в сторону Федосеева и Кареева, – и знали. Да и догадался-то я совсем недавно, и то – случайно. У меня не выходила из головы мысль, что есть кто-то, кто находится рядом со мной и отслеживает все мои шаги. Я подозревал и Ирину, и Алешу, и... кого только не подозревал! Но никогда не думал, что это будет Афанасий Никитич. И вдруг, буквально пару дней назад, в разговоре о Буданове, о его прошлом, Афанасий Никитич потешил меня такой прибауткой: «Не у всякого есть внучка Ира с порфирой, есть и просто Катя с русской полати». Он имел в виду, что есть богатые невесты,

а есть и бедные, но уж они-то Родину не продадут. Может быть. Хотя это вопрос спорный. Но дело не в нем. Я все не мог понять: кто же устроил эту инсценировку в лаборатории Федосеева? Когда вскрыли его сейф, разбросали документы. Все мои размышления сводились к тому, что это сделал он сам. Чтобы повести меня по ложному следу.

– Мог бы прямо мне об этом сказать, вопрос бы и разрешился, – недовольным тоном отозвался Алексей.

– Я не пользуюсь топорными методами, мне сначала нужно все тщательно обдумать, проверить и еще раз перепроверить. Так вот, после этой прибаутки меня вдруг озарило. Я вспомнил, что твою секретаршу тоже зовут Катя. Она лейтенант ФСБ. И когда Афанасий Никитич намекнул на свою внучку Катю «с русской полати», я не поленился все проверить. И выяснилось, что именно она – твоя секретарша. И вот тогда все стало складываться в единую картину маслом. Теперь стало ясно, кто устроил в твоём кабинете такой раздрай, чтобы имитировать проникновение. Зачем? Чтобы опять же повести меня по ложному следу. А заодно и скомпрометировать самого Федосеева. Расчет был верным: я, так или иначе, приду к выводу, что это его рук дело. А самое главное, она имела доступ к альфа-суматриптану. Которым и снабжала своего дедушку. И который очень грамотно им пользовался.

– Вот дернул же меня черт за язык! – проворчал Бортников. – На ровном месте споткнуться... А ты даже еще умнее, чем я думал. Прирожденный аналитик.

– А он всегда дергает, когда озорует, – вставил Смышляев. – Я имею в виду черта, а не Петра Даниловича. Хотя и этот мастер на всякое.

– Но зачем она в меня стреляла вчера ночью? – продолжил Муромцев. – Леонид ведь проник утром в ее гараж и проверил «ауди». В капоте – дырки от моих пуль.

– Это точно, – подтвердил Кареев. – Петр Данилович всю обойму выпустил из своего «глока», еще хорошо, что в Катерину не попал.

– Я вам уже начал мешать, Афанасий Никитич? – спросил Муромцев.

– Ну а как сам-то думаешь? Ты уже слишком близко подобрался к Тортошину. Извини уж, это, как говорится, ничего личного. Но Профессор принадлежал нам. А так я к тебе очень хорошо отношусь. Пожалуй, даже слишком, почти за сына всегда считал.

– Ну, тогда, спасибо, «папа», что внука промахнулась. А где, кстати, сейчас сам Тортошин?

– А я знаю? Он ушел из дачи Глеба за два часа до того, как я там появился. У него отменная интуиция. Наверное, на новую квартиру перебрался.

– А зачем вы убили Буданова? Вы же старички, вам делить уже нечего.

– Давно во взглядах разошлись, – просто ответил Бортников. – А двоеначалие нам не нужно. Это только делу вредит. Все силы должны быть собраны в единый кулак!

Он посмотрел на свою старческую руку с дряблой кожей, подрагивающие пальцы, усмехнулся и добавил:

– Хотя... какие уж там силы! Время ушло. Энергия, ум, желание изменить мир еще остались, а физических сил на это уже нет. Жалко. Давай, Петя, заканчивать.

– Еще несколько вопросов для ясности. Пойдем по порядку. Гринев и Чохов?

– Они работали не столько на Хадсона, сколько на меня. А документы, которые они похитили из сейфа директора Института биологии и генетики, были нужны Тортошину. Американцу же мы подсунули липу. Такая вот получилась многофигурная схема.

– А код сейфового замка узнала, конечно же, Катерина?

– Ну, этот ваш Фуфанов – известный болтун. Тут и стараться-то особенно было нечего. Так что твоя Ирина тут ни при чем, успокойся.

– Потом вы зачистили Чохова и Гринева, лишними стали.

– Нет, не обоих. Чохова – через этого вашего Дудли-Осипенко, используя его «втемную», а уж Гринева – да, я сам.

Они перебрасывались фразами быстро, словно играли в пинг-понг. Только головы полковников поворачивались то в одну, то в другую сторону.

– Значит, приехали ночью на объект, сели, попили с ребятами винца, заряженного альфа-суматриптаном, стерли себя с видеозаписи и отправились обратно. А совесть потом не мучила?

– Ну что ты всякую дурь спрашиваешь? Сам ведь знаешь, что после сделанного нельзя оставлять никаких следов. И людей тоже.

– Зачищали пространство вокруг себя? Опять же «сталинскими методами»? Ладно, оставим эту тему. Но вот вы то, если честно, и есть настоящий «профессор Мориарти».

– Спасибо, Петя, за комплимент.

– А Катаджана кто убил? Вы?

– Как же! Сам Буданов. Когда он узнал, что этот предатель, которого Глеб просто ненавидел, ведь тот ему всю карьеру поломал своим бегством на Запад, приехал по глупости в Москву, то не утерпел и отправился к нему «в гости». Давно ждал этого часа. Буквально мечтал о нем. Вот и дождался. А потом мы с ним на даче славно это справедливое возмездие отпраздновали. И Глеб наконец-то заснул спокойно за все последние двадцать пять лет. Сам мне потом на следующий день признавался, что даже сны радужные видел.

– А что? Правильно поступил, – одобрительно произнес полковник Тарута. – Я бы на его месте сделал то же самое.

– Последний вопрос, Афанасий Никитич. В октябре вы подарили бутылку коньяка «Ной» с альфа-суматриптаном генералу Буданову. Уже тогда хотели с ним покончить?

Бортников только кивнул и пожал плечами. Дескать, такая мелочь, чего спрашиваешь? А Муромцев продолжил. Скорее для самого себя, чем для всех слушателей.

– Вот ведь как забавно судьба со всеми нами играет. Глеб Викторович пить не стал. Перепрезентовал коньяк Егоршину. Валя отвез его домой и поставил в бар. Сам тоже не пил. И эта проклятая бутылка ждала своего часа целых два с половиной месяца, пока не дождалась такого дурня и любителя «Ноя», как я. К чему бы это? Что это за

знак свыше? Нет, во всех мистических тайнах мира нам не разобраться никогда.

– Ничего, – отозвался Сургутов. – Ты разберешься. Тебе не впервой.

Афанасий Никитич стал медленно и тяжело подниматься из кресла.

– Где мой костыль? – спросил он. – Устал я. Пора и на покой... Сердце чего-то побаливает.

Муромцев подал ему его костыль.

– Спасибо, Петя. Ты береги себя. Такие люди нам все равно всегда нужны. И – прости, если что не так. Не надо меня провожать, сам дорогу знаю...

Кареев, взглянув на генерала Сургутова, встал у двери, чтобы загородить выход. Бортников усмехнулся.

– Леня, пропусти, – твердо произнес Муромцев, понявший сейчас Афанасия Никитича лучше всех прочих.

Кареев отошел в сторону.

Ветеран спецслужб, опираясь на костыль, вышел в приемную, закрыв за собой дверь. А еще через пару минут прозвучал выстрел. И тотчас же вслед за ним – пронзительный выкрик Лиды.

Все, кто находился в кабинете Сургутова, замерли. И некоторое время молчали.

– Вот и все, – произнес, наконец, Муромцев.

– А похоронить надо все равно с почестями, – сказал Тарута.

– Это уж само собой, – согласился Рогов.

– Списание приглашенных на церемонию я займусь лично, – добавил Смышляев.

Через неделю встречали Новый год. Днем друзья и соратники Муромцева собрались в «Элефанте», вечером должны были разъехаться по своим домам и семьям. Но расставание затягивалось. Так уж всегда бывает, когда есть о чем вспомнить и поговорить. Да еще надо было обмыть новую звездочку на его погонах.

Ирина звонила Петру каждые полчаса, а он все отвечал, что «уже едет». Наконец она не выдержала и просто про-

кричала в трубку, что «можешь, в таком случае, вообще отправляться к черту!». Тут он понял, что действительно эту дружескую попойку пора бы и заканчивать. Да и оставались-то за столом только Алеша и Леонид, другие уже рассеялись.

– Все, я домой, – сказал Кареев, выпивая последнюю рюмку.

– А я сейчас к одной хорошенькой рептилии поеду, – отозвался Федосеев.

– А может, ко мне? – предложил Муромцев.

Ответа он так и не дождался, поскольку неожиданно для себя задремал. Но через полчаса очнулся, взбодрился чашкой кофе и поехал к Ирине. Как раз успел к праздничному ужину. Правда, перед тем как сесть к столу, успел получить от любимой женщины несколько легких тумачков. А потом они пили сухое красное вино, шутили, целовались, смеялись...

Горели свечи, экран телевизора выглядел сейчас, как «Черный квадрат» Малевича, с улицы сквозь пластиковые окна не доносилось ни звука.

– Помнишь, совсем недавно, месяца два назад я спросила у тебя: а что теперь делать? – произнесла вдруг Ирина. – Мы сидели в пабе на Смоленской. Еще Алешка был. Я имела в виду не нечто сиюминутное, а то, что, возможно, определит дальнейшую жизнь. Судьбу. Нашу, общую. А ты ответил: «Будем пить вино, ловить смех, немного грустить, по мере сил уметь и наслаждаться жизнью, пока она вдруг не кончится». И я почему-то сразу успокоилась. И все тревоги исчезли.

– Не помню, чтобы я говорил нечто такое, – лукаво ответил он. – Но раз сказал, значит, был трезв. И ведь это правда. Что еще делать в жизни? Кроме всего перечисленного. Вот только «уметь» я бы поставил на первое место. Даже впереди «любви и наслаждений».

– А я как же?

– А ты – особая статья расходов.

– Нет, ты все-таки неисправимый. Но мне с тобой хорошо. Другого не надо. Я люблю тебя.

– Где-то я уже эти слова слышал. Ах да! Каждая моя новая подруга об этом говорит.

– Ну что за идиот!

До Нового года оставался час. Они помянули Глеба Викторовича.

– Знал бы ты, как мне жалко деда, – сказала Ирина.

– Понимаю. Мне и Афанасия Никитича жаль. Несмотря ни на что. Просто их время ушло. Как когда-нибудь уйдет и наше. Жизнь, к сожалению, действительно иногда кончается. Поэтому надо еще многое успеть. Продолжать делать дело.

В это время зазвонил стационарный телефон. Муромцев снял трубку. И услышал уже хорошо знакомый голос с легкой хрипотцой.

– Поздравляю! – сказал профессор Тортошин. – Буду краток, потому как знаю, что вам там сейчас не до меня, старика. Целуетесь, наверное, шампанское открываете. Дело молодое. Огромный привет Ирине.

– Обязательно передам, Илья Гаврилович. Да вы и сами с ней можете переговорить.

– Не стоит. Хочу с вами, Петр, парой фраз перекинуться. Я уже в курсе того, что случилось с Будановым и Бортниковым. Но они сами себе яму вырыли. Хотя мне их будет очень не хватать. Однако я о другом. В Библии сказано: «Живите и размножайтесь». Вот это-то меня и смущает.

– Почему?

– Потому что сроку этому приходит конец. Скоро невозможными станут не только наука, полеты в космос, искусство и все прочее. Но вся жизнь людей превратится в тотальную войну за выживание. И это будут не виртуальные войны с какими-то орками и гоблинами. Афанасий, наверное, просветил вас насчет «менял», «оценщиков» и «процентчиков»?

– Да.

– Так вот они-то первыми поняли это. Потому и выжигают пространство для будущих поселений рептилоидов.

– А как этого избежать?

– Не знаю.

– Возвращайтесь в науку, Илья Гаврилович. Лаборатория вас ждет.

– Подумаю. Но я закончу свою мысль. Они хотят оставить на Земле только один миллиард самых здоровых рептилоидов. Больше планете и не требуется. Но это будет уже другая Земля.

– А кто же возьмется за выполнение такой задачи, кто будет решать, кому жить, а кому умирать?

– Сам вирус. Речь не идет об уничтожении тех или иных групп людей. Это примитивный способ. Речь идет об «умных вирусах», убирающих тот или иной тип человека. Агрессивный, нежизнеспособный, фанатичный, талантливый, дебильный, умный, и так далее. И это не сказки. Работа в этом направлении не только идет, она уже близка к завершению. Так что «Живите и размножайтесь» – это уже не для человечества.

Тортошин замолчал, а Муромцев, вспомнив, спросил:

– Илья Гаврилович, у вас сохранились фото и видеоматериалы Томаса Кастелло с закрытой «Зоны-51»?

– Конечно, они в надежном месте. Я дам вам посмотреть. Когда мы встретимся.

– А когда?

– Скоро. В новом году. На вашей свадьбе. – И он повесил трубку.

Петр посмотрел на Ирину и улыбнулся.

– Тебе привет, – сказал он. – Обещал быть твоим посаженным отцом на свадьбе. Так что ты давай не затягивай там с разводом. И уж извини, свидетелем у меня будет Алеша.

Потом они вышли на балкон с бокалами шампанского и смотрели на салютующую Москву.

АЛЕКСЕЙ ФИЛИППОВ

ОЧЕРЕДНОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

РАССКАЗ

аннее утро. Благотворная прохлада. Еле заметный ветерок раскрывает бутоны роскошных роз в просыпающихся садах. Аромат цветущего миндаля, еще не побежденный пыльным зноем и дымом костров, рождает в душе ожидание счастливого праздника. С высокого минарета призвал к молитве муэдзин. Скоро оживает городская базарная площадь. Торговцы, зевая и потягиваясь, открывают

пологи своих лавок, отодвигают тяжелые засовы на дверях кладовых и раскладывают товары напоказ покупателям. Впереди долгий и жаркий день. Все как обычно...

Но что это? Человек нетвердой походкой вышел из-за лавки медника. Сделал шаг, второй... Споткнулся, едва не упал, еще шаг... Бледное лицо его сводило судорогой, из носа сочилась алая кровь.словно больного ребенка, прижимал он к груди левую руку. Еще шаг, и силы оставили его. Страдалец упал. Торговцы, тотчас же бросив свои дела, подбежали к упавшему незнакомцу. Тот что-то силился сказать, но язык не слушался его. И только два слова удалось разобрать свидетелям ужасных страданий умирающего человека.

– Слепая змея, – наряду с непонятным бормотанием выдохнул он. – Не осле...

Мухаммед Бируни сидел у открытого окна и думал. Перед ним лежал большой лист самаркандской бумаги, тростниковый калам и острый нож. Сегодня Мухаммед решил начать новую книгу о звездах. Он давно размышлял о

ней и вот сейчас решился: заточил калам на специальной костяной подставке, достал с полки чернильницу, вздохнул, словно перед дальней дорогой, и осторожно вывел первые строки:

«Я должен рассказать об искусстве приговоров звезд...»

Закончить предложение не удалось: внизу, под окнами, на базарной площади, громко и тревожно кричали. Бируни глянул в окно и увидел стоящего на площади человека, который правой ладонью прижимал к груди левую руку. Через мгновение человек упал, к нему сбегались со всех сторон торговцы. Мухаммед велел слуге разузнать, в чем там дело. Слуга у Бируни Ибрагим удивительно скор на ногу, и доклад не заставил себя долго ждать:

– Человек умер. Говорят, что его укусила слепая змея.

– Какая змея? – переспросил Мухаммед, удивленно глядя на слугу черными, как смоль, глазами.

– Он так перед смертью и крикнул: слепая змея. – Почтительно склонил перед хозяином голову слуга и быстро отошел в дальний угол комнаты, чтоб не мешать.

– Слепая змея ничего не боится, – вспомнил Бируни китайскую пословицу и приготовился дальше писать о звездах, но не суждено было ему в этот день продолжить свое занятие. Внизу загрохотали чьи-то тяжелые шаги. И вновь калам остался не у дел.

В залу шумно вошел помощник начальника городской стражи – Рустам. Широкие плечи воина загородили весь дверной проем, громкий голос разорвал тишину в пристанище ученого мужа.

– Я за тобой, учитель, – подобно грохоту боевых барабанов, прогремел Рустам. – Ты должен мне помочь разгадать тайну. Я очень боюсь ошибиться...

Бируни подружился с Рустамом во время похода в Индию. В том походе воин много помогал Мухаммеду, а когда они вернулись домой, то здесь уже светлый ум Бируни несколько раз оказался настолько полезным Рустаму, что тот не гнушался склонить перед ученым свою гордую голову. Правда, обращался Рустам за помощью очень редко. Только в крайних случаях, в таких, как сейчас...

– Сегодня ночью, – уже вполголоса проговорил Рустам, – недалеко от дворца султана убили дервиша. И у него нашли письмо для султана. Что в том письме, я не знаю, но мне дали два дня, чтоб найти убийцу. Сам султан повелел. А если я не найду...

Рустам потер ладонью шею и шумно вздохнул. В глазах воина Бируни узрел еле заметный туман тревоги. Зловещая угроза, как паук, цепкой паутиной беспощадно окутывала судьбу Рустама. Султан Махмуд славился жестокостью далеко за пределами своих владений. Страшная кара ждала того, кто не исполнит повеление Махмуда или в чем-то будет ему прекословить.

Бируни без лишних слов согласился помочь попавшему в беду воину и поспешил к месту убийства дервиша. По дороге он узнал, что на рассвете труп дервиша обнаружили воины дворцовой стражи. Они же нашли и письмо, которое их командир при первой возможности передал визирю султана. Стражники письма не открывали, потому как на нем была печать бухарского эмира. Султан же, прочитав письмо, встревожился, спросил, что еще нашли у дервиша, и велел срочно разыскать убийцу.

Дервиш лежал лицом вниз среди сиренево-желтых цветов шафрана. Левая сторона его загорелой дочерна шеи была наискосок рассечена страшным ударом. Огромная рана развернулась, обнажив красное, цвета перезрелой арбузной мякоти мясо в траурной кайме из черной запекшейся крови. «Дервиша убил сильный человек», – успел только подумать Бируни, когда его тронул за рукав Рустам.

– Я велел собрать всех, кто живет поблизости, – сказал воин, показывая рукой на испуганных людей в окружении сердитых стражников, – они наверняка что-то знают об этом убийстве. И мы скоро будем знать об этом...

Ученый и слова не успел сказать в ответ, а Рустам схватил, словно стервятник цыпленка, тщедушного юношу, со звоном выдернул саблю из ножен и с грозным рыком обратился к дрожащей толпе:

– Если вы мне сейчас же не назовете имя убийцы, я рассеку его надвое, потом сразу же возьмусь за другого! Говорите!

И рассек бы Рустам извивающегося в ужасе юнца, но к рассвирепевшему воину подбежал один из стражников и что-то торопливо зашептал ему на ухо. Рустам сразу же отбросил свою жертву, как-то обмяк всем телом и глухим, чуть дрогнувшим голосом обратился к Бируни:

– Меня зовет султан... Помогите мне найти убийцу. Помогите, если успеешь...

Рустам убежал, толпу как ветром сдуло, и лишь худой ремесленник, с изрядно поседевшей бородой, подошел к Мухаммеду Бируни.

– Я видел вчера этого дервиша на базаре, – прошептал ремесленник. – Он разговаривал с бродячим звездочетом.

Звездочета Мухаммед нашел скоро. Тот сидел возле астроблиии, подвешенной на высоком шесте, в окружении плотной толпы любопытных. Около ног звездочета стояла сухая выдолбленная тыква, куда желающие узнать свою судьбу бросали деньги. Медную мелочь. Как только монетка падала в тыкву, звездочет сразу же прикладывался глазом к диоптру астроблиии, куда-то его наводил, потом что-то долго писал камышовой палочкой на песке. Все это время клиент астролога переминался с ноги на ногу и часто дрожал. Нелегко дожидаться приговора неба. Что там впереди готовит судьба? Чтобы поскорей вывести у звездочета нужные сведения, Бируни бросил ему серебряную монету.

– Хочешь узнать судьбу, уважаемый? – удивился щедрости подношения бродячий астролог.

– Нет, – покачал головой Бируни, – я хочу дать тебе еще две такие монеты, если ты расскажешь мне, о чем ты вчера долго беседовал с дервишем.

– С каким дервишем? – переспросил звездочет. Мухаммед усмехнулся, повернулся к астрологу спиной и пошел прочь, но тот мигом догнал его.

– Конечно, расскажу. Мы говорили с ним о звездах. Он хотел узнать у меня, какому месту в нашем городе более всего благоволит знак Ближнецов.

– Близнецов?

– Да.

– И что ты сказал ему?

– Я сказал ему, что в этом городе созвездие Близнецов больше всего благоволит дворцу достопочтенного султана, да хранит его Аллах. А он мне ответил, что под большим деревом всегда есть хворост, и этот хворост не должен погубить росток...

– Что?

– Станный дервиш, – улыбнулся звездочет. – Он попросил меня узнать судьбу, но только рассмеялся в ответ, когда я поведал ему о неожиданном богатстве. Рассмеялся и, уходя, прочитал мне стихи, две строчки всего: Путник бывалый расскажет тебе обо мне, / У домоседа ведь нет новостей и в помине...

– Я с игроками пирую и щедрой рукой / Ставлю им яства и лучший напиток в кувшине, – продолжил стихотворение Бируни. Он знал это творение великого Набига аз-Зубьяни. Но что хотел сказать этими строками дервиш? Звездочет, получив обещанное вознаграждение, почтительно поклонился и вернулся к своей астролябии. Ослепительно золотое солнце выкатывалось все выше и выше.

От утренней прохлады не осталось уже и следа. Изнуряющий зной неспешно вступал в свои права. Жарко. Люди стали прятаться от солнца в тень. А вот Бируни стоял посреди базарной площади и думал. Сколько бы он так простоял – неизвестно, но его верный слуга Ибрагим, отыскав взглядом беседку возле арыка, быстро и умело проводил туда задумавшегося ученого. В беседке, сплетенной из светло-зеленых листьев молодого винограда, было не так жарко, как на базарной площади, и думать здесь много лучше, впрочем, размышлениям ученых ничто нипочем. Мысли в голове Бируни теснились, подобно рою встревоженных ос.

Почему, почему, почему? Почему письмо от эмира Бухары султану принес дервиш? – думал ученый, прохаживаясь взад-вперед под сенью цветущего винограда. Почему этот дервиш не пошел сразу к дворцу султана? Почему он бро-

дил по рынку? Почему он спрашивал бродячего звездочета о созвездии Близнецов?

Бируни знал, что ни одного действия не может быть без причины. И лишь отыскав корень этой причины, можно судить о поступках человека. Итак, – остановился Мухаммед, вглядываясь в закрывающееся соцветие на виноградной лозе, – почему дервиш сразу не пошел к дворцу султана? Скорее всего, он побоялся кары, которая ждет гонца, принесшего недобрую весть. Он знал содержание письма. Значит...

Мухаммед сделал еще несколько шагов по желтому песку, которым был усыпан пол беседки. Ученому не нравился напрашивающийся вывод о том, что дервиш решил насладиться жизнью перед расправой за худую весть. Нет, так обреченные люди себя не ведут, – провел ладонями по лицу Бируни. Судя по рассказу звездочета, дервиш был бодр и весел. А для чего он спрашивал о созвездии Близнецов? Почему он думал об этом созвездии? Каким местам покровительствуют Близнецы? Царские дворцы, горы, холмы, места близ воды, места для танцев, места, где играют в азартные игры...

– Точно! – громко вскрикнул ученый. – «Я с игроками пирую...»! Сказанные слова всегда выдают думы. Ибрагим!

– Я здесь, – отозвался Ибрагим, наклонив голову и сложив около подбородка ладони.

– Ты знаешь, где у нас в городе играют в азартные игры?

– Так, грех это, – замешкался слуга, – это...

– Я без тебя знаю, что это мерзость сатаны, но мне туда надо.

– Конечно, конечно, – приложил к груди ладони Ибрагим. – После заката солнца я провожу...

– Мне надо сейчас.

– Сейчас никак нельзя...

– Почему?!

– Сейчас там один сброд, нельзя туда почтенному человеку при свете дня.

– Идем!

Солнце палило нещадно. На узких пыльных улочках ремесленной части города безлюдно. И люди, и животные прячутся в тень от палящего зноя. Пекло на улице. Плутали они долго, но вот, наконец, Ибрагим подвел хозяина к глинобитному строению высотой никак не меньше трехкратного человеческого роста и сильно постучал в дверь. Дверь растворилась. На пороге, согнувшись в почтительном поклоне, стоял человек с крашенной в красный цвет бородой. Исполнив долг вежливости и подобострастия, краснобородый взмахом руки позвал гостей за собой.

В зале для игры было сумрачно. Свет проникал сюда лишь из узеньких окошечек, расположенных в середине крыши. Светло было только в центре зала, а около стен властвовала тень. В тени играли люди. Игра настолько крепко вгрызлась в их сознание, что они не замечали ничего вокруг. Провожатый жестом руки направил новых посетителей в дальний угол. Бируни попытался заговорить с краснобородым, но Ибрагим шепнул ему:

– У него нет языка.

В углу был послан дорогой ковер, на котором стояло большое серебряное блюдо, на блюде лежали кости для игры. Стоило посетителям присесть, как тут же, словно из-под земли, появился человек в сером халате и заговорил ележным голосом:

– Да будут благословенны твои дни, почтенный человек. Осчастливь меня, презренную тень возле светила твоего великолепия. Сыграй со мной: твои деньги против твоего желания...

– Что? – переспросил ученый, разглядывая широкоскулого просителя, глаза которого блестели, словно жирное земляное масло.

– Ты ставишь монету, – игрок кивнул на серебряное блюдо, – а я, в случае проигрыша, обещаю выполнить любое твое желание. Мухаммед достал из пояса монету. Они бросили кости: у Бируни выпало три единицы, а у его соперника – двойка и две четверки. Глаза победителя сверкнули. Счастливцев мгновенно подхватил с блюда монету и тут же предложил.

– Еще?

– Подожди, – ответил удачливому игроку Мухаммед. – Я дам тебе сразу же пять монет, если расскажешь мне о дервише, который приходил сюда вчера.

– Давай играть, – будто не услышал предложения ученого игрок. – Здесь не говорят, здесь играют. Я выполню твое желание, но только в случае проигрыша.

Они сыграли еще, потом еще и еще. Несколько раз мимо них бесшумно прошел краснобородый. Какой-то мальчишка принес игрокам кувшин с кислым вином. Бируни раз за разом безуспешно пытался завести разговор о таинственном дервише, но его соперник лишь счастливо улыбался и... выигрывал. Когда у ученого закончились деньги, игрок исчез. Мухаммед попробовал подойти к другим играющим, но краснобородый умело выставил его вон на жаркую и пыльную улицу.

Они снова брели среди однообразных раскаленных солнцем построек ремесленной стороны и вдыхали горячие дурные запахи, изобилие которых иной раз доводило до легкого головокружения. Возле брошенной на улице арбы их догнал юноша с рябым, лишаиным лицом, голова юнца была обмотана грязным тюрбаном.

– Я прислуживал вчера дервишу в доме игры, – выпалил запыхавшийся юнец и отступил на пару шагов назад. – Я расскажу о нем за три серебряные монеты.

– Говори, – внимательно посмотрел Бируни на юнца. – Будут тебе монеты.

– Нет, – замотал головой мальчишка. – Сначала деньги, потом скажу.

– Ты мне не веришь? – удивился Мухаммед.

– Сначала деньги, – упрямо стоял на своем юнец.

– Хорошо, – вздохнул Бируни. – Пойдем с нами, я отдам тебе деньги дома.

– Не пойду, – продолжал упрямяться мальчишка. – Не хочу, чтоб нас увидели вместе. Скажите, куда мне прийти, я приду один.

Ибрагим разъяснил юнцу, как пройти к дому Бируни. Мальчишка, словно испуганная ящерица, юркнул за обросший виноградными стеблями плетень, а ученый со своим

слугой пошли домой. Возле базарной площади узрели они столпотворение. Люди волновались и, несмотря на жару, куда-то торопились.

– Что случилось? – спросил Мухаммед бежавшего на встречу человека.

– Приехал сын султана Масуд! Такого богатого каравана еще никогда не видел наш город! Бегите к городским воротам! – В городе давно ходили слухи о том, что старший сын султана преуспел в войне с кочевыми племенами на южных границах страны, и те выплатили ему большую дань. Говорили об этом чаще всего шепотом, потому что дань ту получил сын в обход отца. Султан, опять же шептали с оглядкой, был весьма недоволен сыном. Вся дворцовая знать поддакивала султану. Иначе нельзя никак. И вот сын вернулся...

Бируни не пошел вместе со всеми к воротам дворца. Загадка смерти дервиша не давала ему покоя. Вернее, не сама смерть, а все дела дервиша перед ее зловещим ликом. Все здесь казалось странным. Для чего он пошел в дом игры? Никаких объяснений не мог найти ученый столь странной выходке.

Единственное, – думал Бируни, разглядывая из окна пустынную улицу, – что можно предположить, так это встреча с кем-то в том нечестивом месте. Но с кем? Теперь Мухаммед с нетерпением ждал мальчишку, обещавшего за три монеты рассказать что-то о дервише. И это «что-то» непременно должно помочь найти верную тропу к тайне. Три серебряных дирхема лежали на подоконнике, но никто за ними не приходил. За окном послышался топот скачущих коней. Улицу заволокло пылью. С десятков воинов явно куда-то торопились. Потом на базарную площадь стали возвращаться громко беседующие люди. Базар снова засуетился: громко расхваливали свой товар торговцы, зазывая покупателей, что-то звенело, шипело и пересыпалось. Кричали верблюды, ишаки и петухи. Солнце нехотя катилось к кромке горной гряды, а там, как верили многие, ждали светило ангелы с огненными бичами, чтоб заставить его вернуться обратно.

Бируни улыбнулся и прошептал чуть слышно. – Нам солнце – лучший друг, /А мы бесстыдно лжем, /Что поделом его бранят и бьют бичом.

Воспоминания о биче, словно задели только что нанесенную рану. И у Мухаммеда внезапно появилось желание высечь наглого мальчишку, который заставлял так долго себя ждать. Бируни прошелся от стены до стены, желая подавить зачатки злости в душе, но вдруг он резко остановился и сказал, топнув ногой:

– Мужчина тот, кто сомкнет уста и засучит рукава. Ибрагим! Пойдем к дому игры!

Дверь дома игры оказалась распахнутой настежь. И прямо у порога Бируни едва не наступил на лежащего человека. Это был привратник с крашеной бородой. Его убили ударом копья в грудь. В центре игровой залы на корточках сидели испуганные люди, а вокруг них с обнаженными саблями ходили воины в пыльных доспехах. Один из них, по всей видимости, старший, вел строгий спрос с того самого мальчишки, который обещал Бируни рассказать о дервише.

– Здесь был дервиш?! – кричал, широко раскрыв налитые кровью глаза, воин.

– Где он?!

– Б-был, – хрипел напуганный до заикания юнец.

– О-он ушел с ин-н-ноземцем.

– С кем?!

– Здесь иноземец прятался. Они сперва играли. Пили вино, потом пошли...

– Куда?!

– Ин-ноз-земец сказал, что знает податливых... – Дальнейшее расслышать Бируни не успел, чья-то сильная рука взяла его за плечо. Бируни обернулся. Перед ним стоял воин. Воин тяжело дышал и часто утирал рукавом халата потное лицо. Его налитые кровью глаза, размазанная по лицу грязь, прерывистое дыхание прямо-таки кричали о неимоверной усталости.

– Кто такой? – прохрипел воин.

– Я? – удивленно переспросил Бируни. Ему редко задавали подобные вопросы столь бесцеремонным образом.

– Ты, – прищурился воин, оглядывая ученого с ног до головы.

И тут, словно пойманный шалуном за ногу козленок, заверещал допрашиваемый юнец.

– Это он! – кричал мальчишка, тыча пальцем в сторону Бируни. – Это он искал дервиша! Он!

Ученый ничего не успел ответить: ему накинули на голову мешок, потом бросили поперек седла и куда-то повезли. Произошло это все так быстро, что Мухаммед опомниться не успел, а потом пронзительная боль от какой-то бляхи лошадиной сбруи, врезавшейся под ребра, в один момент изгнала все думы, кроме одной: скорей бы избавиться от боли! Избавился ученый от нестерпимой боли на грязной соломе вонючей темницы. Грязь, вонь, тьма и какое-то подозрительное шевеление чуть поодаль – вот что пришло на смену медленно отступающей боли.

Где я? – заволновался Бируни. – Почему я здесь?

Скоро глаза привыкли к мраку, и ученый увидел у стены крысу. Та, не обращая никакого внимания на человека, что-то выбирала из прелой соломы, хрустела и чавкала. У любого от подобной картины подкатит комок к горлу с черными мыслями в придачу. «Из мрака мне душа кричит: разбита я, в грязи, обезоружена. А я в ответ душе: такая кара к нам с тобой пришла заслуженно... Чем же я заслужил столь мерзкое унижение?» – думал Бируни, стараясь как можно дальше отодвинуться от жрущей нечистоты крысы. Кто были те воины, которые искали дервиша в доме игры? Для чего они его искали?

Мухаммед закрыл глаза и крепко потер виски. Опять, как наяву, предстали перед ним усталые воины в запыленных доспехах. А может быть, именно их ждал дервиш в доме игры? – мелькнула догадка. – Ждал и не дождался. Они только что приехали в город. Кто же они? Ответ на этот вопрос был где-то рядом, немного поразмышлять оставалось, но тут загремела дверь, и свет факела ослепил Бируни. Он зажмурился, а когда открыл глаза, увидел своего давнего знакомого – Рустама.

– Я за тобой, учитель, – сказал воин, отводя в сторону взгляд. – Тебя зовет султан...

Султан вместе с сыном сидели перед роскошным дастарханом. И чего только на этой скатерти не было, но серо все пред наступающей бедой. Бируни, вставший на колени перед всемогущим властителем, не замечал ни роскоши, ни легкого аромата индийских благовоний, ни сладкоголосого пения, сердце его тревожно и часто стучало.

– Ну, – после некоторой паузы, неспешно облизав сладкий жир плова с пальцев, заговорил султан, – ты нашел убийцу дервиша? – Султан немигающим взглядом смотрел на Бируни.

– Нет, – негромко ответил ученый. Султан резко перевел взор на Рустама.

– Он обещал, он клялся, – сразу же залебезил стоявший рядом с Мухаммедом помощник начальника городской стражи. – Он сказал, что найдет...

Бируни мельком глянул на трясущегося от страха Рустама, и сами собой явились слова, которые совсем недавно слышал от врача Ибн Сины: «Когда с моим врагом мой друг находит лад, /Такого друга я оставить буду рад. Сидевшей на змее ты мухи берегись./ И меда сторонись, в который попал яд». И в одно мгновение представились Мухаммеду: воин, как муха, попавшая в клейкую ловушку, и султан – словно огромная ядовитая змея, готовая уничтожить все на своем пути. Ученый даже головой тряхнул от столь страшного видения. А султан между тем продолжал свою речь:

– У этого дервиша был драгоценный дар для меня... Где он теперь? – Глаза султана опять неподвижно смотрели на Бируни. – Мне говорили, что ты можешь узнать тайные помыслы любого. Кто взял камень?

– Какой? – Бируни собрал всю силу воли и поднял глаза на султана.

– Если б я знал, – усмехнулся властелин и посмотрел на сына.

– Этот камень отцу должен был передать я, – катая в пальцах крупную янтарную виноградину, неторопливо начал свой рассказ сын султана Масуд. – Мы сговорились, что эмир Бухары Кадыр-хан тайно пришлет к нам в город своего человека с драгоценным подарком. Потом он мне при-

слал письмо, в котором сообщил, что его человек оденется дервишем и будет ждать нас в доме игры. Какая драгоценность будет у дервиша, он не сообщил...

– Я всегда удивлялся мыслям Кадыра, – покачал головой султан. – Только он мог придумать послать драгоценный камень с дервишем и назначить встречу в доме игры. А впрочем, где легче всего найти дервиша, как не в доме игры? Да...

– Я, как только въехал в город, – продолжил Масуд, – сразу послал своих джигитов в дом игры. Мне нужно было получить драгоценность перед встречей с отцом... Но дервиша мои люди там не нашли. И камень пропал.

– Осталось только это! – схватил свиток султан и бросил его Бируни. – Может, ты поймешь? – В свитке, кроме слов восхваления султана с разнообразными пожеланиями ему, в том числе сна без сновидений, смущающих дух, имелись еще три рисунка: павлин, юноша с книгой в руке и змея.

«Так, может быть, – подумал Мухаммед, внимательно разглядывая письмо, – этот рисунок подскажет, какой камень украли у дервиша. Юноша верхом на павлине со змеей и с таблицей в руках – одно из обозначений планеты Меркурий. Меркурий покровительствует янтарю, мышьяку, камням желтого и зеленого цвета... Зеленый камень изгоняет злых духов из сновидений...» Бируни еще раз поднял глаза на султана, и тут, словно из зеленоватой сверкающей дымки, появилась догадка.

– У дервиша украли изумруд, – ответил ученый, – и, похоже, знаю, где он сейчас.

– Похоже? – скривился султан Махмуд. – Да как...

– Прикажете привести моего слугу, – самым неподобающим образом перебил султана ученый. Махмуд, несказанно удивленный дерзостью подданного, сперва замолчал, а потом приказал найти слугу Бируни. Того разыскали так быстро, что султан даже не успел придумать надлежащей кары для дерзкого ученого.

– В какую руку укусила змея сегодня утром человека на базаре? – сразу же спросил Бируни у упавшего возле него на колени Ибрагима.

– В левую, – дрожащим голосом прошептал слуга.

– Ну? – прищурился Махмуд.

– Я найду изумруд! – уверенно произнес Мухаммед.

В бедное жилище заклинателя змей Бируни вошел вместе с радостным Рустамом. Судьба снова стала поворачиваться к воину лицом: еще немного, и он поймает хитрую птицу удачи за ошипанный хвост. Чего-чего, а уж ловить-то он умеет. Его напору и натиску любой позавидует! Рустам сразу же схватил заклинателя за шиворот и выдернул саблю из ножен. Заклинатель же, то ли случайно, то ли нет, задел рукой корзину, стоявшую на лавке. Корзина упала, и из нее стали выползать змеи. Пришлось Рустаму отпустить подозреваемого и сразиться с ползучими гадами. Сабля воина со свистом была извивающуюся на грязных циночках и злобно шипящую нечисть. А заклинатель, во время этой битвы попытался улизнуть, прихватив другую корзину. С десяток шагов всего, и можно затеряться в базарной сутолоке, где найти беглеца не легче, чем иголку в сене.

Однако на пути хитрого змеелова встал Ибрагим, он ловким ударом в ухо свалил заклинателя и подхватил корзину из его рук.

– Осторожней! – крикнул слуге Бируни, но было уже поздно, Ибрагим открыл корзину.

Корзина оказалось неглубокой, и потому растревоженная песчано-золотистая эфа сразу же метнулась в атаку. Недаром нападение эфы сравнивают с ударом молнии. Лишь миг – и ядовитые зубы с хищным хрустом врезаются во вражескую плоть. Ибрагима спасло только то, что он от неожиданности выронил корзину. Эфа на этот раз промахнулась, пронзив ядовитым зубом не плоть, а полу старого халата. Из корзины же выкатился и заискрился на солнце крупный, густо-зеленый изумруд...

– Иноземец пришел ко мне рано утром, – каялся в сырой темнице перед палачом заклинатель змей, – и сказал, что ему надо проверить ценность изумруда. Все ж знают, что от настоящего изумруда ослепнет любая змея и из ее глаз потечет вода. Изумруд тот оказался удивительно красивым. Волшебный камень. Иноземец взял камень и стал

подносить его к змеиной голове. Но подносил он его очень быстро. Змея не успела ослепнуть и укусила его. Зря он так торопился. Изумруд упал в корзину...

Бируни сторонился Рустама, который от счастья был на седьмом небе и не переставая твердил слова благодарности ученому. Мухаммед отмалчивался, но очередное воспоминание о мудром изречении укротило в душе ученого волну обиды. Нет людей без греха, что же мы осуждаем его, – подумал Мухаммед. – Право, было бы лучше упрекать свое естество.

– Как же ты догадался, где камень? – снова и снова спрашивал воин.

– Нет здесь ничего удивительного, – вздохнул Бируни. – Смертельная рана дервишу нанесена левой рукой, человека в левую руку укусила змея на базаре. Дальше совсем просто: змея – изумруд. Я сам долго верил, что изумруд способен ослепить змею. Древняя легенда. Знаменитые ювелиры не раз убеждали меня в ее правдивости, я верил им, но потом решил проверить это на опыте: опоясал змею изумрудным ожерельем, рассыпал камни на подстилку перед ней, долго качал перед ее глазами ниткой с нанизанными изумрудами, но змея так и не стала слепой. Очередное заблуждение...

Рустам долго еще восхищался умом ученого и ушел от него уже ночью. Проводив гостя, Бируни выбрался на крышу, чтобы полюбоваться самым прекрасным. Он смотрел на мерцающие россыпи звезд и улыбался...

*Каждый образ и каждый исчезнувший след
В усыпальницу времени лягут на тысячу лет.
И на круги своя наши годы, когда возвратятся,
Сохраненное явит нам звездный таинственный свет.*

В лесопарковой зоне, в не-приметном особняке, который ФСБ использовала как конспиративную квартиру, найдены тела офицеров ГРУ и ученого-биолога, помещенного под охрану. Застать врасплох опытных профессионалов-разведчиков было практически невозможно. Но стало известно, что кровь всех троих приобрела загадочный синеватый оттенок.

Современный мир настолько парадоксален, что все чаще наше внимание привлекают явления, которые трудно объяснить с рациональной точки зрения. Роман Александра Трапезникова «Из тени в свет», отвечая интересу читателей к тому, что кажется сверхъестественным, объясняет эти явления. Один из главных героев, аналитик ФСБ с биологическим образованием, разбирается с чередой исчезновений российских ученых-биологов и связанным с этими исчезновениями похищением документов научных разработок проектов «Рептилии» и «Голубая кровь» из сейфа засекреченной биологической лаборатории. Информация, с которой сталкивается подполковник Муромцев, действительно уникальна. Существование людей с кожей и кровью голубоватого оттенка – такие ано-

малии, оказывается, могут стать следствием долгой череды близкородственных браков. Таинственные свойства зеркал. Связи прослушивающего весь мир Агентства национальной безопасности США и крупнейших американских корпораций – и это тоже правда, известно, что возглавлявший до недавнего прошлого АНБ американский генерал Алéксандер был руководителем одной из высокотехнологичных компаний. Истинные цели создания мощнейших установок – километров антенных полей, известных, как HAARP, программа высокочастотного исследования высотных слоев атмосферы. «И рептилоиды с голубой кровью, и биологическое оружие, и поиски бессмертия, и воскрешение мертвых, и загадки прошлых веков – все это, от сотворения мира до наших дней, служило какой-то логической, даже с точки зрения Божественного промысла, цели в будущем». Пропавший профессор-биохимик к пониманию этой цели, похоже, приблизился.

Практические объяснения таинственных явлений все же существуют. Когда в нашей стране свирепствовало опасное заболевание, передающееся через мясо животных, – чума свиней, официальные источники сообщали, что зараза проникла с территории Грузии, уже ставшей подконтрольной США. Автор остросюжетного романа, в данном случае – научного триллера, вправе использовать реальные события, такие, как информация об этой болезни. Герои Александра Трапезникова делают вывод о том, что «болезнетворные микроорганизмы, нацеленные на поражение конкретного генотипа» уже испытываются.

Иногда Александр Трапезников склоняется к прямой иронии. Индивидуумы, обладающие сверхспособностями, но, возможно, не догадывающиеся о своих дарованиях, удивляются: «Почему люди типа Буша, Горбачева... Меркель или Обамы превращаются вдруг в рептилий, когда я вижу их по телевизору?» Одна из линий романа «Из тени в свет» повествует о теории, не получившей научного признания, гласящей, будто на нашей планете сохранились остатки расы – вернее будет сказать, биологического вида – людей-рептилий, могущественных существ, некогда будто бы создавших человечество для своих подопытных и корыстных целей. Эту теорию может объяснить инстинктивный ужас человека перед огромным,

страшным древним крокодилом. К тому же некоторые политические деятели нет-нет да и обнаруживают повадки именно этого хитрого и свирепого хищника.

Теория рептилоидов, имеющих, как и некоторые земные организмы, голубоватую кровь из-за наличия окислившейся меди в ней, переплетается в романе с современными, вполне реальными биологическими исследованиями. Разработанный еще советскими учеными кровезаменитель, который мог спасти жизнь человеку при большой потере крови, имел, оказывается голубой цвет. Советские разработки были присвоены американцами, которые добавили в состав препарата свои компоненты, а уж какие... об этом история умалчивает. Человек с закачаным в сосуды кровезаменителем может некоторое время дышать в воде, словно рептилия. Но, с другой стороны, в эту эмульсию можно добавить вещества, подчиняющие волю, вирусы, и что угодно еще.

Пропавший из лаборатории ученый понял, что законы внушения, суггестии, являются весьма действенными, они позволяют программировать поведение человека. Ничего сверхъестественного в этом нет: агрессивная реклама или текст политтехнологов может заставить человека купить тот или иной продукт или выйти на площадь и поджечь пирамиду автомобильных покрышек. исследователи из романа Александра Трапезникова справедливо утверждают, что на основе подобного воздействия «организм получает возможность строить программу поведения с учетом не только своего индивидуального опыта, но и... опыта других людей, группы или толпы». Это до некоторой степени может объяснить поведение большей части населения Украины, той самой части, которая производит впечатление зомбированных людей.

Биологическое оружие запрещено несколькими международными договорами, но поди докажи, что эпидемия – результат его применения противником. Поэтому нашей стране нужно быть готовой не только противостоять этому оружию, иметь противоядие, но и быть способной ответить ударом на удар – хотя бы для того, чтобы вероятный противник имел в виду возможность ответной атаки с неприемлемыми для него потерями. А такие исследования в нашей стране ведутся. И пропавший профессор оказался не злобным «Мориарти»...

Ветераны КГБ-ФСБ в романе «Из тени в свет» создали нечто вроде тайного ордена, группы информированных специалистов, противостоящих, как теперь принято выражаться среди чиновников, современным вызовам. Но Александр Трапезников предупреждает: деятельность таких законспирированных организаций бесконтрольна, а потому может завести далеко, и не туда, где следует быть.

Но вызовы действительно серьезны. Современный поток информации настолько объемён, быстр и разнороден, что мы не можем его контролировать. Так зачем и пытаться? – считает один из героев. «Наступила... эпоха, когда большинство людей безграмотны. А через пятьдесят лет наши дети вообще не будут уметь читать». Герой романа, конечно, имеет право на пессимизм, однако факты, к счастью, не столь уж сильно ему соответствуют. Даже в раннем Средневековье, которое европейцы прозвали Темными веками, на Руси купцы, ремесленники, зажиточные крестьяне свободно читали, писали друг другу повседневные записки, как мы отправляем письма по электронной почте. Но даже и в Европе, где грамотными были лишь духовенство, небольшая часть высшего дворянства и банкиры, книжное знание сохранилось, а мёртвые языки, латынь и греческий, были практически восстановлены. Грамотность никуда не денется. Что читать будем – вот вопрос...

Один из именитых ветеранов КГБ рассказывает подполковнику Муромцеву о том, что в 1930-х, в процессе разработки биохимического оружия и средств воздействия эксперименты ставились над заключёнными, что в конце 1970-х в Свердловске, теперь Екатеринбурге, произошла утечка препарата, вызвавшего смертность среди гражданского населения. Как художник автор имеет право на некоторые преувеличения. Но и читатель имеет право понимать, что, например, во время первых испытаний ядерного оружия и американцы доплачивали солдатам регулярной армии за участие в экспериментах, попросту облучали своих военных, что, конечно, совершенно бесчеловечно. А что до утечек – сама практика современной науки такова, что исследования опасных веществ идут параллельно с разработками способов защиты. Научная работа сама по себе – сложная, временами косная, система, ограниченная множеством бюрократических

рогаток и условиями субординации. Вопреки известному мифу о беспечности талантов, никакой научный руководитель не разрешит подчиненным экспериментировать с летучим ядом, имеющим неизвестные свойства, в не оборудованном тремя степенями защиты помещении. А на случай, если кто-то о мерах безопасности забудет, в каждом исследовательском центре такого рода есть люди в погонах, которые напомним, но после этого на научной карьере забывчивого можно будет поставить жирный крест. Построенные и оснащенные еще при СССР центры биологической защиты, в которых могут быть надежно изолированы зараженные, например вирусом лихорадки Эбола, функционируют и сейчас, их работу поддерживали даже в самые безответственные времена диких 1990-х.

Словно в противовес дьявольской путанице конспирологических теорий, в повествование вплетаются православные мотивы. Один из пропавших ученых нашел себе духовника, священника одного из храмов, а потом действительно пропал для мира, затворившись в монастыре. А когда его отыскал подполковник Муромцев, оказалось, что и в монастырских стенах можно защищать национальную безопасность страны, молитвой охраняя православие «от рационализма Запада и сверхчеловеческой созерцательности Востока».

Сложный, многоплановый роман Александра Трапезникова сегодня оказывается в поле самых актуальных мировых проблем. В тексте содержатся и рациональные объяснения, и здравые политические оценки. Однако главное в романе «Из тени в свет» – сам дух и стиль современной русской остро сюжетной прозы, прочно опирающейся на земную твердь, отвечающей реальным потребностям читателя и по мере своих возможностей отстаивающей его интересы.

БЛЕСК ИЗУМРУДА

Средневековый ученый Абу Рейхан Мухаммед Ахмед аль-Бируни, живший в X веке в Хорезме и Газни, на территории современного Узбекистана, был разносторонним человеком. Он исследовал небесные светила – трактат Бируни «Ключ

к астрономии» считается утраченным, однако сохранилось «Введение в элементы астрологического искусства». Ученый занимался математикой, его «Книга о нахождении хорд в круге» была, в некотором роде, учебником не только на арабском Востоке, но и в средневековой Европе. Свои впечатления об Индии, о которых упоминает автор рассказа «Очередное заблуждение» Алексей Филиппов, Бируни изложил в трактате «Разъяснение принадлежащим индийцам учений, приемлемых рассудком или отвергнутых». Сделать логически, и в то же время нестандартно мыслящего ученого, сыщиком – соблазн, который не смогли преодолеть многие авторы. Умберто Эко в «Имени розы» отвел роль следователя, распутывающего загадочные преступления монаху-энциклопедисту Вильгельму, а наш соотечественник «Мастер Чэнь» – восточному ученому путешественнику.

В рассказе Алексея Филиппова Бируни, по приказанию эмира, отвлекается от созерцания звезд и расследует пропажу драгоценного изумруда. Вместе с героем мы путешествуем по кварталам средневекового среднеазиатского города, попадаем в игорный дом, дворец правителя, отвергаем множество суеверий и заблуждений – например, о том, что изумруд ослепляет змей. Цепочка логических заключений выводит ученого на пропажу, а читателя – на чистую интеллектуальную игру, изящную, словно математическая формула, загадку с ответом, в виде бонуса рассказывающую об одном из самых знаменитых мудрецов арабского мира, существовавшем не в «Сказках 1000 и одной ночи», а в реальной истории.

Сергей ШУЛАКОВ

Об издательстве

В море современной детективной литературы мы отбираем для наших читателей такие произведения, которые следуют и классическим и новейшим традициям этого жанра. Журнал «Детективы СМ» издательства «Подвиг» первым публикует новые

вещи известных отечественных авторов, это – основа редакционной политики. Мы не оставляем без внимания и зарубежный детектив, стараемся в ряду его авторов выбирать тех, кто может не только сконструировать увлекательные хитросплетения сюжета, но и описать жизнь далеких от нас людей как она есть. В классике русского дореволюционного «полицейского романа» таятся такие глубины, на дне которых можно встретить нечто забытое и удивительное. Мы добудем эти редкости, отшлифуем и предоставим Вам, дорогой читатель.

«Детективы СМ» – издание, которое всегда держало планку качественного полиграфического исполнения при демократичной цене. Этой традиции мы не изменим.

Подписчики знают, что мы гарантируем своевременность поставки. Те, кто по вине почтовой службы недополучают свои экземпляры, всегда получают их через редакцию.

Цена нашей продукции минимальна, одна из самых низких на книжно-журнальном рынке.

В 2015 году читатель «Детективов СМ» познакомится с новыми произведениями полюбившихся ему авторов – Михаила Попова, Александра Трапезникова, Алексея Клёнова, Татьяны Ефремовой, запомнившейся читателям захватывающим романом о собачниках и их питомцах – «Вся собачья жизнь», Михаила Калифулова, создавшего детектив о скачках «Опасная ставка», откроет для себя новые имена будущих звезд детектива.

Мы изменили дизайн журналов. Понравился ли он вам? Произведения каких авторов вы хотели вы прочитать на наших страницах? Напишите нам, и мы учтем ваши пожелания.

127015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а. Издательство «Подвиг».

Сайт: подвигжурнал.рф

Традиционная подписная компания проходит с 1 апреля до 1 или 10 июня и с 1 сентября по 1 или 10 декабря. Льготная подписка проводится с 1 февраля по 31 марта и с 1 июля по 31 августа ежегодно. Вы можете оформить подписку на «Детективы СМ» и другие журналы издательства «Подвиг» с любого номера по каталогам в любом отделении Почты России. Подписные индексы: Каталог «Газеты и журналы» агентства

«Роспечать» 71174 («Детективы СМ»), 47703 («Детективы СМ» + «Подвиг»), 81162 («Детективы СМ» + «Подвиг» + «Кентавр. Исторический бестселлер»).

Каталог российской прессы «Почта России» 10962 («Детективы СМ»), 99653 («Детективы СМ» + «Подвиг»), 44927 («Детективы СМ» + «Подвиг» + «Кентавр. Исторический бестселлер»). Подробнее см. на обложке каждого из выпусков

Объединенный каталог «Пресса России» 45443 и 44784.

Или через редакцию по редакционной цене, оплатив стоимость подписки в Сбербанке. Квитанция на сайте подвигжурнал.рф

Историческая правда - для всех!

Тот, кто знает историю страны, знает, как
жить сейчас, и принимает верные решения.

«Кентавр» -
чтение для умных.

«Кентавр» -
ответы
на загадки истории.

«Кентавр» -
нон-фикшн,
только истинные факты,
реальные имена.

«Кентавр» -
это три полноценных романа,
плюс захватывающие повести
в каждом полугодии.

Узнайте правду о своей истории!

Подписные индексы:

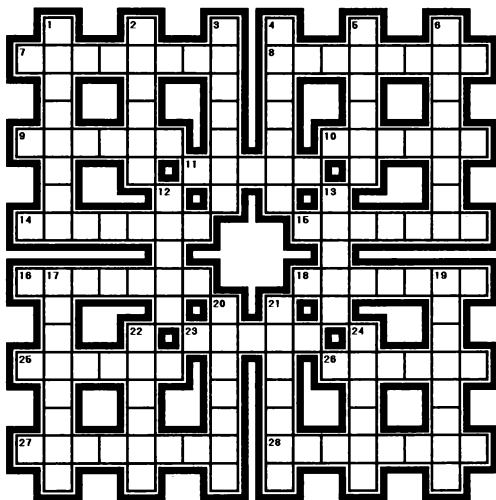
Каталог «Подписка 2014»: 45443, 44784

«Роспечать»: 81161, 81162

«МАП Почта России»: 10960, 44927

КРИМИНАЛЬНЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Актриса, бравшая деньги на революционное движение у Саввы Морозова. 8. Секретная ... спецслужбы. 9. Полицейский инспектор, саркастически относящийся к Ниро Вульффу в романах Рекса Стаута. 10. Герой романа «Мой личный враг» от Татьяны Устиновой. 11. Что помогло обнаружить потайную лабораторию в доме Малаха из романа «Утраченный символ» Дэна Брауна? 14. Что похитили в отместку за кораллы? 15. «Дайте мне шесть строчек, написанных рукой самого честного человека, и я найду в них что-нибудь, за что его можно повесить» (кардинал ...). 16. Подоплека инсинуации. 18. В каком из криминальных боевиков Марк Дакаскос играет священника? 23. Из-за чего получает ожоги геройня фильма «Голодные игры»? 25. Тюремный эскорт. 26. ... собственной безопасности. 27. Кем был Рафаэль Трухильо-и-Молина, чье убийство, произошедшее 30 мая 1961 года, отмечают как национальный праздник Доминиканской Республики? 28. Должность героя Сергея Филиппова из детективного фильма «Ночной патруль».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Какая международная организация создана в 1923 году, реорганизована в 1956 году, размещается в Лионе? 2. Бывший денщик Петра Великого, ставший начальником первой в России полиции, учрежденной в Санкт-Петербурге 27 мая 1718 года. 3. Звезда детективного сериала «Охота на асфальте». 4. «Если ты пьешь с ворами, опасайся за свой ...». 5. Чем торгуют Ожерельевы из фильма «Испытательный срок»? 6. Хобби Тамары Виноградовой из романа «Жизнь после жизни» Александры Марининой. 12. «Никакая ... в итоге того не стоит». 13. Кто из «Кембриджской пятерки» дожил до старости в Москве? 17. Редактор «Петербургского листка» из романа «Мертвый шар» Антона Чижга. 19. Какой Борис сыграл главную роль в фильме «Воры в законе»? 20. Английский дипломат, арестованный в 1918 году по «делу послов». 21. Героя фильма «Бой с тенью» прозвали «Большая белая ...». 22. Дебютным в кино для Джонни Деппа стал фильм «... на улице Вязов». 24. Кто из мировых классиков «отравил» мадам Бовари?

Работа Олега ВАСИЛЬЕВА

**Учредитель: ЗАО
«Издательская компания «Подвиг»**

Редакция:

Главный редактор **ШЕВЕЛЕВ Алексей Дмитриевич**
Ответственный секретарь **БАЛЯБИНА Татьяна Петровна**
8-495-787-35-64

Деловая переписка, отдел подписки –
заведующая редакцией **РОМАНОВА Зоя Викторовна**
Тел./факс: **8-495-787-35-63 podvig1950@mail.ru**

Заведующая отделом распространения

ИЛЬИНСКАЯ Елена Павловна

Тел./факс: **8-495-787-3568**

HelenaPavlovna@yandex.ru

Художник - **Аркадий БАБИЧ**

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № 012140

Формат 84x108 1/32 Гарнитура «Прагматика» Печать офсетная

Печ.л. 18. Подписано в печать 25. 11. 2014.

Тираж 2860 экз. Заказ 7480. Цена свободная

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адреса в Интернете – **www.подвигжурнал.рф www.cm-plus.ru**

Адрес редакции: 127 015 Москва, Новодмитровская ул., д. 5а

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

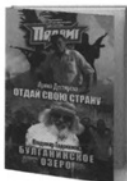

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Андреева. 8. Операция. 9. Кремль. 10. Филипп. 11. Ковер. 14. Кларнет. 15. Пишья. 16. Клевета. 18. «Убежище». 23. Пожар. 25. Конвой. 26. Служба. 27. Диктатор. 28. Директор. ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Интернет. 2. Девон. 3. Башков. 4. Кошелек. 5. Оружие. 6. Живопись. 12. Мест. 13. Филби. 17. Лихоткин. 19. Щербаков. 20. Локатор. 21. Надежда. 22. Кошмар. 24. Флюгер.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ:

Ирина Дегтярева. Отдай свою страну. Роман

Судьба Марио Санчеса – как рулетка: и африканская, и колумбийская, и, наконец, русская. Или ты убиваешь врагов, или охота идет за тобой. В обстановке гражданской войны в одной из африканских стран и столкновения интересов совсем других сил, стоящих за ними.

Владимир Евдокимов. Буганинское озеро. Повесть

Несколько парней из брянского города Клинцы, работающие на московской стройке, живут ничем особо не заморачиваясь. Но однажды они встречают странного на первый взгляд деда, который вольно или невольно заставляет их искать ответы на весьма непростые вопросы.

Всеволод Соловьев. Царская невеста. Роман

Достигший 16-летия царь Алексей Михайлович должен вступить в брак. По всей Московской Руси скачут царские посланцы, выбирают красавиц на смотрины. К кроткой и красивой Фиме, дочери касимовского дворянина, сватается могущественный приказчик богатого князя. Получив отказ, с ватагой разбойников нападает он на усадьбу, желая увести девушку силой.

оло-
ство,
К
кой

импе-
й заго-
ед-
и
тих
их

Александр Аннин. Кольт системы Макарова. Роман

«Охота» на «жриц любви» более чем 20 лет назад, череда загадочных смертей высокопоставленных чиновников тогда же и богачей в коттеджном поселке в наши дни, определенно, взаимосвязаны. Возможно, у них один и тот же заказчик. Расследование ведет

Шиника. Повесть

для всех, но
х подозревае-
те. Кого сажать
ть? И есть ли у
торжества спра-
улог...